

Т.В. Шмелёва

**ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД:
ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ**

Научная монография

Великий Новгород

2020

ББК 81.0
УДК 413.13
Ш 72

Шмелева, Татьяна Викторовна.

Великий Новгород: ономастический портрет: научная монография / Т. В. Шмелева; сост. приложения И. В. Василенко. – Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. – 288 с.: ил. – Библиогр. в конце глав. – (в пер.)

Книга представляет собой описание имен собственных Великого Новгорода с историческим комментарием и лингвистическими квалификациями. Описанию предшествует краткий очерк истории изучения городского ономастикона и изложение принципов портретирования конкретного города с его историей и культурой. Книга может представлять интерес для лингвистов, преподавателей русского языка и лингвистического краеведения, всех, кто интересуется языком города.

Монография подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта № 18-412-530002 «Ономастический портрет Великого Новгорода: диалектика древнего и актуального».

ISBN 978-5-6044057-5-8

*С благодарностью посвящаю эту книгу
моему брату и его жене –
Шмелевым Владимиру Викторовичу и Алевтине Николаевне,
которые познакомили меня с Новгородом
и помогли стать новгородкой*

© Т.В. Шмелева, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ГОРОДСКОЙ ОНОМАСТИКОН КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	8
1.1 Исторический подход к городским именам	8
1.2 Лингвистический подход к городским именам	9
1.3 Результаты лингвистического исследования городских имён	16
1.3.1 Имена городского пространства	17
1.3.2 Имена городских зданий	24
1.3.3 Имена предприятий, учреждений и заведений	27
1.4 Типы исследования городских онимов	33
Выводы	35
Литература	37
ГЛАВА 2. ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ИМЕНА ПРОСТРАНСТВА	52
2.1 Имя города	52
2.2 Новгородская топонимия	58
2.3 Имена городского пространства	64
2.3.1 Городское пространство в истории	64
2.3.2 Хоронимы	67
2.3.3 Уникальные территории	72
2.3.4 Имена монастырей	77
2.3.5 Имена парков и скверов	83
2.3.6 Имена стадионов	93
2.3.7 Имена рынков	94
2.4 Имена площадей	96
2.5 Имена линейных элементов городского пространства, или годонимия	103
2.5.1 История описания имён улиц	104
2.5.2 История имён новгородских улиц	110
2.5.3 Имена улиц как хранители памяти о героях войны	115
2.5.4 Переименования и дискуссии	121
2.5.5 Годонимы в ономастическом портрете	127
2.5.6 Имена мостов	131
2.5.7 Имена дорог	133
Выводы	135
Литература	135

ГЛАВА 3. ОНОМАСТИКОН ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ИМЕНА ЗДАНИЙ И ЗАВЕДЕНИЙ	141
3.1 Ойкодомонимия	141
3.2 Экклезионимия	157
3.3 Эргонимия как фрагмент новгородского ономастикона	165
3.3.1 Имена предприятий	165
3.3.2 Имена учебных заведений, или образовательная эргонимия ...	172
3.3.3 Имена лечебных заведений	177
3.3.4 Имена торговых заведений, или эмпоронимия	180
3.3.5 Имена заведений еды, или трапезонимия	196
3.3.6 Имена гостиниц	202
3.3.7 Имена заведений красоты	204
Выводы	210
Литература	213
ГЛАВА 4. НОВГОРОДСКИЙ ОНОМАСТИКОН: СТИЛИСТИКА И СЕМИОТИКА	217
4.1 Стилистика ономастикона	217
4.1.1 Метонимия	218
4.1.2 Метафора	222
4.1.3 Гипербола	224
4.1.4 Аттракции – омонимическая и паронимическая	225
4.1.5 Персонификация, или олицетворение	227
4.1.6 Говорящие фамилии	229
4.2 Семантика новгородского ономастикона	230
4.2.1 Персонный код	230
4.2.2 Православный код	234
4.2.3 Исторический код	239
4.2.4 Географический код	240
4.2.5 Код русской словесности	242
4.2.6 Инокультурные коды	244
4.3 Каллиграфия городского ономастикона	255
Литература	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	266
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
АЛФАВИТНЫЙ ИНДЕКС НОВГОРОДСКИХ ОНИМОВ	269

ВВЕДЕНИЕ

В этой работе представлены результаты исследования Великого Новгорода в особом аспекте – так, как он отразился в именах собственных городской среды, или его ономастиконе.

Надо сказать, что городские имена постоянно привлекают внимание общества, как правило, в критическом плане: одним не нравится обилие заграничных имён, другим – отсутствие фантазии имядателей, третьим – что фантазия зашкаливает и имена превращаются в ребусы, которые надо отгадывать. И вся эта критика относится к одному или паре городских имён. В этой работе стоит другая задача – увидеть городские имена как картину, отражающую историю города и современные вкусы, культурные предпочтения горожан. При этом моя позиция состоит в том, что горожане вправе выражать себя через городские имена, как и вправе их критиковать. Я старалась воздерживаться от критики, хотя иногда не удавалось удержаться от недоумений.

Для представления результатов анализа городских имён выбрана метафора портрета, которая одновременно предполагает внимание к общему ономастическому облику города, создаваемому его именами, и к каждому штриху, который создаёт городское имя в ономастическом портрете. Основанный на этой метафоре научный метод портретирования, уже применяемый ранее к разным научным объектам, кажется выигрышным по отношению к городскому ономастикону, поскольку даёт возможность показать его в разных планах. Собственно, планов выбрано три – увидеть городской ономастикон в его фрагментах, которых оказалась немало, затем посмотреть на городской ономастикон с позиций стилистики, а затем обратить внимание на визуальную сторону городских имён, иначе говоря, на то, как выглядят вывески в городе и что это означает.

Ономастическому портрету, в котором читатель, если он новгородец, узнает известные ему имена и в то же время обнаружит город с новой стороны, предшествует глава, в которой кратко излагается история открытия и изучения городского ономастикона в нашей стране, формирования идей и терминологии этого направления ономастики. Познакомившись с этой главой, можно будет понимать терминологию

портретирования, хотя я старалась использовать её минимально, предпочитая нетерминологические выражения типа *городские имена, имена заведений еды* и т. п. Изложение результатов исследования сопровождается визуальными материалами, в качестве которых используются фотографии из открытых источников и собственные снимки на телефон.

Книга сложилась в ходе реализации проекта, поддержанного РФФИ и администрацией Новгородской области, однако в ней обобщаются наблюдения над ономастиконем Великого Новгорода, которые я веду уже более 20 лет. Важно подчеркнуть, что эти наблюдения учитывают общие тенденции, характерные для российского города в постсоветское время, и одновременно историю города, которая отразилась в городских именах.

Считаю своим приятным долгом высказать благодарность моим близким, всегда поддерживающим меня и часто помогавшим, и моим коллегам, часто сообщавшим мне интересные городские имена.

Читателями этой книги хотелось бы увидеть прежде всего новгородцев, кому интересна ономастика как особый аспект жизни города, и всех, кого интересует проблема города и его языка.

ГЛАВА 1. ГОРОДСКОЙ ОНОМАСТИКОН КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Городской ономастикон понимается в настоящей работе в соответствии с терминологическим словарем как репертуар имён собственных городской среды [Подольская 1988: 98]. Для интерпретации этой совокупности имён как объекта ономастики по отношению к конкретному городу необходим обзор истории изучения городских имён в отечественной науке и результатов этого изучения, что и предполагается рассмотреть в настоящей главе. Наряду с понятием *городской ономастикон*, в работе используются как синонимичные термины *городские имена, городские наименования, онимия городской среды, ономастическое пространство города*.

Понятие *ономастикон* как собирательное используется по отношению к обширным территориям [Щетинин 2004; Ономастикон 2009; Беляева 2010], а также по отношению к текстам [Крюкова 1999] или жанрам [Кирпичева 2007; Юдин 2007]. На этом фоне термины *городской ономастикон* и *ономастикон города* можно отнести к принятым в отечественном научном обороте [Шмелева 1997; 2001а; 2009; 2009а; 2014; 2017; Киселева 1998; Ворошилова 2007; Городской 2015; Мальцева 2015; Суюнова, Андрющенко 2015; Томасик 2016; Попова 2017; Врублевская 2018; Питина, Урванцев 2018; Пономаренко 2018; Смирнова 2018; Соколова 2018], что позволяет говорить об одной из терминологических традиций, в которую вписывается настоящая работа.

1.1. Исторический подход к городским именам

Внимание к городским названиям обнаруживается ещё в XVIII веке, когда оно проявлялось в фиксации городских наименований, их коллекционировании, описании и публикации таких описаний. При этом преобладал исторический взгляд на городские имена.

Одной из первых публикаций, в которых проявляется внимание к городским именам, можно считать путеводитель по Москве с названием *«Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и*

прочая, собранное в 1755 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем описания Санкт-Петербурга г.н. с. В. Г. Рубаном», опубликованный тем не менее в 1782 году [Соколова 1985: 180].

Историк И. М. Снегирев издал несколько книг о Москве, где тоже уделялось внимание и городским именам: *«Памятники московской древности»* (1842–1845), *«Московские урочища, древние и новые»* (1852), *«Москва. Подробное историческое и археологическое описание города»* (1865, 1873) [Там же 1985: 180–181].

Можно заметить, как постепенно названия становятся не частью описания города, а особым объектом рассмотрения. Так, в журнале *«Сын Отечества»* (Ч. 185. № 9) в 1837 году выходит статья *«От чего и когда произошли названия Васильевского острова?»* [Большая 2013: 1122]. В Москве в 1878 году выходит книга А. А. Мартынова *«Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями»* [Соколова 1985: 181].

Внимание прежде всего к происхождению городских имён сохраняется и в XX веке. Так, в 1930–1950 годах были переизданы книги П. В. Сытина и П. Н. Миллера *«Происхождение названий улиц, переулков и площадей Москвы»*, П. В. Сытина *«Прошлое Москвы в названиях улиц»* и *«Откуда произошли названия улиц Москвы»* [Там же: 183].

Итак, можно сделать первый вывод о том, что внимание русских учёных к городским наименованиям было привлечено в конце XVIII века, и в следующем столетии оно было главным образом историческим, что вполне объяснимо: городские имена оказывались свидетелями и хранителями истории города. Важно отметить, что привлекались к изучению в основном московские наименования как имена города с древней историей. Существенно подчеркнуть, что внимание к городским именам связано и с историей формирования самого городского ономастикона, первым фрагментом которого оказываются имена городского пространства – улиц, площадей, переулков, мостов, застав, ворот и т. д.

1.2. Лингвистический подход к городским именам

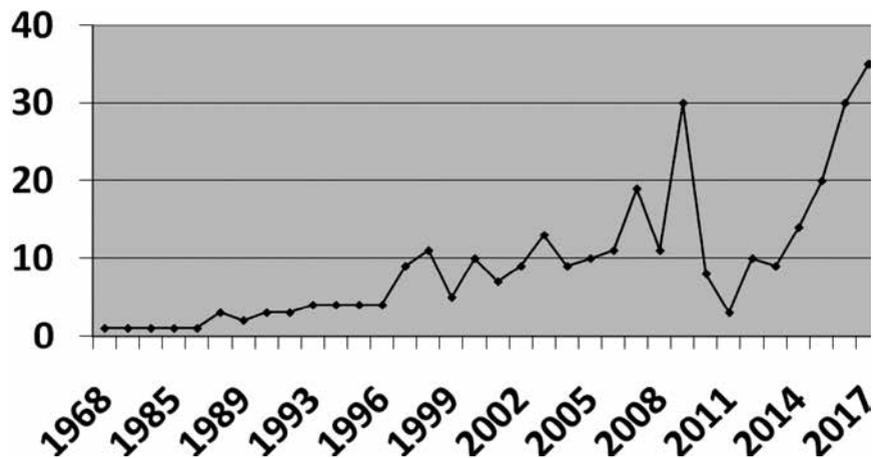
Во второй половине XX века на городские имена обращают внимание лингвисты, правда сначала совместно с географами, недаром первые лингвистические работы публикуются в сборниках *«Вопросы географии»*. Эта традиция продолжается и до сих пор: возобновлённый сборник *«Вопросы географии»* (Вып. 146. М., 2018) включает раздел о городских именах и библиографию по городской ономастике [Барандеев, Агеева 2018]. «Исторический уклон» ощутим и в ранних линг-

вистических публикациях, см., например, статью «*Топонимия Калуги – зеркало истории города*» [Маслов 1962], но начинают обсуждать и собственно лингвистические проблемы. Так, в 1964 году публикуется статья «*Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы*» [Суперанская 1964], а через два года – статья «*Наименование и переименование в городах*», где приводятся 12 принципов наименования московских улиц, виды мотивации, делается вывод о системности городских имен, которую не должны нарушать новые названия и переименования [Суперанская 1966].

Лингвистический подход к городским именам обозначается с позиций культуры речи, и именно эти работы представляют для нас наибольший интерес.

С тех пор, по нашим данным, опубликована почти тысяча статей и других жанров описания городских имён (монографии, словари, учебные пособия), при этом количественный анализ публикации показывает: если в 1960-е и далее появлялось по одной статье в год, то с 1997 года их уже – десяток, а после 2016 года их число измеряется тремя десятками. Соотношение количества публикаций по годам показано на следующем графике.

Эти статистические данные говорят о том, что внимание к городскому ономастикону расширяется интенсивно. Выглядящие экзотическими во второй половине прошлого века, сегодня публикации о городских именах становятся типичными, и в фокусе внимания лингвистов оказываются всё новые города. Так, в 2017 году, судя по данным электронной библиотеки РИНЦ, опубликованы материалы об именах

Смоленска, Екатеринбурга, Костромы, Архангельска, Абакана, Омска, Брянска, Пскова, Владивостока, Горно-Алтайска, Ульяновска, Нижнего Новгорода, Сокола Вологодской области; кроме того, изданы работы об ономастиконах не только российских городов, но и Усть-Каменогорска, Макеевки, Витебска...

Безусловная динамика исследований городского ономастикона ставит вопрос о характере изменений в представлении о нём лингвистов, что позволит сделать обзор наиболее характерных в этом отношении публикаций.

Итак, в сборнике «Вопросы культуры речи» публикуется статья «*О городской топонимии*» [Горбачевич 1964], а уже в 1967 году выходит монографическое описание ленинградской топонимии [Горбачевич, Хабло 1967], которое переиздавалось шесть раз, последнее издание – в 2002 году; а также два сборника статей – «*Топонимика*» и «*Микротопонимия*», в которых находится место и статьям о городской ономастике [Данилова 1967; Морозова 1967; Самуйлович 1967; Студенов 1967; Суганова 1967].

К концу 1960-х сложилось представление о городских именах как одном из видов топонимов, и эта линия продолжает реализовываться в отечественных исследованиях до сих пор. Однако скоро становится ясно, что топонимический подход не исчерпывает проблем городского ономастикона.

Показала это пионерская статья о городских именах, опубликованная в журнале «Русская речь» в 1968 году. Её авторы – сотрудники Института русского языка Б. З. Букчина и Г. А. Золотова – обозначают мотивы своего обращения к этой проблеме: «*Мы идем по улицам похорошевших наших городов и с умилением читаем: магазин «Светлячок», ателье «Красная шапочка», гастроном «Дружба», кафе «Хрустальное», столовая «Ромашка», универмаг «Ландыш», магазин «Лесная быль», кинотеатр «Мечта», а впереди – кафе «Дружба», кинотеатр «Ромашка», магазин «Березка», фабрика «Березка», кафе «Ландыш» и т. д.*» [Букчина, Золотова 1968: 49]. Однако не всё в этом умилительном пейзаже кажется авторам соответствующим культуре русской речи. Они обозначают ряд проблем: выбор из канцелярских и «человеческих» названий («Строчевышитые изделия» или «Вышивка»); возможность в городе мещанской претенциозности («Салон красоты»); грамматическая форма названий («Молоко» или «Молочная»); каждое ли учреждение должно иметь имя собственное; приемлемы ли массовые именованья одним именем («Тысяча мелочей»); омонимия названий

разных учреждений («Спутник» – гастроном, галантерея, кафе, гостиница, кинотеатр); обязательно ли соответствие названия своему объекту (магазин «Сюрприз» продаёт ... мебель) [Букчина, Золотова 1968]. Конечно, в обсуждении этих аспектов городских названий ощущается вкус эпохи, но значимость поднимаемых вопросов несомненна. Авторами высказано много интересных мыслей, которые нашли воплощение в более поздней практике наименования городских учреждений и ее обсуждениях. Таким образом, обращением к городским именам «на вывеске» мы обязаны вниманию к культуре речи, характерному для послевоенной отечественной лингвистики.

Немедленных последователей у этой публикации не появилось, она довольно долго оставалась экзотическим выступлением. Отчасти это можно объяснить и тем, что статья воспринималась в контексте многочисленных газетных выступлений, которые обильно цитируют авторы. Тем более что опубликована она была в научно-популярном журнале «Русская речь». Оценили её лингвистическую значимость, важность открытого пространства исследований позже, см., например, [Капанадзе, Красильникова 1982: 284]. Сегодня ссылки на эту статью можно найти во многих работах о городских именах, она воспринимается как классическая.

Как конкретизация лингвистического подхода к именам «на вывеске» воспринимается сегодня статья С. А. Копорского, вышедшая в 1969 году. В ней автор отмечает расширение круга объектов, которым даются имена собственные, и для анализа отбирает имена более 180 кинотеатров столичных и периферийных городов. Характеризуя их именованья как абстрактно-символические, автор показывает, что в качестве таких имён используется нарицательная лексика с семантикой явлений природы (*заря, восход, звезда...*) и времён года (*весна*); минералов (*алмаз, рубин*); растений (*берёзка, ландыш*), птиц (*буревестник, орёл*). Кроме того, здесь обнаруживаются имена лиц (*комсомолец, космонавт*) и абстрактные понятия (*авангард, дружба, свобода, слава*). Автор подчёркивает идеологическую значимость таких наименований, что отличает их от названий дореволюционных (*Колизей, Форум, Модерн*), их важность как особого звена в словарном составе современного русского языка [Копорский 1969].

Надо сказать, что и эта статья тоже не была встречена с интересом, которого, как сейчас кажется, она заслуживала, и не была подхвачена лингвистами, время таких исследований, видимо, ещё не пришло. Возможно, она была воспринята как одна из лексических работ.

Рассматривая историю изучения городских имён, нельзя не учитывать, что 1960–1970-е годы – это время формирования отечественной ономастики. Примечательными событиями этого процесса стали теоретический труд «*Общая теория имени собственного*» [Суперанская 1973] и «*Соварь ономастической терминологии*» [Подольская 1978]. Именно эти два издания «узаконили» место городской ономастики в ономастическом пространстве. Так, в теоретическом труде вводятся категории *урбанонимия* (правда, в неё включаются только названия улиц [Суперанская 1973: 167, 187]) и «собственные имена комплексных объектов», куда включают наименования заводов и предприятий, учреждений, в том числе кинотеатров и магазинов, спортивных и музыкальных коллективов, политических объединений, церквей и монастырей [Там же: 194–196]. Вся эта разнообразная масса онимических объектов не получает обозначения особым термином, но подчёркивается ряд общих моментов: наименования сооружений регулярно переносятся на коллектив работающих там людей, например, завод «Серп и молот»; противопоставлены официальные наименования учреждений, отражающие местоположение и род деятельности, и символические, ср. «Мытищинский машиностроительный завод» и кинотеатр «Родина»; отмечена связь имён собственных и цифровых обозначений («В сорок пятом сметаны нет» – о магазине). В общем контексте теоретического труда это занимает небольшое место, но для рассматриваемого здесь сюжета это весьма значительный момент.

В 1974 году в очередном выпуске сборника «Вопросы географии» публикуется статья «*Урбанонимия Центральных областей РСФСР*» (хотя в названии её тезисов в 1972 году фигурирует термин *урбонимия*, что анализируется в [Разумов 2015]), где он выступает ключевым и укрепляется в качестве такового в ономастическом обиходе [Подольская 1974].

Весь комплекс терминов, связанных с городскими онимами, введён в терминологический словарь в 1978 году, переизданный через десять лет с исправлениями: *урбаноним*, в том числе *агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним*; кроме того, вводится термин *астионим* – собственное имя города [Подольская 1988: 139; 31]. Забегая вперёд, можно сказать, что это было весьма существенным шагом в осмыслении городского ономастического пространства, однако и до сих пор проблемы терминологии относятся к дискуссионным, о чём говорят публикации [Супрун 2011; Разумов 2015; 2016; Жеребило 2016; Мадиева, Супрун 2017]. Характерно, что в очередном выпуске «Вопросов географии» опубликован указатель литературы, в котором авторы

иногда делают пометы типа «термин употреблен некорректно»; так, в частности, они помечают термин *урбоним* и производные от него, что воспринимается как сигнал сложившегося терминологического стандарта, который ономастическое сообщество готово поддерживать [Барандеев, Агеева 2018].

Параллельно с терминологическим освоением онимического пространства города происходит наращивание объёмов материала и расширение списка городов, имена которых описываются. Хотя безусловным лидером исследования остается Москва [Смолицкая, Горбаневский 1982; Вопросы 1985], постепенно в научный оборот вводятся знания о городских именах Ульяновска [Никонов 1969], Балашова [Архангельский, Клейменов 1969], Саранска [Воронин 1971], Тамбова [Гуревич 1972; Дмитриева 1985], Магнитогорска [Лабзина 1979], Саратова [Сиротинина 1988]. Кроме того, в ряде городов выходят справочные издания, которые становятся источниками материала для лингвистов, – [Имена 1972; Улицы 1989]. Интересно, что в это время обращается внимание и на неофициальные городские названия, изучение и лексикографирование которых позднее составит особую линию изучения городского ономастикона [Михалап 1979].

В 1990-е годы онимическое пространство города переживает настоящие потрясения. В ряде городов, прежде всего в Москве и Петербурге, возвращаются старые (дореволюционные!) названия улиц и площадей. Во-вторых, изменения в социальной жизни, вызванные перестройкой, породили явление, которое было названо «онимический взрыв» – невероятное увеличение городских объектов с именами собственными: банки, страховые компании, юридические конторы, школы, фирмы, аптеки, больницы. Торговые заведения, для которых было характерно выделение именами собственными нескольких, как тогда говорили, «флагманов советской торговли», обзавелись теперь названиями «поголовно», вплоть до киосков и невероятно размножившихся ларьков; при этом расширился терминологический словарь этих заведений: к магазинам и универсамам прибавились торговые дворы, лавки, салоны, студии... В-третьих, расширился собственно лексический состав ономастикона, включивший архаическую и разговорную лексику, антропонимы, иноязычные слова в поражающих воображение объёмах [Шмелева 1991; 1997].

Эти преобразования городского ономастикона, носившие стихийный характер, обострили ономастическое сознание горожан, тогдашние газеты были заполнены выступлениями журналистов, писателей, привлекали к таким дискуссиям и лингвистов, например, [Шмелева 1991а; 1993].

Представляется возможным утверждать, что всё это послужило стимулом для активизации и лингвистической рефлексии, лингвисты стали перед необходимостью сформулировать теоретические подходы к происходящим преобразованиям. Именно в эти годы защищаются диссертации [Мезенко 1991; Соколова 1993; Горбаневский 1994], появляются статьи с теоретическим осмыслением проблем [Шмелева 1990; 1991б]. Публикуются лексикографические описания, наиболее значительными из которых можно назвать словари [Городские 1990; Поспелов 1993], представившие масштаб советских переименований и возвращений имён.

Результатом такого лингвистического оживления становится увеличение количества публикаций к концу 1990-х. Так, в 1998 году опубликовано уже два десятка статей о городских именах, что существенно превосходит аналогичные данные для начала десятилетия. Рост числа публикаций начиная с 2000 года оказывается устойчивой тенденцией.

В первом десятилетии текущего века защищён ряд диссертаций, посвящённых проблеме городской ономастики [Козлов 2000; Яловец-Коновалова 2000; Разумов 2003; Стародубцева 2003; Горланова 2006; Ворошилова 2007; Носенко 2007; Олейникова 2008; Щербакова 2009; Трапезникова 2010], что говорит о формировании отряда исследователей городского ономастикона, с одной стороны, а с другой, – о расширении круга городов, ономастикон которых осмысливается в рамках современных принципов исследований: материалом приведённых диссертационных работ послужили городские имена Екатеринбурга, Челябинска, Костромы, Ярославля, Рыбинска, Канска, Новосибирска, Тамбова, Моршанска, Красноярска...

Во втором десятилетии века диссертации тоже защищаются чередой [Вайнрах 2011; Гальцова 2011; Михайлюкова 2013; Бутакова 2013; Целебровская 2013; Асанов 2014; Курбанова 2014; Замалетдинова 2016; Ливинская 2017], а количество статей измеряется десятками, что подтверждает популярность темы среди молодых исследователей. Легко заметить по формулировкам, что если первые работы были направлены на представление онимического материала, то современные публикации отражают его новые аспекты, интерпретация в рамках современных лингвистических парадигм – лингвокультурологической, когнитивной.

Знакомство с такими публикациями позволяет поставить вопрос о результатах, которые получены в ходе интенсивных исследований городского ономастикона.

1.3. Результаты лингвистического исследования городских имён

Пытаясь увидеть векторы развития исследований городских имён в отечественной лингвистике, следует сказать, что, зародившись как разновидность топонимики (отсюда обозначение объекта *городская топонимия*, которое можно встретить и сейчас), городская ономастика сформировалась как отдельная ономастическая дисциплина. Отличие её объекта от топонимии прежде всего в его онимической природе: если топонимику интересуют имена природного ландшафта, складывающиеся стихийно, то городские имена в условиях современного города появляются как результат искусственной номинации, для которой важно наличие конкретных номинаторов, документов, фиксирующих принятие решений, и их обнародование. Это не простое явление, симптоматично, что докторская диссертация одного из известных специалистов по городской ономастике была посвящена исследованию феномена искусственной номинации [Голомидова 1998].

В противопоставлении естественной и искусственной номинации важно подчеркнуть слово «современный», поскольку исторически городская топонимия не отличалась от природной. Первоначально наименования городского пространства тоже складывались стихийно [Ефремов 1985: 33], поэтому они на картах и планах часто обозначались описательно с использованием нескольких названий, например, «Пустошь Левушино на реке на Яхроме, а по крестьянскому прозванию Алешино тож» [Кусов 1985: 138], широко была распространена вариантность названий – *Дмитровка, Дмитровская; Ордынка, Ордынская* [Там же: 146].

Одним из первых волевых актов переименования считается указ царя Алексея Михайловича от 1658 года о переименовании Чертольской улицы в Пречистенку по церкви Пречистой Богородицы в Новодевичьем монастыре [Ефремов 1985: 33]. Полностью именование городских реалий оказалось в руках власти после победы большевиков. А с 1990-х годов искусственная номинация в городах России стала осуществляться как властью, так и частными владельцами, что породило новые аспекты исследования, например, вкусов номинаторов и отношения к их креатурам горожан [Трапезникова 2010; Разумов 2013].

Конечно, фактор искусственности городских имён не стоит абсолютизировать. И сегодня ономастикон любого города включает собственно топонимический фрагмент – имена природного ландшафта (гидронимы, оронимы в первую очередь) и урбанонимический – имена

культурного ландшафта, созданного человеком в ходе градостроительной деятельности и социальной жизни. Нельзя сказать, что эти фрагменты не соприкасаются: элементы первого служат основой для образования элементов второго. Так, гидроним Москва служит основой для метонимического астионима *Москва*, а также тысяч урбанонимов типа *Московский государственный университет, Московский зоопарк, магазин «Москва», универмаг «Московский»* и т. д. Их принципиальное различие невозможно не заметить: мы не знаем, кто назвал реку Москвой, но теоретически можем найти документы о том, кто назвал университет или зоопарк Московским, кто дал имя магазинам и т. д.

Итак, относительная обособленность городской ономастики во многом обусловлена характером исследуемых ею имён. Это первый вывод, к которому приводит рассмотрение истории изучения городских имён.

Второй существенный вывод состоит в том, что городские имена стали рассматриваться как ономастикон – система наименования городских реалий, или городское ономастическое пространство, в котором прослеживаются системные отношения и закономерности, а также следы их волевого нарушения. Понятие «городской ономастикон» с неизбежностью ставит вопрос о его структуре, то есть о типах урбанонимов.

Сложность представления городского ономастикона в его полноте и детальности связана с тем, что в практике его изучения и описания исследователи ограничиваются определённым фрагментом ономастикона, поэтому общее представление требует обобщения массы работ и собственных наблюдений.

Можно утверждать, что структура городского ономастикона определяется противопоставлением в городской среде таких фрагментов – 1) пространства города, 2) сооружений и 3) социальных институций, среди которых можно говорить о предприятиях, учреждениях и заведениях. Изучение каждого из фрагментов городского ономастикона заслуживает отдельного рассмотрения.

1.3.1 Имена городского пространства

Как понятно из предыдущего изложения, имена городского пространства первыми привлекли внимание исследователей, и эти урбанонимы изучены наиболее подробно и результативно. Обобщая материал опубликованных работ, можно сказать, что в городском пространстве важно выделять три типа объектов: территориальные, линейные и точечные.

Территориальные объекты – это прежде всего сам город, а также фрагменты городского пространства – районы и «территории на терри-

тории» – парки, рынки, стадионы и спортивные площадки, кладбища, монастыри, в некоторых городах – кремль.

Что касается имени города, для него предложен ономастический термин *астионим*, отсылающий к греческому корню с семантикой 'город' [Подольская 1988: 41]. Этот термин и производные от него используются в лингвистическом обиходе, см., например, [Крюкова 2015; Генкин 2018; Осипова 2018], но при этом есть работы, в которых оказывается достаточным термин *ойконим* – «собственное имя любого поселения, в том числе городского типа» [Подольская 1988: 89], как это хорошо продемонстрировано в работе [Ахметова 2013], где анализируются неофициальные названия больших и малых городов, а также посёлков городского типа и станиц. Можно, конечно, обойтись для всех населённых пунктов одним термином, но, учитывая специфику названий городов (суффикс *-ск*, формант *-град*, *-горск*, предпочтение мужского рода, как бы в согласовании со словом *город*) и оставаясь при латинском корне *urb-*, лучше использовать термин *урбоним*: название города от основы существительного *urb-*, а названия городских имён – от основы прилагательного *urban-*. Прозрачно и, как кажется, логично. Практика такого использования термина представлена в коллективной монографии об ономастике Белорусского Поозерья, что подтверждает его обоснованность [Мезенко и др. 2017: 178].

Однако, какой бы термин ни избрать для обозначения названия города, надо отдавать себе отчёт в том, что ономастические исследования чаще всего направлены на изучение происхождения астионима, в исследовании астионимии преобладает исторический подход, где классическим признаётся труд [Нерознак 1983], см. также [Добродомов 1993, 1997, 2003, 2009; Барандеев 1994, 1997, 1998; Кожевников 1995; Маршева, Котова 2000; Сазонов 2000; Бурькин 2003; Шилов 2003, 2005, 2009; Ююкин 2005; Щербак 2006]. Между тем и современные аспекты функционирования имён городов составляют интересный лингвистический сюжет. Прежде всего надо отметить, что только на карте имя города стоит одиноко, в современной коммуникативной практике оно находится в облаке его конкурентов, которые располагаются в сфере официальной номинации и неофициальной городской речи.

Первые представляют собой перифразы, количество которых зависит от культурного потенциала города, ими охотно пользуются журналисты, авторы текстов о городе; кажется, наибольшим количеством перифраз располагает Петербург: *город на Неве*, *культурная столица*, *северная столица*, *город трех революций* (устар.), *Северная Венеция*, *Северная Пальмира*...

Вторые рождаются в речевой стихии, известны в неофициальном общении, обычно на небольшой территории, однако сейчас становятся более популярными благодаря интернет-коммуникации. Этот феномен проанализирован в [Крюкова 2015] на материале интернет-ресурса «Языки русских городов». В статье показано, как велико число неофициальных урбонимов, как разнообразна их языковая техника, основанная на паронимической аттракции и ироническом сближении имён своих городов с именами знаменитых заграничных мест. Кроме того, имя города многократным эхом повторяется во множестве наименований городских объектов, в том числе в виде аброморфов типа *крас-*, *нов-* и под.; опыт такого исчисления городских имён, в которых присутствует название города, опубликован на материале Уфы [Ахметова 2016]. С названием города связана и проблема именования его жителей – *катойконимов* [Подольская 1988: 64–65], далеко не простая для многих городов, как показано в [Ахметова 2017].

Таким образом, описание имени города в его историческом и современном состоянии, а также в окружении альтернативных и производных имён составляет важный и интересный ономастический сюжет. Представляется, что он может «возглавлять» ономастикон города, многое в нём определяя и объясняя.

Имена районов города, для терминологического обозначения названий которых используется термин *хороним* с уточнением *городской хороним* [Подольская 1988: 146], хорошо изучены ономастически. Этот круг урбонимов представляет город в его фрагментированности, как правило, связанной с природной топонимией, как *Замоскворечье* в Москве, или к городским хоронимам относятся и официальные обозначения городских районов, сформированные в советское время, *Ленинский район*, *Свердловский район*, *Советский* и под. были практически в каждом городе; этот круг имён детально изучен, сопоставлена номинативная практика 1930-х и 1960-х годов, а также постсоветская [Разумов 2014; 2010]. Для последней отмечено, что система хоронимов в большинстве городов изменилась не существенно, хотя идеологически окрашенные хоронимы заменены собственно географическими; наиболее радикально перестроено административное деление Москвы. В 1995 году территория столицы «перекроена» заново, при этом система стала двуступенчатой: город состоит из округов, а те включают в себя районы, которым даны исторические, а не идеологические названия – *Лефортово*, *Хамовники*; это сообщается и в [Имена 2007: 7]. Есть опыты описания хоронимии отдельных городов [Шагапова 2016].

Характерно, что городскими хоронимами становятся *ойконимы* – названия посёлков и деревень, поглощённых городом, как московские хоронимы *Перово, Ясенево, Митино, Тропарево* и т. д. Наряду с официальными районами в обиходе горожан существуют неофициальные имена фрагментов городской территории, которые складываются в разговорной речи.

Что касается территорий города, которые представлены парками, скверами, стадионами, рынками и кладбищами, то в [Подольская 1988:] названия парков относятся к хоронимам (С. 146); для названий кладбищ даётся термин *некроним* (С. 86); предлагается и *некротопоним* [Майоров 2010]. Ономастических работ об именах этих территорий известно мало (так, в электронной библиотеке РИНЦ зафиксирована статья [Багомедов 2012]). Хотя существуют путеводители по кладбищам, например, Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб, 1993 [Большая 2013: 1121], а в рамках исторической науки развивается *некрополистика* – вспомогательная дисциплина, изучающая кладбища и культуру погребения. В городах, где есть кремль, имеется и литература об этой территории, однако их ономастических описаний мне неизвестно. Что касается стадионов, рынков, то ономастическим описанием таких территорий, видимо, ещё только предстоит заняться исследователям городского ономастикона.

Итак, территориальные объекты онимической номинации представлены целым рядом городских территорий, учёт названий которых необходим при установке на полноту описания.

Им противостоят имена *линейных объектов* городского пространства, наиболее подробно изученные и описанные под термином *годонимия* – названия городских улиц, а также проспектов, линий, проездов, переулков, бульваров и набережных [Подольская 1988: 52]. Как уже было сказано, в средневековом городе годонимия формировалась стихийно, в советское время именование улиц входило в номинативную политику, изменилась семантика, семиотика и грамматика улиц: семантических названий, в которых заключается характеристика улицы – *Длинная, Узкая, Береговая* и под., осталось немного; преобладали семиотические – меморативы (*улица Ленина, проспект Маркса*), демонстративы (*Октябрьский проспект, улица Диктатуры пролетариата*). Грамматика улиц в советское время была практически сведена к двум формам – существительное в форме родительного падежа (*улица Ленина*) или прилагательное (*Ленинский проспект*) [Шмелева 1991б].

В 1990-е годы в ряде городов прошло возвращение имён улиц, поэтому многие современные города демонстрируют сосуществование годонимических систем – дореволюционной, советской и современной.

В некоторых городах опубликованы словари имён улиц. Их сопоставительный анализ показывает, как по-разному соотносятся в таких описаниях ономастическая и историческая составляющая. Солидные описания имён городского пространства Москвы и Петербурга – [Имена 2007] и [Большая 2013], результаты коллективного труда в течение многих лет. Эти описания относятся к ономацентричным: на первом месте в них – имена, хотя исторической информации уделяется значительное место. Первое описание включает не только имена улиц, но (вопреки названию!) и рек, речек, с одной стороны, и районов, станций метро, с другой. На этом фоне как более точное воспринимается название петербургского описания, в котором не фиксируется тип городских имён, которые стали объектом описания; в нём, среди 15 000 топонимов, кроме улиц, представлены названия «мостов, островов, водоемов, рек, каналов» [Большая 2013: 7]. А издания, подготовленные в Пскове [Краснопевцев 1994; О чем 2012], Томске [История 2004], Старой Руссе [Горбаневский, Емельянова 2010], Красноярске [Город 2013], можно назвать историоцентричными: в них информация ономастическая уступает, и прежде всего по объёму, сведениям историческим, в красноярском издании – биографическим сведениям о людях, чьи имена носят улицы.

Интересно, что наряду с классическими описаниями имён одного города опубликовано исследование улиц всей страны с помощью современных технологий – «Улицы России: исследование Яндекса. 4 октября 2017. По данным Яндекс.Карт» (<https://yandex.ru/company/researches/2017/streets>). Оно учитывает «около 560 тысяч улиц в 43 тысячах населённых пунктов (без учёта самых маленьких деревень и сёл)». Помимо физических данных улиц (длина, кривизна и под.), просчитаны самые популярные названия, используемые от 7 тысяч до 11 тысяч раз»:

Топ-10 самых популярных названий улиц

1. Центральная	11493
2. Молодёжная	9342
3. Школьная	8353
4. Советская	8121
5. Садовая	7313
6. Лесная	7023
7. Новая	6847
8. Ленина	5776
9. Мира	5432
10. Набережная	5260

Выявлен и десяток распространённых улиц: «10 названий можно найти в каждом регионе России, от Камчатки до Адыгеи. Половина из них имеют советское происхождение – Комсомольская, Ленина, Октябрьская, Первомайская, Советская, остальные в основном связаны с местоположением – Береговая, Центральная, Школьная, Южная и Набережная. Кстати, Северных улиц немного больше, чем Южных, но зато Южные есть везде».

Вполне можно было предположить, что отличающихся улиц намного меньше, но вот точные данные: «Разных названий улиц сравнительно немного – около 83 тысяч, всего 15 % от общего количества улиц. 61 тысяча встречается только один раз – например, во всей России есть только одна Собачья улица и только одна улица 8-я Щель». Наличие такого панорамного исследования даёт основания для поисков специфики топонимов каждого города, и часть таких сведений об отдельных городах используется в настоящей работе. Этот новый тип исследований, как кажется, должен дать толчок изучения городских имён в больших масштабах и в сопоставительном плане.

Таким образом, имена городских линейных объектов оказываются фаворитами внимания, исследования и описания, причём как в столицах, так и в небольших городах. Можно утверждать, что массовые переименования и возвращения имён городского пространства обострили топонимическое сознание горожан, позволили им сформулировать принципы идеального названия улицы или площади. С сожалением можно сказать, что собственно языковые стороны городского имени занимают в этих представлениях и спорах не первое место, по-прежнему преобладают мотивы идеологические (заменить имена красных на имена белых) или эстетические (назвать красиво – часто такие требования к работе формулируются горожанами и журналистами, которые активно обсуждают проблемы наименования городского пространства). Попытка обратить внимание на языковые свойства городских имён, удобство обращения с ними в речи представлена в [Шмелева 1995].

В наименьшей степени изучены ономастически «*точки*» *городского пространства* – площади, остановки транспорта, станции метро, вокзалы, ворота, заставы. Даже при перечислении можно заметить, что одни из них следует отнести к точкам граничным – застава, ворота; другие – к транспортным – вокзал, остановка, станция метро; особая точка в городе – площадь, она выступает центром какой-то территории, часто местом публичной жизни.

Термин для названий площадей предложен в [Подольская 1988: 146] – *агороним* (*Красная площадь, Сенатская площадь, площадь Ро-*

гожская застава). Этот же термин предлагается и для рынков, что вряд ли можно признать удачным, хотя первоначально городская площадь была торговой, но сейчас такая связь обнаруживается только в историческом плане: *Сенная площадь* – место, где раньше торговали сеном, но теперь не торгуют ничем. Сегодня площади и рынки – разные городские объекты и именуется они по-разному, что требует специального термина для названий рынков.

Видимо, наибольший интерес лингвистов из «точечных» городских онимов вызывают транспортные точки, они рассматриваются в статьях [Савченко 1985; Соколова 1993; Киселева 1998; Проноза, Проноза 2014; Позднякова, Нестерович 2017] на материале Москвы, Красноярска, Керчи, Горно-Алтайска.

Таким образом, опыт изучения и описания имён городского пространства позволяет сделать ряд выводов.

Описывать урбанонимы отдельно от имён природного ландшафта практически невозможно. Так, в Петербурге острова представляют собой районы города, а их имена выступают в роли хоронимов – *Васильевский остров, Каменный остров*; в Москве в такой роли выступает ороним *Воробьевы горы*. Как уже было отмечено, нельзя не учитывать и тот факт, что многие урбанонимы мотивированы именами природного ландшафта.

Дифференциацию имён городского пространства можно проводить самым детальным образом и термины предложить для каждого вида онима, но при описании реального городского ономастикона оказывается, что одни и те же имена метонимически переносятся с одного объекта на другой, обеспечивая онимическое единство фрагмента городского пространства и возможность ориентироваться в нём горожан. Так, упомянутая московская *площадь Рогожской Заставы* хранит в своём названии память о *Рогожской заставе Камер-Коллежского вала*, которая возникла на месте *Рогожской ямской слободы* (до 1994 года это была *Застава Ильича*). К ней примыкают улица *Рогожский вал, Большой и Малый Рогожские переулки*, именовавшиеся тоже по Рогожской ямской слободе, где жили ямщики, которые занимались перевозками по дороге, ведущей в село *Рогожь* (позднее город Богородск, ныне Ногинск). Кроме того, есть улица *Рогожский Посёлок*, которая первоначально именовалась *Посёлок Рогожского кладбища*, центр старообрядчества [Имена 2007: 81, 442]. Таким образом, название площади Рогожской Заставы оказывается «свернутым текстом» [Горбаневский 1996: 173], развёртывание которого отсылает нас к событиям московской истории начиная с 1336 года – упоминания села Рогожь. В ономастическом пла-

не мы видим, как имя *Рогожский* переносится от названия села на граничную точку города (застава), затем на линейные объекты и площадь, соотносясь и с наименованием территории. Таким образом, рассмотренное прилагательное служит наименованием всех типов объектов городского пространства.

Итак, имена городского пространства представлены тремя типами онимов, которые часто связаны метонимическими переносами. Важно также, что городской ономастикон «поглощает» названия деревень, стирая разницу между урбанонимами и ойконимами. Конкретные отношения разных типов имён городского пространства выявляются в каждом городе, они связаны с его географией, историей и культурой. Важно подчеркнуть, что имена городского пространства едва ли не в каждом городе представлены в словаре, их значительное количество позволяет говорить о годонимической лексикографии, при этом уже сложилась типология годонимических словарей, проанализированная в [Шмелева 2019а]. Интересно, что если для ономастики необходимо различать годонимы, агоронимы, названия станций метро, то в словарях, например, [Имена 2007], описываются все эти имена городского пространства, потому что в практике городских коммуникаций их единство существенней их ономастических различий.

1.3.2 Имена городских зданий

Имена городских зданий не относятся к официально присваиваемым, и потому обсуждение этого фрагмента городского ономастикона вызывает возражение. Так, в рецензии на мою работу [Шмелева 2014] отмечается, что нецелесообразно говорить об особом фрагменте ономастикона – городские сооружения [Соколова 2018: 198]. Между тем такой тип онимических объектов предполагается в [Подольская 1988: 88] – *ойкодомоним*, имя собственное здания. И среди примеров таких онимов приводятся *Пашков дом*, *Румянцевский музей*, *Кремлёвский дворец*, *Малый театр*, *Третьяковская галерея* – в Москве, *Поганкины палаты* в Пскове. Далее автор словаря делает примечание, что этот термин можно применять к загородным дворцам и усадьбам.

Сомнение в реальности такого фрагмента городского ономастикона может возникать в связи с тем, что большая часть зданий в городе нумеруется и опознаётся по адресу типа «улица такая-то, номер дома такой-то». Но так было не всегда. До тотальной пронумерованности зданий в XX веке дома определялись в разных городах по-разному. Так, в Москве главным ориентиром в городе были храмы, и город мыслился

как совокупность приходов. Это отражено и в «Евгении Онегине», где семейство Лариных приезжает в Москву и останавливается «у Харитонья в переулке», то есть в приходе храма святого Харитония [Лотман 1983: 328]. Важным в городах было указание на имя владельца дома. Так, Пушкин пишет жене в Петербург, указывая ее местонахождение – «на Фурштатской в доме Алымова», «на Черной речке на даче Миллера» [Пушкин 1986: 29, 35]. То есть имя владельца было как бы именем дома, и язык города был наполнен именами домовладельцев, которые воспринимались так, как нами воспринимаются номера домов.

Такой способ наименования домов сейчас можно увидеть на табличках с сообщением о том, что дом охраняется государством, а выше – дом помещика или купца такого-то. Так этот дом именовался и при жизни купца или его потомков. Вот пример такой таблички в Екатеринбурге.

Помимо частных, как теперь говорят, жилых, домов, в любом городе были общественно-значимые сооружения: Дом губернатора, Присутственные места, Дворянское собрание, потом Горкомы и Горисполкомы, Дома культуры и Дома пионеров. И их наименования – обязательная часть языка города и городского ономастикона. Вообще слово *дом* широко используется в назывании разнообразных институций в городе: *Дом актёра*, *Дом печати*, *Дом книги*, *Дом обуви*, *Дом фарфора*, – это можно воспринимать как косвенное свидетельство того, что дом, здание – важная единица городской среды.

В последнее время появилась тенденция именовать жилые комплексы, хотя они могли бы описываться и по адресу. Эту тенденцию отметили лингвисты, и уже опубликованы статьи об этом виде ойкодомонимов [Разумов 2009; Дьякова 2016; Лекарева 2017]. Правда, с этим типом городских названий не всё так просто: это имена сооружений или хоронимы? Но важно, что этот новый объект городского пространства включается в ономастикон и изучается наряду с другими онимами в городе.

Самыми древними видами ойкодомонимов для русских городов оказываются *эклезионимы*. Этот термин в [Подольская 1988: 149] толкуется как топоним – название «места совершения обряда, поклонения

любой религии», и с этим невозможно спорить. В таком толковании экклезионим не обязательно принадлежит городу, существуют тысячи сельских храмов, которые часто давали названия самим сёлам – типа *Покровское, Троицкое* и под. Городской же храм – это всегда выделяющееся в городской среде сооружение, которое оказывается ориентиром в городе, а его название мотивирует имена элементов городского пространства. Такие имена сохранились в городах, и теперь они выступают свидетельствами существования храмов или их приделов. Так, в Москве район *Якиманка*, улицы *Большая Якиманка, Малая Якиманка, Якиманская набережная, Якиманский проезд, Якиманский переулок* названы по приделу Иоакима и Анны Благовещенской церкви, полуразрушенное здание которой взорвано в 1969 году; улица *Знаменка* – по церкви Знамения Богородицы, разрушенной в 1931 году; *Пятницкая* улица – по приделу св. Параскевы Пятницы церкви Святой Троицы, которая была уничтожена в 1934 году [Имена 2007: 73, 295, 597; 188, 430].

Можно напомнить, что в зданиях храмов ещё недавно могли находиться отнюдь не церковные организации, а, например, музеи, от этого здания не переставали быть храмами, как Исаакиевский и Казанский соборы в Петербурге (в последнем, как известно, был музей атеизма; о передаче Исаакия церкви долго шли споры, но собор остается городским музеем, где проводят службы священники). Поэтому представляется важным различать церковь, храм, собор как сооружение, архитектурную единицу городского пространства, с одной стороны, и церковную организацию, общину – с другой. В контексте изучения городского ономастикона *экклезионим* есть смысл интерпретировать как имя особого здания, задающее именование смежных объектов городского пространства.

Кроме того, нет, как кажется, смысла объединять под одним термином «церкви, часовни, кресты и монастыри» хотя бы потому, что церковь (а также храм, собор), часовня – здание или комплекс зданий, а монастырь – определённая территория, которая может располагаться как в городе, так и за его пределами. В городе монастыри были заметными территориями и давали названия серии линейных объектов городского пространства; так, *Сретенский монастырь* в Москве даёт названия улице *Сретенка*, площади *Сретенские ворота*, *Сретенскому бульвару*, *Сретенскому переулку*, *Сретенскому холму* и *Сретенскому тупику* [Имена 2007: 188, 493–494]. Как и церкви, монастыри упразднились, исчезали, но мотивированные ими имена городского пространства сохраняют память о них; например, *Страстной бульвар* хранит память о

Страстном женском монастыре, построенном в 1654 году и разрушенном в 1937-м [Имена 2007: 503].

Таким образом, ойкодомонимия – важный фрагмент городского ономастикона, не изолированный от других его фрагментов, и потому нуждающийся в ономастическом исследовании и описании.

1.3.3 Имена предприятий, учреждений и заведений

Впервые на эти имена внимание было обращено в статье [Букчина, Золотова 1968], а затем в теоретическом труде по общей ономастике они были квалифицированы как «собственные имена комплексных объектов», куда включаются наименования заводов и предприятий, учреждений, в том числе кинотеатров и магазинов, политических объединений, церквей и монастырей: завод «Серп и молот», спортивное общество «Динамо», Московский драматический театр на Таганке [Суперанская 1973: 194–196]. Выделяя в таких наименованиях главный признак «объединение, коллектив», эти имена собственные противопоставляли городской топонимии.

Их предлагается не считать урбанонимами, поскольку они не привязаны к определенному месту в городе и вообще относятся к периферии ономастического пространства [Разумов 2015]. Что касается периферии, то это определяют сами исследователи ономастики, с этим трудно спорить. Но то, что разнообразные заводы и парикмахерские, кинотеатры и магазины не привязаны к определённому месту в городе, – это даже трудно понять. Где же они располагаются в таком случае? В воображении горожан?

Все «нетопонимические» урбанонимы (и тут мы присоединяемся к позиции А. М. Мезенко и других исследователей, которые используют термин как общий для всех городских наименований) расположены в городской среде, они становятся ориентирами, отличительными признаками дома, если расположены на первых этажах жилых домов, а это весьма распространённая практика. Люди начинают говорить «встретимся, где „Пятёрочка“», «дом, где клуб „Алые паруса“» и т. д. Тот факт, что учреждения и заведения могут быть представлены в разных точках города и их имя повторяется, не отменяет их урбанонимической природы, как повторяющиеся имена людей не исключаются из антропонимикона: сколько бы людей ни носили имя Иван или Татьяна, оно не перестаёт быть антропонимом. В советское время были тысячи улиц Ленина, иногда в одном городе находились улица Ленина и проспект Ленина (как в Ленинграде), но это не выводило название из числа годо-

нимов. С другой стороны, если считать, что в городской среде есть не только урбанонимы, то что еще? Как обозначить эти городские онимы, которые нельзя включить в урбанонимы?

Терминологически весь круг «нетопонимических» имён предложено обозначать *эргоним*, который толкуется как «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 151].

Этот термин подхвачен и активно используется в работах по городской ономастике, так, в электронной библиотеке РИНЦ представлено 250 публикаций, в названии которых фигурирует *эргоним*. Кроме того, некоторые исследователи используют термин *эргоурбоним* [Козлов 2000; Вайнрах 2011; Тихоненко 2017]. Ни тот, ни другой термин не кажется идеальным, поскольку они охватывают слишком обширную массу онимов, характер которых зависит от называемого заведения. При этом важно понимать, что существо таких организаций не в том, что там собирается «деловое объединение людей» и они заняты какой-то деятельностью, а в том, что в рамках институции решается определённая социальная задача, или функция (см. название новой институции «многофункциональный центр») – производство, юридические вопросы, торговля, еда, красота, лечение. Объединить их в одной рубрике очень трудно.

Это было видно уже при первых попытках ономастической интерпретации такого рода онимов. Предполагая единый подход к ним, см., например, [Скрозникова 1985], используют термин «рекреационно-деловые» названия. Но такое определение можно отнести скорее к самим социальным институциям, которые рассматриваются в статье, чем к именам. И к тому же составной термин «рекреационно-деловые» убеждает, что свести к единству все эти названия не получается. Обнаруживая общие принципы номинации, например, по назначению, автор всё же рассматривает отдельные виды учреждений, в частности, кинотеатры (С. 83), что соотносится с [Копорский 1969], музеи, пляжи, продовольственные и ювелирные магазины, рестораны.

Дальнейшая практика изучения таких онимов убеждает в том, что целесообразнее рассматривать каждый вид социальных институций и использовать для этого особый термин. Так, о государственных заводах, фабриках говорят как о *предприятиях*, о конторах и музеях – как об *учреждениях*, а о частных – скорее как о *заведениях*. Хотя последнее вызывает критику со ссылкой на иронию Гоголя [Соколова 2018: 203], мне оно кажется вполне соответствующим узусу современного

русского языка: мы же говорим «учебное заведение», «торговое заведение с историей», в многочисленных отзывах в интернете о кафе пишут «уютное заведение», заведения указаны в толковании термина *эргоним* в [Подольская 1988: 151].

По отношению к тому, что здесь именуется заведениями, было предложено название *коммерческая номинация* [Яловец-Коновалова 1997; Новичихина 1998, 2003, 2012], поддержанное рядом исследователей [Романова 2008; Григорьева, Бабич 2014; Соколова 2016, 2017; Иссерс 2018]. Однако такое понятие не кажется соотносимым с тем, что мы изучаем языковые факты: сами по себе они не могут быть коммерчески успешными или неуспешными, в коммерции работают другие рычаги. Привлекательность, или аттрактивность, свойственна городским именам, хотя она в разных социокультурных ситуациях понимается по-разному; принципы аттрактивности в лингвистическом понимании этого качества имени заведения на примере заведений еды проанализированы в работе [Шмелева 2019]. Современные социальные институции стремятся в своих названиях выглядеть привлекательными, но это относится и к вполне некоммерческим институциям, как, например, детские сады, которые называют именами типа *солнышко*, *колокольчик* и под. Одним словом, «коммерчески» представляется ономастически нерелевантным признаком, поэтому в терминологическую систему данного исследования не включается.

Итак, в ономастикон любого города входят имена социальных институций, среди которых можно различать предприятия, учреждения и заведения, к последним относятся заведения торговли, еды, здоровья, культуры, туризма, красоты. Каждая из этих групп именуется по-разному, более того, кажется логичным рассматривать каждый вид предприятий, учреждений и заведений, а затем обнаруживать их общие номинативные свойства. В этом смысле интересно посмотреть публикации, в названии которых фигурирует термин *эргонимия* [Шимкевич 2000; Стамбровская 2004; Долганова 2006; Носенко 2007, 2007а, 2007б, 2015; Разумов 2010а; Алиева, Алистанова 2011; Петрова 2011; Агеева, Соколова 2012; Бутакова 2013; Свешникова 2013; Григорьева, Бабич 2014; Курбанова 2014; Сироткина 2015, 2016; Томилова 2015; Косаренко, Косаренко 2016; Крыжановская 2016; Мальцева 2016; Шалацкая 2016; Вермишова 2017; Новоспаская, Перфильева, Лазарева, Никашина 2017; Фейсханова 2017; Юдина 2017]. Такие работы делятся на два типа: в одних рассматриваются все названия разнообразных заведений – магазинов, кафе – и предметом исследования оказываются

чисто лингвистические параметры имён, в первую очередь мотивированность, языковые техники, прецедентность; в других рассматривается один вид социальных институций, например, свадебные салоны, гостиницы, заведения обслуживания автомобилей, турфирмы, риелторские предприятия. Кстати сказать, такого типа работы часто обходятся без термина *эргоним*, в их заголовках фиксируется тип городских заведений – аптек, ветеринарных клиник и др.

Таким образом, важным фрагментом ономастикона города оказываются имена разнообразных социальных институций. Их изучение и описание фактически не зависит от того, используется ли для их обозначения один термин – эргоним – или же система более конкретных терминов, что в данной работе представляется предпочтительным. Можно привести этот ряд терминов, использование которых уже имеет традиции:

эмпороним для обозначения имён собственных торговых заведений, от греческого *эмпория* – ‘торговля’ (консультация Е. В. Широной); предложен в [Шмелева 1989; 1990], используется в [Березуцкий 1998; Кадоло 2011; Тиригулова, Ибрагимов 2014; Виноградова, Преснякова 2015; Минец, Елистратова 2015; Муратова 2015; Горбачева, Минец 2016; Жукова 2018] (всего в электронной библиотеке РИНЦ 30 публикаций с термином в названии статьи или ключевых словах);

трапезоним для обозначения заведений питания – тех, что в советскую пору называли общепитом: столовых, кафе, ресторанов, баров, кофеен [Евсеева, Нуриева 2010]; параллельно с ним используются термины *трофоним* и *рестороним* [Старикова, Хоанг 2017; Хоанг, Старикова 2017; Хоанг 2018];

фирмоним – термин для обозначения имён собственных фирм; предложен кировскими коллегами, выпустившими словарь таких онимов [Тайна 1998], однако он не включает смысла предназначения фирмы, рода её деятельности и, кажется, не получил распространения. Используется с уточнением, например, *фирмонимы туризма* [Виноградова 2016];

отелоним – термин для обозначения имён собственных гостиниц; предложен в [Рыбальченко, Федотова 2016; Ермолаева 2017].

Можно заметить, что создатели последней серии терминов (рестороним, фирмоним, отелоним) уже не обращаются к материалу греческого и латинского языков, обходятся современными европейскими, предпочитая прозрачность термина, его понятность носителю русского языка.

Очевидная немногочисленность терминов приходит в противоречие с множественностью реальных заведений в современном российском городе, поэтому легче говорить о самих заведениях (аптеки, ветеринарные клиники, автосервис) и рассматривать их имена, чем изобретать каждый раз особый термин. Этим можно объяснить тот факт, что публикации с общими терминами *урбаноним* и *эргоним* превосходят по количеству работы с конкретными терминами. В конечном итоге задача городской ономастики – не культивирование терминов, а постижение современного ономастикона городов, формирование представлений о его составе, принципах изучения и описания.

Итак, в результате рассмотрения множества публикаций выявляется структура городского ономастикона, при этом принципы номинации каждого фрагмента ономастикона обнаруживают нечто общее и специфическое, что толкает к «пофрагментному» исследованию и описанию ономастикона города. Разные его фрагменты изучены в разной степени, реализованы принципы лексикографического их описания.

Приводимая ниже таблица представляет городской ономастикон в его фрагментах с указанием терминов, предъявляя тем самым терминологические лакуны и терминологическую вариантность. Знаком * отмечены термины из [Подольская 1988], при иных дано указание на источник.

В настоящей работе используются следующие термины:

урбоним – название города;

природные **топонимы** – названия пространственных объектов на территории города, в том числе **гидронимы** – названия водных объектов;

оронимы – названия гор и других возвышенностей;

урбанонимы – имена элементов культурного городского ландшафта: пространственные урбанонимы – **хоронимы**, **годонимы**, **агоронимы**;

имена сооружений – **ойкодомонимы**, **экслезонимы**;

имена предприятий, учреждений, заведений – **эргонимы**, в том числе **эмпоронимы**, **трапезонимы**.

Остальные элементы городского ономастикона терминологически обозначаются аналитическими наименованиями типа *имена заведений красоты, здоровья* и т. п.

Табл. 1. Ономастическая терминология

Имя города					
астионим* / ойконим* / урбоним [Мезенко 2017]					
Имена городских объектов					
урбаноним*/ городской оним /городское имя					
Имена городского пространства					
территориальные					
район	кремль	парк	стадион	рынки	кладбище
хороним*				агороним*	некроним* некротопоним [Майоров 2010]
линейные					
улица	проспект	переулок	бульвар	набережная	мост
годоним*					гефюроним [Разумов 2015] гефироним [Мадиева, Супрун 2017]
«точечные»					
центр		граница		транспорт	
площадь		вокзал, ворота, застава		остановка автобуса и др.	станция метро
агороним*		пилоним [Мадиева, Супрун 2017]		порейурбаноним [Мадиева, Супрун 2017]	
Имена зданий					
дома и жилищные комплексы, официальные здания					
ойкодомоним*					
храмы					
экклезионим*					

Имена предприятий, учреждений, заведений				
эргоним* эргоурбоним [Козлов 2000] / фирмоним [Тайна 1998]				
предприятия, учреждения				
заведения				
торговли	еды	туризма	гостиничного сервиса	красоты, здоровья, автосервиса
эмпороним [Шмелева 1990]	трапезоним [Евсеева, Нуриева 2010]; трофоним рестороним [Старикова, Хоанг 2017]	фирмоним туризма [Виноградова 2016]	отелоним [Рыбальченко, Федотова 2016]	

1.4 Типы исследования городских онимов

Анализ большого массива работ по городской ономастике ставит задачу выявить типы лингвистических исследований и способы их использования в подготовке ономастического портрета города, что предполагается сделать в рамках данного проекта.

Наиболее распространённым типом работ о городских именах можно признать работы *собственно лингвистические* – такие, в которых авторов интересуют городские имена, практически безотносительно к объектам их номинации. При этом лингвистические задачи ставятся разнообразные: выявить происхождение, историю и этимологию имён, что было показано ранее по отношению к урбонимам; охарактеризовать городские имена в плане словообразования, контаминированности [Носенко 2007а, 2017; Акимова 2008], прецедентных имён, языковой игры, одним словом, креатива [Коган, Козловская 2006; Козловская 2007; Шмелева 2006, 2017; Носенко 2007а, 2015; Подберезкина, Трапезникова 2009; Замалетдинова 2016; Крыжановская 2016; Соколова 2016а; Щербак, Казанкова 2016; Иссерс 2017, 2018; Русанова 2017; Фейсханова 2017]; из ономастических проблем рассматривается проблема трансонимизации [Долганова 2006].

Как и вообще в русистике, в городской ономастике уделяется большое внимание иноязычию, как лексическому [Шмелева 2007, 2008; Бутакова 2013; Томилова 2015; Заварзина, Кульпина 2018], так и графиче-

ческому [Филинкова 2004, 2009; Копытов 2009; Сперанская 2009]. Этот круг работ вводит в научный оборот массу интересных специфических фактов, характеризующих городскую ономастику, однако эти факты выступают только как материал для лингвистического анализа.

С природой городского имени связаны две проблемы – термины и неофициальные имена, они обсуждаются в ряде публикаций.

Что касается терминов, то в отличие от ономастических терминов, о которых неоднократно заходила здесь речь, далее имеются в виду онимические термины – обязательная часть именованья городских объектов: *город* Уфа, *улица* Центральная, *район* Хамовники и Октябрьский район, *магазин* «Старик Хоттабыч», *салон красоты* «Мария», *ресторан* «Тройка» и т. д. В повседневной речи термин может опускаться: «уехал в Уфу», «живёт на Центральной», «до Хамовников десять минут на метро» и т. д. Такая же практика характерна и для медиа, рассчитанных на жителей одного города, так, в петербургской интернет-газете «Фонтанка.ру» обычны заголовки такого типа: «Экстренные службы работают возле „Василеостровской“ и больницы на Чугунной» (19.02.2019), – петербуржцам понятно, что в первом случае речь о станции метро, а во втором – об улице.

Таким образом, онимический термин обязателен только для официальных наименований, фиксируемых в документах. Но по отношению к городским заведениям вопрос терминологии важен в том плане, что наряду с собственно онимом номинатор выбирает и онимический термин (аналоги этого понятия у других авторов – *номенклатурный термин*, *родовой термин*, *термин-классификатор* [Гусейнова 2011]); удобство этого понятия в том, что от него легко образовать более конкретные – *годонимический термин*, *эргонимический термин* (последний предложен в [Романова 2006], поддержан в других работах). Система онимических терминов пережила серьёзные изменения, и этот процесс продолжается. Так, известно, что онимический термин *парикмахерская*, хотя и не вытеснен из городской среды, но заметно потеснён такими терминами, как *салон красоты*, *салон причёсок*, *барбершоп*; заведения торговли тоже стремятся использовать не привычный термин *магазин*, а *салон*, *студия*, *маркет* и др., наряду с этим активно возвращается в городскую среду эмпоронимический термин *лавка*, *торговый дом*. Большой частью проблема онимических терминов рассматривается при анализе городских онимов, но есть публикации, посвящённые именно проблемам терминов [Романова 2006; Гусейнова 2011; Мальцева 2016].

Вторая проблема городских имён состоит в том, что часто они существуют в двух ипостасях – официальной и неофициальной. Первые

фигурируют в официальных документах, вторые – в повседневной речи горожан. В образовании неофициальных версий городских онимов можно наблюдать тенденцию к экономии, паронимическую аттракцию и другие приёмы языкового творчества; смеховую культуру горожан. Лингвисты проявляют внимание в этой части городского ономастикона [Михалап 1979; Капанадзе, Красильникова 1982; Свешникова 2002; Борейко, Шпак 2013; Мальцева 2015; Клименко, Кирчегина, Лихачев 2015; Ганжина 2016; Бормакова 2017; Ливинская 2017; Клименко, Промах 2018; Клименко, Рут 2018]. Неофициальные имена городских реалий фиксируются в словарях городского сленга, например, [Никитина, Роголева 2006], однако такие словари созданы не для всех городов, это одна из перспектив городской лексикографии.

Изучение городских онимов в соотношении к их референтам реализуется в двух направлениях: семасиологическом и ономасиологическом. Первое направление – «от имени» – предполагает анализ городских онимов в первую очередь в плане мотивированности. Ономасиологическое же изучение предполагает исследование «от ситуации», которая лежит в основе функционирования изучаемого городского объекта, будь то городское пространство, здание или заведение. Так, опубликованы опыты такого описания эмпоронимов [Шмелева 1990] и имён парикмахерских [Шмелева 2014]; такой подход можно видеть в работах о наименовании бульваров [Разумов 2015а], аптек [Мезенко 2017], ветеринарных клиник [Томасик 2017], гостиниц [Ермолаева 2017; Жук 2018; Соловьев 2018]. Оба направления исследования городских имён представляются плодотворными, дополняющими друг друга, позволяющими получить новые важные знания о городском ономастиконе.

Выводы

Подводя итоги анализа публикаций о городской ономастике в плане формирования стратегии создания ономастического портрета конкретного города, как предполагается в данной работе, следует сказать, что она вписывается в общую исследовательскую стратегию, которая применялась по отношению к другим объектам [Шмелева 2012]. В принципе она состоит в том, что заранее определяются черты объекта, которые необходимы для портретирования в соответствии с семантикой слова *портрет* – ‘черта за чертой’, а затем эти черты наполняются содержательно. Насколько можно судить на данном этапе исследования, портрет городского ономастикона должен быть объёмным, поскольку его должны составлять три ряда черт.

Великий Новгород – древнейший город России, в 2019 году он отметил 1160-летие. Поэтому его современный портрет не может обойтись без исторических штрихов, они не только необходимы для полноты портрета, но и важны как объяснения многих современных черт новгородского ономастикона. Портрет можно представить как ряд ракурсов.

Первый ракурс составит «пофрагментное» описание ономастикона города, при этом в каждом фрагменте будут отмечены состав онимических терминов с их изменениями; корпус официальных и неофициальных названий, естественно, при их наличии. При этом придётся рассмотреть отдельно часть ономастикона, которая отражает городское пространство, а отдельно – всё, что в городском пространстве размещается – здания, сооружения, предприятия, учреждения и заведения. Обе портретируемые части пронизаны общими лексемами и мотивами, что и позволяет воспринимать их как части одного портрета. Они представлены в двух главах – второй и третьей.

Второй ракурс портрета городского ономастикона составит характеристика стилистических приёмов, используемых при создании, как правило, эргонимов. И третий ряд черт, составляющих портрет городского ономастикона, представит его осмысление в семиотическом плане, что позволит увидеть поликодовость ономастикона как реализацию нескольких культурных кодов, сосуществующих в городской среде или сменяющих друг друга. Эти ракурсы ономастического портрета города представлены в последней, четвертой главе.

При освещении портрета новгородского ономастикона во всех трёх ракурсах, помимо ономастических работ, оказывается востребованным широкий круг источников: работы по истории Великого Новгорода и разнообразные медийные публикации, в которых отражаются решения властей о наименовании или переименовании городских объектов, обсуждение этих решений горожанами, и в том числе профессиональными историками и филологами. Поэтому к каждой главе представлена собственная библиография, иногда пересекающаяся, но в целом специфическая. При этом можно будет отметить, насколько активно и адекватно городские медиа освещают проблемы городской ономастики.

Таким образом, при создании портрета городского ономастикона оказывается востребованным весь опыт изучения городских имён в отечественной ономастике, проанализировать который предполагалось в настоящей главе.

Литература

Агеева Р. А., Соколова Т. П. О московских эргонимах // Экология языка и речи: Мат-лы Международной конф. (17–18 ноября 2011). Тамбов, 2012. С.316–319.

Акимова А. И. Словообразовательные модели, продуктивные в микротопонимике (на материале названия улиц города Бийска) // Актуальные проблемы современного словообразования: материалы междунар. науч. конф. / под общей ред. Л. А. Араевой. Кемерово, 2008. С. 235–237.

Алиева Г. Н., Алистанова Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка в лексикографическом аспекте // Научное мнение. СПб, 2011. № 3. С. 7–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17253190>.

Архангельский В. А., Клейменов А. А. Эволюция названий улиц города Балашова за 50 лет // Ономастика Поволжья: Мат-лы Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 234–238.

Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014.

Ахметова А. Р. Актуальные тенденции русского языка в эргонимах с лексемой Уфа // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10–6. С. 12–14. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27337355>.

Ахметова М. В. «Маргинальные» катойконимы: от окказионального к систематическому // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 110–131. URL: http://onomastics.ru/sites/default/files/doi/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.006.pdf.

Ахметова М. В. Прецедентные онимы в неофициальной ойконимии // Вопросы ономастики. № 1 (14). 2013. URL: <http://onomastics.ru/content/2013-№1-14-2>.

Багомедов М. Р. Специфика проявления исламского мировоззрения в даргинских некронимах // Исламоведение. 2012. № 2 (12). С. 58–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17849859>.

Барандеев А. В. Город на Каме – где, не знаем сами // РЯШ. 1994. № 3.

Барандеев А. В. *Звенигород* // РЯШ. 1997. № 3.

Барандеев А. В. Этимология топонима *Звенигород* // ФН. 1998. № 4.

Барандеев А. Г., Агеева Р. А. Литература по топонимике (2009–2018) // Вопросы географии. Вып. 146. Актуальные проблемы топонимики. М., 2018. С. 272–308. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35268954>.

Беляева М. Ю. Ономастикон западных районов Краснодарского края: полисистемный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Ставрополь, 2010.

Березуцкий И. В. Возможности номинативной политики в названиях торговых учреждений (на материале эмпоронимов Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. Красноярск – Ачинск, 1998. С. 30–32.

Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / Авт. – сост. А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев, А. Б. Рыжков и др. СПб: Информационно-издательское агентство «ЛИК», 2013. 1136 с.

Борейко Т. С., Шпак Е. А. Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. Омск, 2013. № 1 (1). С. 62–64.

Бормакова В. В. Неофициальные антропотопонимы Смоленска (структурно-семантический анализ) // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2017. № 3 (39). С. 116–125.

Букчина Б. З., Золотова Г. А. Слово на вывеске // Русская речь. 1968. № 3. С. 49–56. URL: <http://russkayarech.ru/files/issues/1968/3/1968-3.pdf>.

Бурыкин А. А. Магадан // РЯШ. 2003. № 2.

Бутакова Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города: Автореф. ... канд. филол. наук. Томск, 2013.

Вайнрах Ю. В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: Автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.

Вермишова П. И. Современные эргонимы как отражение унификации языкового пространства российских городов // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Т. Ф. Новикова. Белгород, 2017. С. 103–107.

Виноградова Л. В. Фирмонимы туризма на рынке Псковской области // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития: международный сборник научно-методических статей. ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет». Псков, 2016. С. 118–129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26433719>.

Виноградова Л. В. Фирмонимы туризма на рынке Псковской области // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития: международный сборник научно-методических статей. ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет». Псков, 2016а. С. 118–129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26433719>.

Виноградова Л. В., Преснякова Н. А. Эмпоронимы города Пскова в структурно-семантическом аспекте // Язык и культура в билингвальном образовательном пространстве. Материалы I международной научно-практической конференции. Общество с ограниченной ответственностью «Логос». Киев, 2015. С. 27–32.

Вопросы географии. Вып. 126. Географические названия в Москве. М., 1985.

Воронин И. Д. Старинная микротопонимия города Саранска // Ономастика Поволжья: Мат-лы 2-й Поволжской конф. по ономастике. Горький, 1971. С. 264–266.

Ворошилова Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: Автореф. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007.

Врублевская О. В. Городской ономастикон в языковом сознании современного горожанина // Жизнь языка в культуре и социуме – 7 материалы Междуна-

родной научной конференции. Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов. М., 2018. С. 38–40.

Гальцова А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: Автореф. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.

Ганжина И. М. Неофициальные урбанонимы г. Твери как культурно-языковой феномен: перспективы изучения // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных статей международной научной конференции. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. Витебск, 2016. С. 300–303.

Генкин В. М. Формирование астионимной системы Витебщины и Смоленщины // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей. Витебск, 2018. С. 70–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35157125>

Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике: Автореф. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, М., 1994.

Горбаневский М. В., Емельянова М. И. Улицы Старой Руссы: История в названиях. Изд. 2-е доп. и испр. М.: Патриарший Издательский Центр, 2010. 352 с.

Горбачева В. А., Минец Д. В. Язык промышленного города (на материале эмпоронимии г. Череповца) // Перспективы науки – 2016: материалы III Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. Казань, 2016. С. 253–258.

Горбачевич К. С. О городской топонимике // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 91–104.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов в Ленинграде. Л.: Лениздат, 1967. 470 с.

Горланова И. Б. Топонимия города Костромы (структура, семантика и функционирование в синхронно-диахронном аспекте): Автореф. ... канд. филол. наук. Кострома, 2006.

Город имен / отв. ред. Е. М. Южакова. Красноярск: МП г. Красноярска «ИЦ Городские новости», 2013. 276 с.

Городские имена сегодня и вчера: Ленинградская топонимика / Сост. С. Алексеева, А. Владимирович, А. Ерофеев и др. Л., 1990. 160 с.

Городской ономастикон: Материалы Международного научно-теоретического онлайн-семинара молодых исследователей: сборник трудов. Волгоград, 2015. 100 с.

Григорьева Н. О., Бабич Д. А. Коммерческие эргонимы Ростова-на-Дону: функционально-прагматический аспект // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: Материалы I Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–7 ноября 2014) / Под общ.

ред. Е. А. Жуковой, И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холомеенко. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2014. С.100–104.

Гуревич М. Я. История Тамбова в названиях улиц // Вопросы топонимики в СССР. Мат-лы топонимической комиссии 1970/71 и 1971/73 гг. М., 1972. С.15–19.

Гусейнова Н. А. Роль иноязычных заимствований в формировании современной российской эргонимической терминологии (на материале предприятий торговли) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 6. С. 45–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17771640>.

Данилова А. М. Названия улиц Москвы, образованные от личных имен // Микротопонимия. М., 1967. С. 81–84.

Дмитриева Л. И. Топонимия Тамбова // Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовской области. Тамбов, 1985. С. 132–137.

Добродомов И. Г. Казань // РЯШ. 2003. № 5.

Добродомов И. Г. Москва // РЯШ. 1997. № 4.

Добродомов И. Г. Топонимика и источниковедение (*Казань* в хронологическом и этимологическом аспектах) // Вопросы географии. Современная топонимика / отв. ред. А. В. Барандеев; [сост. Р. А. Агеева, А. А. Герцен]. Сб. 132. М.: Наука, 2009. С. 151–175.

Добродомов И. Г. Город *Коломна* (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // Топонимия России. М., 1993. С. 55–73.

Долганова А. Ю. Процессы трансонимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. № 5 (2). 2006.

Дьякова Н. С. Ономазиологический анализ наименований жилых домов и жилищных комплексов Череповца // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец, 2016. № 6 (75). С. 87–90.

Евсеева И. В., Нуриева Д. А. Название кафе, баров, ресторанов г. Лесосибирска // Язык города: материалы II Международной научно-практической конференции. Бийск, 2010. С. 127–132.

Ермолаева Е. В. Ономастикон предприятий гостиничного сервиса (на материале отелонимов Республики Адыгея) // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: Сб. материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой, Майкоп, 2017. С.198–2018. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35253769>.

Ефремов Ю. К. О ходе и принципах наименования московских улиц // Вопросы географии. Вып. 126. Географические названия в Москве. М., 1985. С.33–47.

Жеребило Т. В. Фрагмент «Словаря ономастических терминов» // Рефлексия: журнал. № 6. 2016. С. 52–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28123837>.

Жук Н. А. Название отелей Москвы и Нью-Йорка сквозь призму топонимики // Вопросы географии. Вып. 146. Актуальные проблемы топонимики. М., 2018. С. 214–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35268948>.

Жукова А. Г. Эмпоронимы в «деликатных» сферах (на материале названий магазинов больших размеров) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 203–209. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36590733>.

Заварзина Г. А., Кульпина И. А. Англицизмы и американизмы в наименованиях коммерческих объектов города Воронежа // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей X Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Пенза, 2018. С. 141–143.

Ильмова Ю. А. «Игра в античность» в пространстве современной массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 324–333. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25588800>.

Имена московских улиц / под ред. А. М. Пегова. М., 1972.

Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 608 с.

Иссерс О. С. Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2017. № 30. С. 821–824.

Иссерс О. С. Между узнаваемостью и креативом: фрейминг как инструмент создания коммерческого имени // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2018. С. 75–103.

История томских улиц. Изд. 2-е доп. и испр. / Отв. ред. Г. Н. Старикова. Томск: Издательский дом «D'Print», 2004. 401 с.

Кадола Т. А. Анализ эмоциональной окраски наименований городских торговых объектов (на материале эмпоронимов г. Абакана) // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2011. № 3 (105). С.10–15.

Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Лексика города (К постановке проблемы) // Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1982. С. 282–294.

Кирпичева О. В. Ономастикон рекламного текста: Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

Киселёва Л. А. Ономастикон красноярского транспорта // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. Красноярск – Ачинск, 1998. С. 33–34.

Клименко Е. Н., Кирчегина И. А., Лихачёв А. Г. Неофициальные названия городских реалий в языке горожан // Альманах мировой науки. Люберцы: ООО «АР-Консалт», 2015. № 2–1 (2). С. 153–154.

Клименко Е. Н., Промах Л. В. Неофициальные названия городских реалий Екатеринбурга и их лексикографирование // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2018. Т. 23. № 1. С. 200–205.

Клименко Е. Н., Рут М. Э. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2018. Т. 15. № 2. С. 210–222.

Коган И. И., Козловская Н. В. Языковая игра в сфере современных городских наименований // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2006 г. / Отв. ред. В. А. Козырев. СПб: Изд-во РПГУ им А. И. Герцена, 2006. С. 155–158.

Кожевников А. Ю. Брянск, Дьбрянск... дьбрь? // РР. 1995. № 5.

Козлов Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Копорский С. А. О лексико-семантических особенностях наименований (названия театров) // Мысли о современном русском языке: Сб. статей / под ред. В. В. Виноградова; сост. А. Н. Кожин. М.: Просвещение, 1969. С. 24–30.

Копытов О. Н. Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города: Хабаровск // Кириллица – латиница – гражданица: Коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Шмелева / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 152–167.

Косаренко С. В., Косаренко О. Т. Эргонимы в информационной среде города // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. Воронеж, 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 138–141.

Краснопевцев В. Улицы Пскова: История в названиях. Псков, 1994.

Крыжановская В. А. Современная эргонимия: основные приемы графической игры // Вестник Костромского государственного университета. Кострома, 2016. Т. 22. № 3. С. 179–181.

Крюкова О. С. Ономастикон романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Издательство «МИК», 1999. 152 с.

Крюкова И. В. Стилистическое варьирование астионимов в современной городской лингвокультуре (по материалам словаря «Языки русских городов») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 3 (98). 2015. С. 134–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23400991>.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: Автореф. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2014.

Кусов В. С. Топонимия Москвы на русских чертежах XVII века // Вопросы географии. Вып. 126. Географические названия в Москве. М., 1985. С. 138–148.

Лабзина М. В. Топонимия города Магнитогорска // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979. С. 79–88.

Лекарева Л. А. Имена жилых комплексов в Пскове // Иностраный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития Международный сборник научно-методических статей. Киев, 2017. С. 180–186.

Ливинская И. В. Единицы региолекта и их лексикографическая интерпретация (на материале регионализмов и неофициальных речевых топонимов г. Новосибирска: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2017.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. № 2. 2017. С. 115–125. URL: http://onomastics.ru/sites/default/files/doi/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014.pdf.

Майоров М. В. Некротопоним как новый термин в ономастике // Русская речь. 2010. № 4. С. 89–93.

Мальцева В. М. Новые эргонимические термины в названиях заведений общественного питания Абакана и Черногорска // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2016. № 15. С. 53–56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27404386>.

Мальцева М. В. Городской ономастикон Сыктывкара // Научный диалог. 2015. № 6 (42). С. 72–87.

Маршева Л. И., Котова В. Н. *Лунецк* // РЯШ. 2000. № 2.

Маслов Н. М. Топонимия Калуги – зеркало истории города // Вопросы географии. Вып. 58. Географические названия. М., 1962.

Мезенко А. М. Особенности номинации аптек в Витебске и Смоленске: семантическая зона «система» // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Смоленский государственный университет. Смоленск, 2017. № 5. С. 121–124.

Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Минск, 1991.

Мезенко А. М., Васильева Т. Ю., Галковская Ю. М., Дорофеев М. Л. Белорусское поозерье: культура – ономастика – социум: монография; науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. 180 с.

Минец Д. В., Елистратова К. А. Эмпоронимы в структуре языкового пространства г. Череповца: функциональный аспект // Проблемы порождения и восприятия речи. Материалы XIII выездной школы-семинара. Отв. ред. Е. В. Грудева. Череповецкий государственный университет. Череповец, 2015. С. 115–121.

Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): Автореф. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2013.

Михалеп К. П. О неофициальных именах собственных (на материале городского нелитературного просторечия) // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров. Красноярск, 1979. С. 89–97.

Морозова М. Н. Словообразовательные типы географических объектов Москвы (по данным справочника 1964 года «Улицы Москвы») // Микропонимия. М., 1967. С. 71–80.

Муратова Е. Н. Ономастическое пространство г. Волгограда (на примере эмпоронимов) // Образование и наука в современных условиях. Чебоксары, 2015. № 3. С. 253–255.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2006. 384 с.

Никонов В. А. Названия улиц в Симбирске-Ульяновске // Ономастика Поволжья: Мат-лы Поволжской конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 226–234.

Новичихина М. Е. Коммерческая номинация: монография. Воронеж, 2003. 191 с.

Новичихина М. Е. Проблемы изучения коммерческой номинации. Воронеж, 2012. 108 с.

Новичихина М. Е. Коммерческая номинация: ретроспективный анализ // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 7. Красноярск, 1998. С. 22–24.

Новоспасская Н. В., Перфильева Н. В., Лазарева О. В., Никашина Н. В. Эргонимы-названия свадебных салонов на материале русского и английского языков // Филологические науки. вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 2–2 (68). С. 158–162. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28363667>.

Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007.

Носенко Н. В. Языковая игра в эргонимическом словообразовании // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд. НПУ, 2007а. С. 160–165.

Носенко Н. В. Эргонимы-контаминанты: структура, семантика и особенности функционирования // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2017. № 2. С. 104–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9501413>.

Носенко Н. В. Языковая игра в современной эргонимической номинации // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2015. № 2 (51). С. 365–368.

О чем рассказывают городские названия. Учебный лингвокультурологический словарь / Сост. М. П. Варламова, Г. В. Галактионова, Л. С. Головина и др. Псков: ООО «ЛОГОС Плюс», 2012. 138 с.

Олейникова С. Д. Ономастическое пространство города Моршанска: Автореф. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония): учебное пособие / под ред. Л. П. Ефановой, Ставрополь, 2009.

Петрова М. А. Эргонимы в сфере туристического бизнеса республики Саха (Якутия) // Язык и социальная динамика. Красноярск, 2011. № 11–2. С. 96–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22885176>.

Питина С. А., Урванцев Г. В. Городской ономастикон в художественном

тексте и кинодискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2018. № 1 (54). С. 17–23.

Подберезкина Л. З., Трапезникова А. А. Языковая игра в коммерческой номинации // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. научных работ, посвященный 80-летию доктора филол. наук, проф. А. П. Сковородникова / Сибирский федеральный университет; под ред. Г. А. Копниной. Красноярск, 2009. С. 240–245.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. 190 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Подольская Н. В. Урбанонимия центральных областей РСФСР // Вопросы географии. № 94. М., 1974.

Позднякова Е. Ю., Нестерович А. П. Современная микротопонимия в названиях автобусных остановок г. Горно-Алтайска // Ползуновский альманах. Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. Барнаул, 2017. Т. 2. № 3. С. 145–149. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30565547>.

Пономаренко И. Н. Ономастикон Краснодара как полиаспектная система // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах. Ответственный редактор Е. Я. Титаренко. Симферополь, 2018. С. 133–138.

Попова А. А. Ономастикон города как феномен современной урбан-культуры // Вестник науки и образования. Иваново, 2017. Т. 1. № 7 (31). С. 42–46.

Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь. М., 1993. 250 с.

Проноза А. В., Проноза В. А. Современная городская топонимика в названиях автобусных остановок (на примере керченского маршрута общественного транспорта № 10) // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. Курск, 2014. № 3 (2). С. 35–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22801056>.

Пушкин А. С. Письма к жене / изд. подгот. Я. Л. Левкович. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1986. 260 с. Серия «Литературные памятники».

Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 247–253.

Разумов Р. В. Названия городских районов в постсоветскую эпоху // Ономастика и общество: язык и культура. Материалы Первой Всероссийской научной конференции. Тамбов, 2010. С. 121–124.

Разумов Р. В. Лингвистические основы построения эргонимов Ярославской области // Русское слово в синхронии и диахронии Памяти А. Ю. Мазиловой: сборник научных статей. отв. ред. Р. В. Разумов. Ярославль, 2010а. С. 93–101.

Разумов Р. В. Названия жилых комплексов в городском онимическом пространстве // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». Ярославль, 2009. С. 133–141.

Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2015. № 2. С. 14–19.

Разумов Р. В. Принципы именования бульваров в городах Центрального федерального округа // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского» / Под ред. М. Ю. Егорова. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2015а. С. 31–38.

Разумов Р. В. Ономастический вкус номинаторов как лингвоэкологическая проблема // Экология языка и речи: материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию проф. В. Г. Руделева / отв. ред. А. С. Щербак. Тамбов, 2013. С. 203–205.

Разумов Р. В. Проект словаря русской ономастической терминологии «городское онимическое пространство» // Человек и мир в контексте современной лексикографии: межвузовский сборник научных статей. Науч. ред. В. В. Волков; отв. ред. И. В. Гладилина; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2016. С. 65–69.

Разумов Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля): Автореф. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2003.

Разумов Р. В. Эволюция ономастической ментальности федеральной власти (на примере городских хоронимов 1930–1960-х гг.) // Ярославский педагогический вестник. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2014. Т. 1. № 1. С. 115–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21340698>.

Романова Т. П. Теория и методика создания коммерческих наименований и рекламных текстов: учебное пособие для слушателей образовательной программы «Реклама и издательская деятельность». Самара: Универс групп, 2008. 156 с.

Романова Т. П. Эволюционные процессы в области современной российской эргонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 76–83. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/onomastica/onomastica3text.pdf>.

Русанова И. Ю. Креативные названия в городской среде // Гуманитарное образование и наука в техническом вузе. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова. Ижевск, 2017. С. 306–309.

Рыбальченко О. В., Федотова Т. В. Урбанонимы Краснодара с позиции лингвоаксиологического анализа (на материале названий гостиниц Краснодара) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 4–2 (58). С. 152–155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25594135>.

Савченко Т. П. Названия остановочных пунктов на транспортных линиях Москвы // Вопросы географии. Вып. 126. Географические названия Москвы. М., 1985. С. 73–81.

Сазонов С. В. Об историческом названии города Ростов // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2000.

Свешников Н. В. Неофициальные микропотонимы г. Саратова // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4 (12). Красноярск, 2002. С. 154–159.

Свешникова Н. В. О некоторых изменениях в эргонимии города (на материале эргонимов Саратова) // Предложение и слово: Сборник научных трудов. 2013. С. 251–255.

Сиротинина О. Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи: Сборник научных трудов / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 247–253.

Сироткина Т. А. Эргонимия в культурно-языковом пространстве города // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2-х тт. Отв. ред. Л. А. Нефедова. Челябинск, 2016. С. 270–272.

Сироткина Т. А. Эргонимы в тексте города // Язык, культура, текст: контрастивный анализ. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под ред.: Е. В. Литус, В. Б. Синдеевой, Е. П. Кузнецовой, А. А. Швердиной. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 134–139.

Скрозникова В. А. «Рекреационно-деловые» названия // Вопросы географии. Вып. 126. Географические названия в Москве. М., 1985. С. 81–90.

Смирнова О. В. Ономастикон русской глубинки // Актуальные вопросы современной науки и образования. Материалы Научной сессии Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ». Борисоглебск, 2018. С. 250–254.

Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. М., 1982. 176 с.

Соколова Т. П. Проблемы описания городского ономастикона // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 196–206.

Соколова Т. П. Коммерческие урбанонимы России в аспекте нейминговой экспертизы // Ценности и смыслы. М., 2016. № 6 (46). С. 79–86.

Соколова Т. П. Лингвокреатив в аспекте нейминговой экспертизы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2016а. Т. 7. № 7. С. 179–195.

Соколова Т. П. Методы и приемы анализа коммерческих урбанонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова. Ульяновск, 2017. С. 399–406.

Соколова Т. П. Названия остановочных пунктов как ономастическая проблема: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Соколова Т. П. Обзор литературы о топонимии Москвы // Географические названия Москвы. Вопросы географии. № 126. М., 1985. С. 179–187.

Соловьев А. Н. Названия отелей Смоленской и Витебской областей // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. статей. Витебск, 2018. С. 319–322. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35157171>.

Сперанская А. Н. Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города: Красноярск // Кириллица – латиница – гражданства: Коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Шмелева / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 170–175.

Стамбровская (Трапезникова) А. А. Возможности ассоциативного эксперимента в изучении ономастического сознания (на материале эргонимических номинаций Красноярска) // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. Красноярск, 2004. С. 193–196.

Старикова Г. Н., Хоанг Т. Х. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 72–87. URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1551&article_id=35502.

Стародубцева В. В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

Суперанская А. В. Именование и переименование в городах // Изучение географических названий. М., 1966. С. 86–96.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Суперанская А. В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М., 1964. С. 119–143.

Супрун, В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия ВГПУ. 2011. № 8. С. 133–138.

Суюнова Г. С., Андрющенко О. К. Ономастикон города в когнитивно-энциклопедическом ракурсе // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Международная конференция (V Бодуэновские чтения): труды и материалы. Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань, 2015. С. 272–275.

Тайна именования: Словарь фирмонимов – новейших наименований коммерческих предприятий Вятского края в конце XX века. Киров-на-Вятке, 1998.

Тиригулова Р. Х., Ибрагимова Э. Р. Об эмпоронимах Елабуги в их функционально-классификационном освещении // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития: сборник материалов 9-й международной научно-практической конференции. Махачкала, 2014. С. 22–24.

Тихоненко Е. В. Лингвистический статус эргоурбанонима // Ономастика Поволжья. Материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова: в 2 тт. Под ред. С. В. Рябушкиной,

В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2017. С. 241–248.

Томасик С. На центральной улице города. Ономастикон главных улиц маленьких городов Польши // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования Сборник научных статей международной научной конференции. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. Витебск, 2016. С. 336–338.

Томасик С. Названия ветеринарных клиник Нижнего Новгорода // Ономастика Поволжья. Материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова: в 2 тт. Под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2017. С. 248–252.

Томилова Т. И. Иноязычие в составе эргонимов города Уссурийска // Филологические открытия. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). Филиал ДВФУ в г. Уссурийске. Уссурийск, 2015. № 3. С. 78–83.

Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010.

Улицы Костромы: справочник / под ред. В. Н. Бочкова, И. Н. Захарова. Ярославль, 1989. 96 с.

Фейсханова Т. Р. Языковая игра как средство создания эргонимов // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2017. № 3–6. С. 70–72.

Филинкова Е. О. Графико-орфографические иноязычия в языковом пространстве г. Читы // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 6. Красноярск, 2004. С. 196–204.

Филинкова Е. О. Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города: Чита // Кириллица – латиница – гражданства: Коллективная монография / Отв. ред. Т. В. Шмелева / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 167–170.

Хоанг Тхи Хонг Чан. Московские ресторонимы в структурно-грамматическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 63–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34868763>.

Хоанг Тхи Хонг Чанг, Старикова Г. Н. Московские ресторонимы в аспекте графики // Язык и культура. Томск, 2017. № 38. С. 117–136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30058820>.

Целебровская Е. И. Топонимия Минусинского района Красноярского края и города Минусинска: к проблеме специфики языковой реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2013.

Шагапова Г. Р. Хоронимы города Нефтекамска // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 86–92.

Шалацкая Т. П. Эргоним как маркер полиэтнической культуры (на материале названий объектов г. Евпатории) // Вестник Омского государственного педа-

гогического университета. Гуманитарные исследования. Омск, 2016. № 4 (13). С. 59–61.

Шилов А. Л. Череповец: к этимологии названия // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003.

Шилов А. Л. Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // РР. 2005. № 6.

Шилов А. Л. *Звенигород, Белгород, Новгород, Вышгород* // Вопросы географии. Сб. 132: Современная топонимика / отв. ред. А. В. Барандеев; [сост. Р. А. Агеева, А. А. Герцен]. М.: Наука, 2009. С. 193–206.

Шимкевич Н. В. Коммерческая эргонимия // Язык. Человек. Картины мира: Материалы всероссийской научной конференции. Омск, 2000. С. 196–199.

Шмелева Т. В. Как называют магазины. Три аспекта проблемы // Региональные проблемы культуры речи: Сборник научных трудов. Элиста, 1990. С. 90–105.

Шмелева Т. В. Онимический взрыв // Всемир. № 2. Красноярск, 1991. С. 28–34.

Шмелева Т. В. Ул. им. Переименования всех улиц // Красноярский комсомолец. 19.10.1991а.

Шмелева Т. В. Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1991б. С. 33–37.

Шмелева Т. В. Переименование улиц: мода или торжество справедливости? // Свой голос. 14–21.10.1993.

Шмелева Т. В. Памятка о правилах и особенностях образования городских названий Красноярска // Красноярск современный: Справочник / Сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск: Книжное изд-во, 1995. С. 197–204.

Шмелева Т. В. Ономастикон современного города // Международный съезд русистов: Тезисы докладов. Красноярск, 1997. С. 146–147.

Шмелева Т. В. Новгородский ономастикон // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород, 2001. С. 187–193.

Шмелева Т. В. Алфавит в ономастиконе // Российский лингвистический ежегодник. 2006. Вып. 1 (8). Красноярск, 2006. С. 6–12.

Шмелева Т. В. Романское слово на вывесках современного российского города // Unom, unsymbol. InhonoremagistriIvanEvseev. București, 2007. P. 601–607.

Шмелева Т. В. Красноярск как текст: французская страничка // Российский лингвистический ежегодник 2008. Вып. 3 (10). Красноярск, 2008. С. 194–201.

Шмелева Т. В. Городской ономастикон: единство регионов // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: межвуз. сборник научных статей. Вып. 4. Язык и регионы / отв. ред. С. П. Петрунина. Новокузнецк, 2009. С. 103–107.

Шмелева Т. В. Городской ономастикон в коммуникативном аспекте // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры: сборник научных статей / под ред. О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009а. С. 56–65.

Шмелева Т. В. Портретирование как исследовательская стратегия медиалингвистики // Филологическому факультету – 80 лет: сб. статей / под общей ред. И. С. Абрамовской; НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2012. С. 157–168.

Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. LambertAcademicPublishing, 2014. 137 с.

Шмелева Т. В. Антропонимия как ресурс городского ономастикона // Ономастика Поволжья. Материалы XVI Международной научной конференции, посвящённой 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти её организатора В. А. Никонова: в 2 тт. Под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2017. С. 184–188.

Шмелева Т. В. Атрактивность городского имени: заведение еды // Прикладная лингвистика и лексикография. 2019. Т. 1. № 1. С. 117–126. URL: <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1/1>.

Шмелева Т. В. Годонимическая лексикография: административная, историческая и ономастическая информация // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расш. засед. (Всерос. с междунар. участием) науч. семинара проблем. группы «Русский глагол», посвящ. 45-летию каф. фундамент. и прикл. лингвистики и текстоведения, 29–30 октября 2019 г., г. Екатеринбург, Россия. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 201–209.

Щербак А. С. Город Тамбов и река Цна // РЯШ. 2006. № 4.

Щербак А. С., Казанкова А. А. Креативные тенденции в сфере современных урбанонимов // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 12–17.

Щербакова Т. В. Искусственная номинация коммерческих предприятий: на материале тюменских наименований: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.

Щетинин Л. М. Донской ономастикон: монография. Ростов-на-Дону, 2004.

Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М.: ОГИ, 2007. 120 с.

Юдина Т. М. Эргонимы города Архангельска в лингвокультурном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 9–1 (75). С. 200–203.

Ююкин М. А. Таруса // РЯШ. 2005. № 3.

Яловец-Коновалова Д. А. Названия коммерческих предприятий. Ономастическая классификация и функционирование в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2000.

ГЛАВА 2. ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ИМЕНА ПРОСТРАНСТВА

В настоящей главе представлена часть ономастического портрета, которую можно назвать пространственной. Её составляет описание онимов, «пофрагментно» представляющих городское пространство. В этой части портрета получает отражение прежде всего современный ономастикон Великого Новгорода, однако портретируемый город таков, что без исторических данных не обойтись: они многое объясняют и создают объёмный взгляд на городские имена в их совокупности и системности.

2.1 Имя города

Урбоним **Великий Новгород** одновременно универсальный и уникальный. Универсальность его состоит в том, что он построен по модели «город + определение». Эту модель видим в таких именах городов, как *Велеград*, *Белгород* и *Белград*, *Вышгород*, *Звенигород*. В таких названиях городов едва ли не самым распространённым определением оказывается **НОВ**. Так, в нашей стране есть *Нижний Новгород*, а на картах славянских стран находим *Новгород-Северский*, *Новгород-Волынский* – на Украине, *Новогрудек* – в Белоруссии, *Нове-Място-Любавске*, *Новогруд* в Польше, *Нове Место* в Словакии, *Новиград* в Хорватии. Эту же модель из другой языковой материи представляют *Нойбург* в Германии, *Ньюберг* в США, *Ньютаун* – там же и в Ирландии, *Неаполь* – в Италии... Всё это тезки Новгорода, доказывающие универсальность его имени.

Уникальность же имени города – в том, что оно неразлучно прожило с ним всю его жизнь длиною уже более одиннадцати с половиной веков. А ведь имена других городов сменялись, иногда неоднократно, как произошло с куда более молодым Петербургом, а также Пермью, Ижевском, Рыбинском... Не стоит гадать о том, почему так вышло, но нельзя не отметить особо этот факт сохранности, удивительный для нашей страны. Важность неизменности имени на протяжении всей истории города подчёркивают историки: «С момента своего возникновения *Новгород* называется „новым городом“. В самом его названии заклю-

чена очевидная странность: древнейший русский город называется городом *Новым*. Это имя город пронес от рождения до наших дней, внушив особое уважение к феномену своей истории» [Янин 2008: 13].

С позиций лингвистических историю имени *Новгород* можно интерпретировать как «срастание» словосочетания *Новъ городъ* (краткое прилагательное + существительное) в сложное слово с изменением обеих частей (*новугороду*, *в новеграде*), а затем – в существительное с обычным словоизменением.

Первая из форм с двойным склонением встречается в послесловии дьякона Григория к Остромирову евангелию, переписывать которое он закончил в 1057 году. Среди прочего он сообщает, что князь Изяслав, сын Ярослава Мудрого, поручил его заказчику Остромиру «*правити нове городе*». Содержится такая форма и в былине о Глебе Володьевиче, события которой относят к 1070-м годам: «*Там ведь был-то жил князь да в Новеграде*» [Азбелев 2006: 64]. Позднее такие формы встречаются в летописях: «*загореси в Новегороде на Данславли улицы*»; «*Бысть пожаръ великъ в Новеграде*» [Строгова 1995]. Фиксируются они и в берестяных грамотах: найденные на Неревском раскопе и датированные концом XIV века грамоты № 248, 249 начинаются так: «*Бють челомъ корила... господину новугороду*» [Зализняк 1995: 525].

Полное название знаменитых «Исторических разговоров» Евгения Болховитинова, изданных в 1808 году и ставших первым произведением новгородики, выглядит так: «*Исторические разговоры о древностях Великаго **Новагорода***» [Евгений 2009]. Н.К. Рерих, посетивший Новгород в 1900 году, отмечает: «*местный житель никогда не скажет Новугороду, а подчеркнет **Нову** городу*». В XX веке это срастание завершилось, и изменяться стала только последняя часть [Рерих 2008].

Второй интересный момент – сосуществование в названии города форм *град* и *город*, что видно даже из приведённых примеров, в чём отражаются две языковые стихии – церковнославянская и русская, составлявшие почву культурного развития русского человека. Именно в Новгороде – славном страницами просвещения и православной учёности – это было естественное и многозначительное языковое соседство.

По мнению В.Л. Янина, имя *Новгород* первоначально обозначало крепость, сооружённую расселившейся по обоим берегам Волхова «конфедерацией северно-западных племен», а затем распространилось на всю территорию города [Янин 2007а: 353]. Это соотносится с семантической историей слова *город*: сначала ‘ограда’, затем ‘огороженное место’, затем ‘крепость’ и ‘город’. Компонент *нов-* своим значением от-

сылает к «старому»; однако это «старое» не очевидно. В Великом Новгороде в наибольшей степени распространено представление о том, что «старым» является *Рюриково городище*, тем более что семантика слова *городище* – ‘место, где раньше был город’. Привлекательность этой гипотезы для новгородцев состоит и в том, что Рюриково городище можно показать, проследив траекторию передвижения города со старого места на новое.

Особенность имени Новгорода в том, что в разные времена оно сопровождалось тремя эпитетами и звучало как **Господин Государь Великий Новгород**. Такое титулование города – факт уникальный, на это обращает внимание польский историк и публицист Стефан Братковский. В своей книге о Великом Новгороде он пишет, что интерес к этому городу зародился у него, когда в октябре 1956 года на варшавском джазовом фестивале советские музыканты – квинтет Вадима Сакуна – объявили тему «Господин Великий Новгород». *«Никто не знал, что это может значить. Это звучало поэзией, любовью и гордостью за великий когда-то город. У нас так не говорили ни об одном городе... Они ничего не переводили. Просто играли. И никто не догадывался, что музыканты импровизируют в честь погибшей великой демократии, исчезнувшей цивилизации»* (перевод мой – Т.Ш.) [Bratkowski 1999: 5]. Можно добавить, что так – с такими титулами – не говорили ни об одном городе и у нас.

Каждый из этих эпитетов вносил в обозначение города собственную семантику и заслуживает особого рассмотрения.

Самый «близкий» эпитет Новгорода **Великий** не уникален хотя бы потому, что он входит в именование других городов: *Ростов Великий*, *Великий Устюг*, *Великие Луки*. В древнерусском языке слово *великий* означало всего лишь ‘большой, значительный по размерам’; это значение сохраняется и в современном русском языке, например, во фразе «эти брюки тебе велики». Величие в современном смысле не входило в семантику прилагательных названий русских городов.

Из всех титулов Новгорода это, видимо, самый ранний: по данным топонимического словаря, он впервые упоминается в летописи в 1169 году и далее в документах XIV, XVII веков [Поспелов 2008: 132]. Согласно утверждениям историков, наименование «Господин Великий Новгород» впервые письменно фиксируется в документе, который принято называть «Нибуров мир» – договор между новгородскими и немецкими купцами из Юрьева и Колывани, заключённый в 1391 году; основанием же для появления эпитета *великий* считается сооружение Окольного города [Трояновский 2015: 282; Привалов 2018]. Интересно, что термин *Вели-*

кий сохраняется за городом после утраты независимости, как показывают документы, приводимые в [Скрынников 1994: 13, 17, 18, 48]. Но губернский Новгород в XVIII веке именуется уже без эпитета.

Желание вернуть эпитет не покидало новгородцев. Попытка узаконить его присутствие в официальном наименовании города предпринималась городской думой в 1914 году, но война и революция помешали её осуществлению. Однако документ, подготовленный для этого, хранится в архиве, его публикация дала возможность новгородцам познакомиться с аргументами вековой давности, в частности, с утверждениями о том, что традиция использования эпитета *Великий* «идет чуть ли не с X века», выдержками из летописей, подтверждающими это, датированными 988, 1397, 1398 годами [Моисеев, Проданова 1999].

Симптоматична дата этой публикации, ведь именно в этом году Новгороду был возвращён его исторический эпитет, и город вновь стал Великим. Нельзя сказать, что для новгородцев это было неожиданностью, ведь эпитет использовался в краеведческой, научно-популярной литературе, журналистской речи, хотя и казался архаичным. С начала 1990-х руководство области начинает борьбу за возвращение городу эпитета. Отчасти это было вызвано и переименованием Горького в Нижний Новгород, что создало путаницу, поскольку на фоне Нижнего Новгород стал как бы никаким. Во время визита Ельцина в Новгород летом 1998 года эта идея была поддержана. И почти через год (в июне 1999 года) был подписан и соответствующий Указ президента, узаконивший возвращение **Великого Новгорода**. Это было приурочено к празднованию 1140-летия города.

Конечно, сегодняшние новгородцы, радуясь возвращению исторического эпитета, вкладывают в него иное содержание, чем их предки, стремятся зафиксировать в названии города столь ценимую теперь престижность. Трудно современному человеку удержаться от ассоциаций с величием, см., например, заголовок статьи о состоянии вала Окольного города – «Сохранит ли Великий Новгород свое величие? Судьба городского вала» [Привалов 2018]. В то же время ощущают некоторое несоответствие этого эпитета скромным масштабам города. Так, новгородский поэт Игорь Таяновский, в творчестве которого тема Новгорода занимает особое место, к 1150-летию города выпускает сборник «Невеликий Новгород Великий»; заглавное стихотворение сборника завершается строками: *«И не по размерам делит время / Грады на большие и Великие»*.

Эпитеты **Господин Государь** современному человеку кажутся декоративными, между тем с их помощью обозначаются разные аспекты

статуса Новгорода, выражаясь современным языком, как политического субъекта. Слово *господин* означает свободу, независимость города, а *государь* – верховный властитель, оно фиксирует господство Новгорода над огромной территорией новгородского государства.

Слова эти – родственные, их исторические отношения могут быть представлены такой цепочкой: *господь* – *господин* – *господарь* – *государь* – *сударь*. Первое из этих слов встречается уже в ранних переводах христианских текстов на славянский язык и до сих пор присутствует в языке православия – *господь* и звательный падеж от него – *господи*; этимология его неясна, возможно, от латинского *hospes, hospitis* – ‘хозяин, предоставляющий гостеприимство’. Второе и третье слова – славянские образования с суффиксами *-ин* и *-арь*, последнее упростилось в *государь* и далее в *сударь*, разошедшиеся в значениях, но сохранявшиеся в русском языке как актуальные этикетные слова вплоть до начала XX века и известные носителям до сих пор.

В общении с Иваном III новгородские послы именовали его «господином», что символизировало равенство сторон: «Господин Великий Новгород» вёл переговоры с «господином великим князем» – так интерпретируют это обращение историки. Показательно, что весной 1477 года новгородцы Назар и Захарий, приехавшие с жалобами, называли великого князя и его сыновей «государями», отступив от принятого обращения «господин». Московские власти, использовав эту обмолвку, потребовали официального признания за Иваном III титула государя новгородского и постройки великокняжеской резиденции на Ярославовом дворище [Скрынников 1994: 14].

Нельзя не отметить, что слово *господин* позднее стало обращением к любому свободному человеку, а слово *государь* – т. царским титулом. Юридически это было закреплено в 1480-е годы, например, грамота в Крым, посланная в 1484 году, начинается словами: «*Божиею милостию, великий осподарь Русския земли, великий князь Иван Васильевич, царь всея Руси...*». В 1497 году этот титул принимается официально: появляется грамота, к которой привешена печать с изображением двуглавого орла на одной стороне, всадника, попирающего копьём дракона, – с другой; и надписью по окружности: «*Иоанн, Божиею милостию господарь всея Руси*» [Азбелев 2006: 176–177]. Понятно, что всё это происходит после покорения Новгорода и потери им титулов.

Таким образом, надо признать, что московский великий князь Иван III, ликвидировав свободный и независимый Новгород и его власть над огромной территорией, присвоил себе и его звание *государь*,

что не только составило часть именованья всех последующих русских монархов, которые, как хорошо известно, именовались *государями*. Более того, именно это слово послужило основой названия и объединения русских земель – *государство*. Так Новгород оказался не только местом зарождения русской государственности, но и по существу дал ей обозначение. Из ряда таких обозначений ‘территорий под управлением того, кто назван корнем’, как *княжество, королевство, царство*, слово *государство* в дальнейшем вышло, утратив связь с обозначением титула самодержца, приобрело семантику ‘страна, население которой состоит под одним управлением’, а затем вошло в словарь политики для обозначения стран самых разных форм общественного устройства.

Интересно, что эпитеты не участвовали в образовании производного от названия города прилагательного, которое всегда было *новгородский*. Оно было таким, когда относилось к огромной территории, состоявшей из пятин и погостов, которую именовали *Новгородская земля*; в терминах современного административно-территориального деления это нынешняя Новгородская область, южная часть Ленинградской, небольшая юго-восточная часть Вологодской, восточные и северо-восточные районы Псковской, северные районы Тверской. Кроме того, к ней относилась часть современной Эстонии (город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым в 1030 году, – ныне Тарту) и Финляндии. Эта огромная территория была подчинена Новгороду, который ею владел, и соотносилась с его именем как связанная отношениями принадлежности. Современная область по-прежнему *Новгородская*, как и *Новгородский* государственный университет имени Ярослава Мудрого и множество областных и городских учреждений и предприятий. Во времена возвращения эпитета *великий* отмечались эксперименты с прилагательным, как «Великоновгородский мясной двор», но распространения такая версия не получила, всё остаётся *новгородским*.

Можно отметить, что у современного Новгорода появился новый «титул» – *Город воинской славы*. Присвоенное в конце 2008 года, звание включает Новгород в число теперь уже 45 городов, оно вызвало заметные изменения в городской среде: воздвигнута стела Воинской Славы, переименованы площадь Маркса – в сквер Воинской Славы, проспект К. Маркса – в Воскресенский бульвар; неподалёку открылся Зал Воинской славы. Переименования проспекта сопровождалась дискуссиями, о чём ещё пойдёт речь.

Итак, имя нашего города, как можно было убедиться, хранит информацию о его судьбе – одновременно уникальной и типичной для Рос-

сии, об истории государства российского, в которой у нашего города особое место. При неизменности своего имени Новгород приобретал и терял титулы и звания, в чём отражались изменения его статуса и положения: от нового города Руси – к великому и господину – затем к государю огромной территории – затем к скромному губернскому городу без титулов – наконец, к Городу воинской славы. Смена титулов и званий города фиксирует эпохи в истории нашего государства, разные мировоззрения, победы и трагедии, которые составили его историческую судьбу.

Урбоним, как ему положено, многократно повторяется в городском ономастиконе, прежде всего в виде производного от него прилагательного: все институции в городе включают прилагательное *новгородский* – *Новгородская область*, *Новгородский район*, *Новгородская городская дума*, *Новгородский музей-заповедник*, *Новгородский драматический театр и театр «Малый»*, *Новгородский водоканал*, *Новгородские ведомости* и т. д. Наряду с этим урбоним используется метонимически: имя *Новгород* носят кинотеатр, гостиница, городская газета; и в виде аббревиатуры *нов-* в названиях *«Новсвин»*, *«НовДента»*, турфирмы *«Новтурсервис»* и *«Новвоаяж»* и под. Список таких наименований открыт, всегда может появиться новое.

2.2 Новгородская топонимия

Ономастический портрет города невозможен без тщательного рассмотрения новгородской топонимии: она первична и многократно повторяется в городских именах, как это происходит в каждом городе.

План древнего Новгорода

План древнего Новгорода (с околы XVI в.)

Главный новгородский топоним, конечно же, **Волхов** – название реки, по обоим берегам которой город существует с самой глубокой древности, что удивительно, потому что древнерусские города возводились обычно на одном берегу реки, как Киев, Ярославль, Кострома, Москва, Нижний Новгород [Лихачев 1995: 5].

В древнем городе все улицы шли «от реки в поле», а их пересекали пробойные улицы, то есть река определяла уличную структуру города. И современный город зеркально отражается в Волхове двумя своими сторонами, пересекающими реку мостами, и сегодня река организует городское пространство. Имя реки отражается в городских именах. Один из микрорайонов города называется **Волховский**, он характеризуется среди хоронимов. Имя главной реки носят и заведения – гостиница *«Волхов»* и мебельная фабрика *«Волхов»*. Кроме того, в городском ономастиконе можно найти дериваты от гидронима: детский ансамбль народной песни *«Волховяночка»*. Отметим, что в Чудове есть дачное партнерство *«Волховянка»*. Это говорит о том, что ономастиконем востребованы феминитивы, производные от гидронима, тогда как соответствующих названий мужчин нет.

Из исторических названий нельзя не привести **Волховский фронт**, который проходил так близко, что оттуда можно было видеть, что происходит в оккупированном городе, с помощью бинокля. Во время войны была популярна песня *«Волховская застольная»*, где были и такие слова:

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, бился на Волхове,
Не отступил ни на шаг.

Онимы, образованные от гидронима Волхов, не ограничиваются Великим Новгородом: при впадении Волхова в Ладогу стоит город Волхов, там же Волховская ГЭС. Но это не отменяет того факта, что среди новгородских топонимов Волхов занимает центральное место.

Отражаются в городском ономастиконе и притоки Волхова. Так, название улицы *Донецкая* на Торговой стороне отсылает не к имени города Донецк, как можно было бы подумать, а к названию притока Волхова – **Донец**, который сейчас не отличается полноводностью, но в ландшафте города заметен.

Два новгородских гидронима хранят память о притоках Волхова, которые при послевоенном градостроительном переустройстве были засыпаны, или «взяты в трубу». Это улица *Федоровский ручей* (ударение предпочтительно новгородское – на первом слоге) и улица *Набережная реки Гзень*. Оба гидронима отличаются «нетопонимичностью», но для этого сюжета важно, что в них фиксируются гидронимы **Федоровский ручей** и река **Гзень**. О Федоровском ручье как судоходном современным новгородцам рассказывают историки, предлагая открытку начала XX века [Хохлов, Волхонский 2018].

Гзень – правый приток Волхова – служила естественным рвом под стенами вала Окольного города. При послевоенной перепланировке города в 1971 году после долгих дискуссий «была взята в трубу», а на месте её русла проложена улица Набережная реки Гзень, а затем разбит сквер [Запольская, Моисеев 2010: 94; Трояновский 2015: 271].

Самый крупный приток Волхова, точнее, его рукав – он вытекает из Волхова неподалёку от Рюрикова городища и впадает за Хутыньским монастырём – называется **Малый Волховец**. Именно на его берегу и располагался Волховский фронт в границах города. На этом же берегу

была построена «цепь» монастырей, от которых сейчас остались храмы, восстановленные после войны, – *Успения в Волотове, Спаса на Ковалёве, Спаса на Нередице*. Новгородцы часто посещают эту «линию храмов», в которую исторически вписались танк и противотанковые ежи – символы Волховского фронта. Имя **Волховец** дано и одному из поселков восточной границы города; такое же название носит фирма, производящая двери.

Такой же рукав – вытекающий из Волхова и впадающий в него, но меньший по масштабу (длиной всего два километра) – речка **Деревянка** (раньше Деревяница), на берегу которой стои монастырь, названный по реке – **Деревяницкий**, и район города **Деревяницы**, давший название **Деревяницкому** мосту.

Стоит назвать гидронимы, не отразившиеся в городском ономастиконе, но возникающие в речи новгородцев при обсуждении каких-то проблем, – это притоки Волхова ручьи **Тарасовец** и **Осоковец**.

В городской ономастикон входит и гидроним **Ильмень** – имя озера, которое отделяют от города примерно 7 км. Ильмень невозможно исключить из новгородской топонимии потому, что из него вытекает Волхов (тогда как впадает более 50 рек), на берегу Ильменя стоит Юрьев монастырь, у стен которого, кстати, пляж, пользующийся популярностью у новгородцев. Поездка к Ильменю/на Ильмень входит в повседневную городскую жизнь в любое время года. Имя Ильмень повторяется в урбанонимии: ресторан «Ильмень», фирменный поезд «Москва – Великий Новгород» (теперь «Великий Новгород – Нижний Новгород»). Кроме того, новгородцы знают такие названия, как деревня Ильмень, Ильменский глинт, ильменский розовый камень, из которого в древности строили храмы.

По берегу Ильменя располагается Поозерье – от полуострова Перынь, где находится Перыньский скит, до впадения в озеро реки Веряжи. Эти места тесно связаны с историей Новгорода, и сегодня в деревнях Поозерья новгородцы бывают часто у родных, в своих загородных домах. Топоним Поозерье знаком им как свой, новгородский.

Новгородцы хорошо знают старинное название Ильменя – **Словенское море**. Именно в нем Садко, гость новгородский, как говорится в былинах, повстречался с морским царём и его дочерью Волховой (Волхвой). Эти фольклорные представления зафиксированы в современном городе скульптурно – в фонтане «Садко и Волховá», что стоит в Кремлёвском парке. Интересно, что имя *Волхова* носил при советской власти Дом быта, сейчас там располагаются несколько заведений питания и

Нана57

развлечения, которые называются «Дом быта», но старожилы помнят его название.

Из множества небольших озёр новгородцы хорошо знают **Мячино**. Озеро находится между городом и Ильменем, протоками связано с Волховом, во время половодья сильно разливается. Пользуется популярностью у любителей рыбалки, отдыха на природе. В качестве элемента названия гидроним входит в обозначение Воскресенского монастыря на Мячине, от которого остались два храма.

К гидронимам относится и название **Сиверсов канал**, который обозначает искусственный водоток, прорытый в 1798–1803 годах для соединения Волхова с нижним течением Мсты, впадающей в Ильмень, для удобства судоходства: озеро часто штормило, а в устье Мсты было немало мелей, что затрудняло прохождение судов. Название канала связано с именем новгородского губернатора Якова Сиверса, который был инициатором его строительства. Сейчас этот водоем используется для лодочных прогулок, в нём тренируются спортсмены, занимающиеся греблей.

Специально для таких тренировок в 1950-е годы был прорыт в черте города **Гребной канал**, который соединил несколько озёр с Волховом. Однако сейчас его состояние практически не позволяет тренироваться, о чём постоянно пишут в новгородских медиа.

В языке новгородцев есть и два имени – **Екатерининская (Каткина) горка** и **Весёлая горка**, которые можно было бы истолковать как оронимы. Эти элементы городского ландшафта находятся по разные стороны кремля, на одном из них стоит «Монумент Победы», о котором в устной речи говорят «Конь». Однако трактовать эти оронимы как оронимы не представляется возможным, поскольку эти возвышенности – остатки оборонительных сооружений, окружавших кремль до начала XIX века, – Никольского и Спасского бастионов.

Из имён, обозначающих элементы ландшафта Великого Новгорода, надо отметить **вал Окольного города**. Это название присутствует в городском ономастике как производящая основа для имён улиц – Завальная, Завальная-Кольцевая. Кроме того, его название «держит» в лексиконе современных новгородцев представление об **Окольном городе** – «внешнем оборонительном укреплении древнего города» [Кузьмина, Филиппова 2007], не позволяя забыть, что у слова *город* есть значение не только ‘заселённая территория’, но и ‘ограда’.

Хотя и не в первоначальном виде (в XIV веке он был уставлен башнями, которые соединял частокол из огромных брёвен), вал «обнимает» старую часть города, оставаясь важным ориентиром: новгородцы могут сказать «пройтись вдоль вала», «возле самого вала», «сразу за валом». Вал представляет собой два полукруга, опирающихся на Волхов с двумя заставами, или **кордегардиями**, – Московской и Петербургской, открывавшими город в две стороны. Позднее вал был «разорван» ещё в трёх местах (от вокзала, от улицы Прусской и от Федоровского ручья), но его функция символического разграничения сохраняется и сейчас.

Это важная черта ономастического портрета Великого Новгорода на фоне, например, Москвы, где валы превратились в улицы, и слово *вал* вошло в их наименование: *Пресненский Вал*, *Земляной Вал*, *Зацепский Вал*, *Коровий Вал* [Имена 2007: 99]; улица *Городской Вал* есть и в Ярославле, как подсказывает интернет.

Для ономастики значимо и то, что именно после сооружения Окольного города, по мнению некоторых историков, Новгород стали именовать Великим; об этом историк С.В. Трояновский говорит с озабоченностью современным состоянием вала: «*Название появляется после того, как город был объединён в единое пространство валом длиной почти семь с половиной километров*» [Привалов 2018].

Терминология новгородской топонимии производит впечатление общерусской и не требует разъяснений: *река / речка, ручей, озеро; канал, горка и вал*. Может быть, стоит отметить особое ударение в слов

ручей – на первом слоге, что важно для произношения улицы Федоровский ручей.

Итак, новгородскую топонимию составляют главным образом гидронимы (названия рек, ручьев, озёр, каналов), практически все они так или иначе повторяются в урбанонимии – именах городского пространства и городских заведений, составляя важный ресурс таких наименований и, с другой стороны, получая возможность сохраняться в современном новгородском ономастиконе. Для ономастического портрета Великого Новгорода приведённые топонимы (почти все они относятся к природному ландшафту, но есть и к культурному – горки, вал) важно обозначить в первую очередь, так как они используются в дальнейшем при описании и характеристике урбанонимов.

2.3 Имена городского пространства

2.3.1 Городское пространство в истории

Пространство Великого Новгорода всегда было фрагментировано. Само формирование города связывают с объединением трёх племенных селений, которые назывались **концами** и с таким названием стали «единицами» городского пространства, войдя в имена собственные – Людин, Неревский и Славенский концы [Янин 2007]. Их мы видим в списке элементов городского пространства, «почерпнутого из Нарядной описи, сему городу деланной 1623 года Александром Чоглоковым да Дьяком Добрынею Семеновым» (сама эта опись, по информации Л.А. Секретарь, утрачена) в [Евгений 2009: 94–100]. В этом списке, кроме названных трёх концов, есть ещё Плотенский, Загородской, Гончарской, что говорит о расширении и усложнении городского пространства. При этом читатель «Разговоров...» уже нуждался в объяснениях названий концов; так, название «Неровский конец» (сейчас принято написание *Неревский*) читателям Болховитинова было непонятно, и его объяснению посвящается фрагмент «Разговора первого»: «*Неровским назвался он от древней Новгородской дороги к реке Нарове и приморскому городу Нарве, где Новгородцы имели складку своих товаров, отпуславшихся за моря*» [Там же: 44].

Историки считают *концы* «самоуправляющимися районами, из которых состоял русский вечевой город», кончанское вече предшествовало общегородскому [Янин 2007: 249]. Видимо, с утратой самоуправления роль концов изменилась, но они сохранялись в структуре города.

Опираясь на информацию о пятиконецких старостах и о том, что этот орган городского управления прекратил существование в 1699 году [Варенцов 2007], можно заключить, что тогда и концы перестали быть важным элементом в политике города.

К началу XIX века о них уже мало кто знал в Новгороде, в этом убеждает фрагмент «Исторических разговоров...», где один из собеседников, услышав рассказ другого о концах, восклицает в духе того времени: «*Ах, как жаль, что разделение Новгородских концов...не сохранено донныне, хотя бы в память славы нашего города! Мы как по пяти пальцам твердо бы знали всю Новгородскую Хорографию! А теперь в Новгороде редкие, очень редкие даже знают, где какой был конец*» [Евгений 2009: 46]. Нельзя не обратить внимания на слово *хорография*, оно толковалось, как можно уточнить в словаре Даля, так – «описание области, округа, места» с указанием на греческое происхождение термина [Даль 1991: 561]; сегодня в широком научном обороте этого термина нет, но ономастический термин *хороним*, который будет использован далее, – связан с ним напрямую.

В «Путеводителе» 1910 года сообщается, что Новгород по берегам Волхова разделяется на две стороны – Софийскую и Торговую, и прибавляется: «*в прежнее же время он делился еще на пять „концов“*» [Ласковский 2007: 86], в это время сведения о концах относились к далёкой старине.

Как представляется, можно сделать вывод о том, что знание о концах поддерживали популяризаторы новгородской истории, напоминали о них, как это делают современные журналисты, о чем говорит, например, статья «Загородский конец» среди материалов о других районах города в проекте «Идентичность» [Сабельский 2015a]. Таким образом, термин *конец* и прилагательные, обозначающие концы, можно отнести к историзмам новгородского ономастикона.

К концам примыкали **заполя**. Это слово, как будто с прозрачной морфемной структурой, поддержанной ойконимами типа *Закибье*, *Задорожье*, *Замошье* и псковскими хоронимами *Запсковье*, *Завеличье*, должно означать 'место за полем'. Словарь даёт толкование – «дальнее поле или пашня, залежь, кулижки» [Даль 1989: 619], но в новгородских реалиях заполье – это заселённое пространство: Плотенский конец представлен с Никитинским и Радоговицким запольями; Софийская сторона – с Козмодемьянским, Черковским, Прусским, Легощенским, Росткинским, Яневским, Воздвиженским запольями [Евгений 2009: 97, 100].

В примечаниях к списку отмечено, что некоторые улицы «от запус- тения и перестройки города» исчезли, на их месте возникали другие улицы и слободки [Там же: 100]. Термин *слобода*, одно из значений которого, если судить по словарю Даля, – «пригородное селение, подго- родный поселок» [Даль 1991: 86], в Новгороде обозначал чаще всего селения, возникающие в пригородном пространстве: одни при мона- стырях, они носили, как правило, производное от названия монасты- ря имя; другие – при каких-то производствах и дорогах, так сказать, мастерские слободы. В XIX веке вокруг Новгорода было 9 слобод: монастырские Антониевская (Антоновская), Воскресенская и масте- ровые – Нехинская, Никольская, Псковская, Санкт-Петербургская (Пе- троградская, Новодуховская), Троицкая, Хутынская, Хуторки [Заполь- ская, Моисеев 2010: 155–158].

В современном городе сохранилась единственная из слобод, **Вос- кресенская слобода** при Воскресенском монастыре на берегу Мячин- ского озера, там совершенно деревенский пейзаж. Административные справочники сообщают об этом месте как об «улице Воскресенская слобода», поскольку улица – это основная адресная единица. Это ма- лоизвестный участок Новгорода, не все знают о нём. В историческом и ономастическом отношении – сохранившийся элемент пригородной структуры.

Остальные слободы исчезли (Хуторки) или растворились в город- ской среде, дав названия улицам (Псковская, Нехинская, Хутынская,

Большая Санкт-Петербургская, Троицкая) и районов города (Антоно- во). Уже эта информация свидетельствует о том, что современный го- род по территории значительно превышает размеры древнего города, заключенного в Окольный вал. Это расширение произошло во второй половине прошлого века: когда город восстанавливали после войны, как рассказывали участники этой трудной работы, никто даже не думал о пространстве за валом. Но строительство новых предприятий, уве- личение населения приводили к расширению городской территории и городского ономастикона: то, что было внешним, становилось внутрен- ним, происходила интериоризация онимов.

Итак, имена городского пространства описывались в разных аспек- тах. В соответствии с выработанной концепцией в ономастическом портрете Великого Новгорода имена городского пространства пред- ставлены в таких разновидностях, как хоронимы, уникальные террито- рии, монастыри, агоронимы, улицы, мосты и дороги.

2.3.2 Хоронимы

Великий Новгород как город скромных размеров официально на районы не делится, но практика городской жизни требует фрагменти- рования городского пространства для ориентации в нём и локализации событий и сооружений, даже для ответа на простой вопрос «Где это находится?» или «Где это происходит?». Кстати, часто на такие вопро- сы следуют ответы типа «Это где-то в районе...», и далее называется район или сооружение-ориентир.

В современном городе можно говорить о трёх уровнях фрагмента- ции новгородского пространства и его ближайшей округи.

На первом уровне выделяются три больших «района». Первые два – это исторические **стороны** – **Софийская** и **Торговая**. Термин *сторона* в значении «фрагмент городского пространства» естествен для Новго- рода, расположенного, как уже было отмечено, на двух берегах Волхова, это разделение города обосновано исторически и географически. Здесь можно отметить, что термин *сторона* нельзя назвать характерным для российских городов, он встречается ещё в Старой Руссе (Введенская сторона) и Петербурге (Петроградская сторона); кстати, в устной речи петербуржцев этот городской топоним звучит как Петроградка, а в Ве- ликом Новгороде подобные универбы (Софийка или Торговка) не фик- сировались.

К этим исторически сложившимся районам города в 1960-е годы прибавился **Западный район**, который возник в ходе строительства

гиганта химической промышленности «Азот» (теперь – «Акрон») и других промышленных предприятий, которые располагались по одной стороне улицы Нехинской. Этот новый – советский – район с широким проспектом Мира и улицей Ломоносова продолжал расширяться сначала на запад до речки Веряжа (за которой начинается Новгородский район), а потом занял пространство между улицей Ломоносова и вокзалом, что сделало возможным в этом новом районе увидеть более новую часть и говорить о Старом и Новом Западном [Сабельский 2015]. Сегодня в этом районе живет половина населения города.

Дальнейшее расширение городской территории в разные стороны привело к тому, что план города, ещё в середине прошлого века напоминавший круг, состоящий из двух полукружий, примыкающих к берегам Волхова, сегодня напоминает эллипсис с неравномерно вытянутыми сторонами. Поскольку для ориентации в Новгороде важно его расположение между Москвой, Петербургом и Псковом, представим новые территории по этим направлениям. При этом воспользуемся условным термином *район*, хотя, как уже было сказано, официальных районов в городе нет, некоторые такие части города именуется микрорайонами, что не кажется логичным: микрорайон должен быть внутри района, а районов нет.

В сторону Петербурга протянулась за вал улица Большая Санкт-Петербургская, и на ней, как на оси, возникли районы **Колмово**, **Северный**, а затем два эксклава – **Волховский** и **Кречевицы**.

По мнению новгородских лингвистов и историков, Колмово – первоначально гидроним, название ручья, по имени которого был назван монастырь, построенный на берегу ручья в XIV веке [Строгова, Секретарь 2012: 18; Секретарь 2011: 416]. В XVIII веке здесь были построены богоугодные заведения – дом для незаконнорожденных младенцев, богадельня, воспитательный дом, а в 1865 году – психиатрическая больница, которая работала до 1941 года, когда и пациенты, и врачи были уничтожены фашистами. После войны здесь была построена областная больница, которую новгородцы называют *колмовской*. Имя хоронима поддержано названием Колмовского моста, Колмовской набережной, Колмовской городской библиотеки, то есть в этой части города Колмово повторяется многократно. После переоборудования одного из корпусов завода «Квант» в офисный центр «KOLMOVO CITY» – название на латинице возвышается над районом, правда, теперь уже как название офисного центра.

Хороним **Северный**, как понятно, – креатура советских времён, отражает расширение города в направлении к Петербургу, переключается с Западным, уступая ему в размерах и инфраструктуре.

Хороним **Волховский** называет самый «молодой» городской район, он только в 2004 году включён в городскую черту, находясь физически за ней, это один из новгородских эксклавов. Посёлок возник после войны при кирпичном заводе, который работает до сих пор; а до революции там была **Архиерейская мыза**, от которой остался храм Никиты Новгородского и парк [Новгородские 2020a]. Название района довольно странное, так как в Новгороде всё «волховское», раз уже он стоит на этой реке, но новгородцы понимают, о чём идёт речь.

Хороним **Кречевицы** известен с 1550 года, в форме Кривцовичи, а с XVIII века уже в современной форме. В начале XIX века здесь находилось военное поселение, которое оставалось местом дислокации военных частей, с 1926 года – лётных. В постсоветское время лётная часть была расформирована, а военный аэродром планировали сделать гражданским, и уже за Кречевицами закрепилось выражение «небесные врата Новгорода», но этим планам не суждено было осуществиться. Сегодня это бывший военный городок, у которого нет современного назначения [Сабельский 2015b].

По другому берегу Волхова Новгород параллельно расширяется с послевоенных лет. На месте Антониевской слободы, которая была совершенно разрушена, теперь парк имени 30-летия Октября, а чуть дальше – район **Антоново**, сейчас считающийся одним из престижных. В советское время о нём вышла небольшая книга, где подчёркивалось, насколько лучше жизнь в новом районе по сравнению с монастырской слободой, но и сообщалась ценная информация о монастыре и его истории [Гормин 1981].

Расширяясь далее вдоль берега Волхова, Новгород поглотил и сделал своим районом **Деревяницы** – слободу, возникшую при Деревяницком монастыре (который был назван по реке Деревянице) [Секретарь 2011: 154] и разросшуюся вдоль берега как частным сектором, так и пятиэтажками. К этим онимам прибавилось название **Деревяницкого моста**, который долго ждали в надежде на облегчение транспортной ситуации в городе, так как два имеющихся моста «не справлялись», и многие до сих пор называют его *третьим*.

Нынешние Деревяницы включают и район, который сохраняет название **Сметанинская мыза** – по фамилии новгородского городского головы, купца Григория Максимовича Сметанина, который приобрел

здесь имение Борисово (Борисовка, Борисовская мыза). Последние ойконимы не известны новгородцам, но *Сметанинская мыза* звучит в устной речи, при этом хороним стал значить «место психиатрической больницы», поскольку лечебница там находится много лет («Ему уже на мызу пора», – могут сказать горожане о человеке, в чьей адекватности сомневаются). К этому району с интересом относятся историки, занимающиеся изучением биографии Сергея Рахманинова: именно здесь, у своей бабушки С. А. Бутаковой, он проводил летние каникулы, когда был студентом консерватории; у нее Сметанин и купил мызу [Новгородские 2020]. Знание этого хоронима поддерживается тем, что так называется автобусная остановка («доехать до мызы» – обычное выражение в речи новгородцев) и продуктовый магазин в этом районе.

Справа от Деревяниц построен новый район **Ивушки**, название которого как-то внезапно возникло и было принято новгородцами. Интересно, что это действительно построенный на пустыре район, а не поглощённый посёлок или деревня. В нем новизна очевидна, и никаких признаков древности, как это характерно для Великого Новгорода.

Третье направление расширения Новгорода – псковское. Псковская слобода «растворилась» в улице **Псковской**, имя которой стало хоронимом – В Псковском районе. Как часть Псковского района воспринимается урбаноним **Белый город**, именующий комплекс коттеджей. Расстраиваясь на юг, Псковский район приближается к микрорайону **Аркажи**; строительство района всё не завершено, а название интересно

тем, что воспроизводит имя большой деревни, которая выросла из слободы при Аркажском монастыре, который был неподалёку, монастырь же назван по имени святого Аркадия [Секретарь 2011: 122].

Таким образом, анализ хоронимов показывает, что Новгород, ещё в середине прошлого века представлявший собой почти правильный круг, сегодня, как коралловыми ветками, разросся новыми районами в трёх направлениях, а его словарь хоронимов, состоявший из двух названий – Софийская и Торговая сторона, теперь включает ещё 13 названий, которые перешли из пригородных в городские, как Антоново, Деревяницы, «возродились», как Аркажи, или просто появились, как Ивушки.

Следует отметить, что Великий Новгород ощутил и присутствие нового типа онимов, который изучают в других городах, – названия жилых комплексов. Новые тенденции градостроительной практики требуют не застройки улиц отдельными домами, а возведения групп домов с одинаковым оформлением; названия им дают строительные фирмы. Именно такое название «Ивушки», которое легко перешло в хороним. Близко к нему и название жилого комплекса «Луговой» на Большой Петербургской. Однако сомнительно, чтобы в городской ономастикон как хоронимы вошли названия жилых комплексов «Тринити», «Риверхауз», «Алые паруса» (это тоже в районе Петербургской); «Псковский квадрат», «Псковский треугольник», «Радуга», «Кленовый дворик», «Южный», «Европа» (это в Псковском районе). Однако тенденцию пополнения круга хоронимов наименованиями жилых комплексов стоит отметить, при этом в городе появляется новый тип имядателя – строительные фирмы, языковой вкус которых становится одним из факторов формирования городского ономастикона и новых черт в ономастическом портрете города.

Кажется вполне оправданным присоединить к городским хоронимам и ряд ойконимов – названия близлежащих деревень и посёлков, тесно связанных с городом: кто-то там живёт и ездит в город работать, а кто-то работает там, у кого-то дача в этих местах, одним словом, они хорошо известны горожанам и звучат в городской речи.

Здесь в первую очередь надо назвать монастыри и связанные с ними населённые пункты: **Юрьев монастырь** и **Юрьево**, когда-то бывшее монастырской слободой, а теперь пригородная деревня; **Хутынский монастырь** и деревня **Хутын**, при которой он возник, деревня **Вяжищи** и возникший при ней **Вяжищский монастырь**. В сторону Пскова сразу за границами Великого Новгорода находится пригородный посёлок **Панковка**, там есть производства, школа. **Трубичино** связано с го-

родом тем, что поставляет в него овощи, выращенные в *трубичинских теплицах*. Старое городское кладбище находится на **Новой Мельнице**, а новое – за **Ермолином**. Эти семь онимов входят в словарь новгородцев и могут быть представлены как его периферия. Это тем более важно учитывать, что часть таких ойконимов отражаются в именах городского пространства: **Юрьевское шоссе**, **Хутынская улица**, **Вязицкий проезд**. А название **Ермолино** красуется на вывесках мясных магазинов, хорошо известных в городе. Иначе говоря, если для города эти населённые пункты внешние, то для городского ономастикона – его органичные элементы.

2.3.3 Уникальные территории

Представляя новгородские «территориальные» объекты городской номинации, для которых ещё не предложено общего термина, надо отметить, что они отличаются от хоронимов тем, что не являются жилыми частями городской территории, а предназначены для других городских практик – исторических экскурсий, посещения выставок и других арт-событий, спортивных событий и занятий физкультурой, наконец, к ним относятся и места вечного покоя, кладбища.

Первой из таких территорий необходимо назвать **Кремль**, без посещения которого невозможно представить ни один визит в Великий Новгород. Действительно, Кремль, или Детинец – это сердце города.

Одной своей стороной Кремль обращен к Волхову, а второй – к Софийской площади. Когда-то фортификационное сооружение, сегодня

Кремль оказывается центром церковной жизни, поскольку в нём располагается кафедральный Софийский собор, и культурной, так как в нём находится музей и Областная научная библиотека (в разговорной речи – Кремлёвка), Владычная палата, Детский музейный центр, филармония имени Аренского, музыкальное училище. Главное сокровище Кремля – уникальный памятник Тысячелетию России, памятник-текст, рассматривать который можно бесконечно. Чтобы побывать в Кремле, у новгородцев есть масса поводов, в том числе торжества по случаю Дня Победы у монумента Вечный огонь, Дня России и Дней славянской письменности и культуры у Памятника Тысячелетию России. Но и без поводов – это любимое место прогулок и любования новгородцев.

В последнее время в Кремле появился Соколиный двор – место, где можно увидеть птиц и животных. Соколы охраняют софийские купола, находясь на службе; а лисичка, сова, орёл, канюк (это ему мы обязаны глаголом *канючить*) доставляют горожанам радость встречи с живой природой.

Напротив Кремля на другом берегу Волхова (их соединяет пешеходный мост) располагается место, которое известно современным новгородцам как **Ярославово дворище**.

Исторически это был знаменитый Торг, давший название всей стороне – тогда ремесленно-купеческой. О его известности говорит, в частности, тот факт, что Торгу посвящались живописные полотна, например, картина А. М. Васнецова.

Торг представлял собой ряды лавок, специализирующихся на продаже определённого вида товара, о чём говорили их названия – Горшечный, Железный, Пряничный, Книжный, Кожевенный... Торг впервые упоминается в летописи в 1132 году, а в XVI веке на нём было более 70 рядов и около 1800 лавок. По распоряжению Петра I в начале XVIII века вместо лавок был построен каменный Гостиный двор [Сорокин 2007]. При советской власти всякая торговля на Торгу прекратилась, в Гостином дворе работала мебельная фабрика, во время войны здание было уничтожено, осталась только аркада, которая служит своеобразным украшением этой части города.

Вообще ономастика древнего Торга – названия рядов, площадей – заслуживает особого описания, но, поскольку здесь создается ономастический портрет современного Великого Новгорода, важно отметить, что это место стало своеобразным сквером, где любят гулять новгородцы. Пышная растительность (особенно хороша сирень в начале лета) не мешает любоваться храмами, которые тут расположены во множестве, поражающем воображение гостей города – Николо-Дворищенский, Параскевы Пятницы, Иоанна на Опоках, Успения, Георгия на Торгу, Жен Мироносиц, Прокопия... К историческим постройкам в 1957 году при-

бавился монумент героям Герасименко, Красилову и Черемнову, а затем в 2009 году Ганзейские знаки – фонтан и скульптура. Так это место стало наполнено знаками разных исторических эпох. В праздники оно на несколько дней превращается в торжище: здесь новгородцы и гости (уже в новом смысле этого слова) торгуют сувенирами, украшениями, мёдом и другими лакомствами.

Что же касается названия этого места, то здесь произошло замещение: слово *Торг* ушло, а его место заняло название *Ярославово дворище*. Исторически «княж двор» располагался за Торгом, примыкая к его южной части. Его возникновение связано с Ярославом Мудрым, который перенёс княжескую резиденцию с Городища (о котором пойдёт речь далее) в город, причём в его деловую часть – на Торговую сторону. В источниках XVII века говорится: «жил великий князь Ярослав на Торговой стороне, близ реки Волхова, где ныне церковь каменная Николая чудотворца, яже и доньне словет Ярославле дворище». Специалисты отмечают, что термин *дворище* стал употребляться с XIV века, до этого место упоминалось как «княж двор» и «Ярославль двор» [Филиппова 2014: 192].

Следует отметить, что дворище означает ‘место, где был двор’, а не ‘огромный двор’, как пишут некоторые историки, ср.: *кострище, пожарище*. Понимание этого слова затрудняет омонимия суффикса *-ище* в этом значении с суффиксом увеличительности, как в словах *пылища, жарыща, лапыща*; и с суффиксом со значением ‘место, где делают то, что названо корнем’, как в словах *пастбище, кладбище*. Слова *дворищен* нет в современных словарях, хотя оно есть в словаре Даля, где толкуется как «место, где было здание, двор» [Даль 1989: 423]. Важно отметить и тот факт, что форма притяжательного прилагательного *Ярославле* (та же, что и в названии города Ярославль) с йотовым суффиксом заменилась на более распространённый суффикс притяжательного прилагательного *-ов*, как в слове *отцов*.

Когда это произошло, сказать трудно. Так, в «Исторических разговорах...» не упоминается Ярославово дворище, но говорится о Ярославовом дворце, значит, новая форма уже была принята [Евгений 2009: 38]. В путеводителе начала XX века речь идёт о Ярославове дворище и Ярославовой башне, что подтверждает жизнь этой формы [Ласковский 2008: 38].

Интересно, что слово *дворище* присутствует в названии *Николо-Дворищенского* собора, что позволяет считать его единицей современного новгородского ономастикона.

Рюриково городище – важное для Великого Новгорода место, хотя и отстоящее от территории города. Оно находится у истоков Волхова напротив Юрьева монастыря. В ономастическом отношении это место важно для Новгорода тем, что именно относительно него наш город *нов*. Ведь *городище* значит ‘старый город, место, где раньше был город’. А *Нов Город* возникает на другом берегу Волхова со строительством крепости, которая теперь Кремль.

Городище упоминается в летописях с XII века, когда князь Мстислав поставил там храм Благовещения по случаю рождения своего сына Всеволода, в крещении Гавриил. Несмотря на то, что Ярослав Мудрый перенёс свой двор на Торговую сторону Новгорода, Городище оставалось княжеской резиденцией, как сообщается в «Исторических разговорах...», «до времен государя Петра Великого» [Ласковский 2008: 38]. Интересно, что оно с 1103 года на протяжении столетий фигурирует как Городище, а в XIX веке «новгородские историки-краеведы назовут его Рюриковым» [Трояновский 2015: 15]. Надо сказать, что в дальнейшем многочисленные археологические находки подтвердили присутствие варягов в этом месте, что стало обоснованием такого наименования места. А слову *городище* вполне подходит роль онимического термина, ведь оно встречается в качестве онима и термина в ряде топонимов: деревни с именем Городище в Новгородской, Пензенской, Волгоградской области и в Белоруссии.

Возвышенность, окружённая с трёх сторон водой Волхова и Сиверсова канала, позволяющая увидеть уникальный пейзаж – и Великий Новгород, и Ильмень, и Юрьев монастырь, – излюбленное место новгородцев.

Храм Благовещения, сильно пострадавший во время войны, долгое время стоял в руинах, недавно был законсервирован в таком виде и представляет собой музейный объект. Кроме того, на Городище в 2009 году установлен памятный камень, получивший название Княжий, на нем высечена цитата из летописи. Фестиваль средневековой музыки, ратного мастерства и ремёсел «Княжья братчина» собирает здесь реконструкторов из разных городов и стран.

Три уникальных места на территории Великого Новгорода – кремль, дворище, городище – обозначают три уникальных элемента городского ономастикона.

2.3.4 Имена монастырей

Монастырь как особое пространство на территории города – не редкость для средневековых городов. Особенность Великого Новгорода в том, что много монастырей было не только в нём, но и вокруг него. «Окологородные» монастыри, окружавшие город «ожерельем», были тесно связаны с его жизнью. Всего в Новгороде и его окрестностях насчитывалось более 60 обителей [Секретарь 2011: 11].

Включать имена монастырей в ономастический портрет города позволяют такие обстоятельства:

- ✓ их названия хорошо известны современным новгородцам;
- ✓ эти названия относятся именно к городским именам и отличаются от официальных церковных названий, так, например, Рождества Богородицы Антониев монастырь горожане называют *Антониев*;
- ✓ названия монастырей мотивированы именами новгородской топонимии и ойконимии:
  - гидроним *Мячино озеро* мотивирует топонимическую часть названия монастыря «Воскресенский Мячинский (на Мячине, с Гончарного конца)», впервые упоминаемого в летописи в 1136 году и упраздненного в 1743 году, его храмы – Уверения Фомы в Воскресение Господне и Иоанна Милостивого – оставались как приходские, сильно пострадали во время войны, были восстановлены в 1961–1962 годах [Секретарь 2011: 160–162];
  - гидроним *Деревяница* (сейчас *Деревянка*), мотивирует топонимический элемент названия *Воскресенского Деревяницкого мо-*

настыря, поставленного на берегу речки в XIV веке, сейчас не действующего, но украшающего местность величавым храмом [Там же: 150];

- название *Успенского Колмова монастыря*, основанного в начале XIV века [Там же: 416], мотивируется гидронимом *Колмов ручей*, сначала давшим название местности, а затем – монастырю;
  - названия двух действующих монастырей – *Спасо-Преображенский Хутынский* и *Николаевский Вяжицкий* – в топонимической составляющей мотивированы названиями деревень Хутынь и Вяжищи, рядом с которыми они построены.
- ✓ наконец, названия монастырей мотивируют имена улиц, переулков и районов, то есть присутствуют в городском ономастиконе как ресурс имён пространства, что будет показано далее.

Из городских монастырей сохранился архитектурно (не полностью, конечно) только один – Десятинный монастырь. Часть «окологородних» монастырей стали городскими, а часть остались «окологородними». Для ономастического портрета важно показать монастыри в нынешней городской черте и за её пределами, как можно будет убедиться, их имена по-разному проявляются в ономастиконе.

На Софийской стороне сохраняется **Десятинный монастырь**, который отличался высокой надвратной колокольней, изображаемой на дореволюционных открытках.

Сегодня эта колокольня, стена со стороны улицы Десятинной и угловые башенки с флюгерами, ряд корпусов – всё, что осталось от монастыря. Его главный собор Рождества Богородицы совершенно разрушен, его место можно определить по небольшой части сохранившейся стены. На территории монастыря располагается Союз художников и его мастерские, Музей художественной культуры Новгородской земли, Музейный цех фарфора. Поэтому об этом месте часто говорят и пишут в городе, в устной речи встречается универб *Десятинка*, например, в таких диалогах: «*А где эта выставка?*» – «*Да в Десятинке*».

Название монастыря, основанного в XIV веке, по предположениям историков, мотивировано топонимом *Десятина*, так называли место сбора церковного налога – десятины, в летописях – «монастырь святыне богородицы на десятине» [Секретарь 2001: 284–295].

Улица, идущая вдоль Десятинного монастыря, образована в начале XIX века и тогда носила название *Десятинская* (по законам образования относительных прилагательных), затем стала одноимённой с монастырём – *Десятинной*, значит, метонимия оказалась удобнее грамматического способа образования. Название уцелело при советской власти и до сих пор на карте города, а в устной речи часто звучит как *Десятинка* («*У неё квартира на Десятинке*»). Рядом с улицей – три *Десятинных переулка*, образованные в послевоенное время [Запольская, Моисеев 2010: 52–54]. В 2019 году решено было, что место перед монастырём станет сквером, который получит название *Десятинский*, при обсуждении ссылались на первоначальное название улицы.

О втором городском монастыре напоминает только имя улицы *Розважа*, возвращенное на карту города в 1991 году, заменив собой советское имя – *ул. Максима Горького*. При этом значение возвращённого названия никто не разъяснял. Его непонятная современникам форма вызвала к жизни народную этимологию, результаты которой зафиксированы в советском справочнике: «По ней от пристани развозили грузы и товары» [Зайцев, Кушнир: 1980, 39], – и распространялись в популярной и учебной литературе. С учётом того, что в древности пристань была на Торговой стороне, на Буяней улице, доверия такая версия не вызывала. И эти сомнения были развеяны В.Л. Васильевым, доказавшим, что *Розважа* – притяжательное прилагательное от древнего славянского имени *Розвад*, что убедительно на фоне множества деантропонимных названий улиц в древнем Новгороде, приведённых в его монографии, точнее, в главе, посвящённой названиям улиц – *Данславля*, *Людогоща* и др. [Васильев 2005: 338–339]. В 1555 году Федор Сырков основал на

Розваже монастырь, который стал именоваться *Николаевский на Розваже улице*, или **Розважский монастырь**, он упразднён в 1764 году, позднее на его месте располагался военный госпиталь, сейчас – парк [Секретарь, 2011, 538–540].

Сразу за валом окольного города располагался **Духов монастырь**, упоминаемый в летописях ещё в XII веке. В оставшихся от него храмах сейчас размещается архив. Улица *Духовская*, идущая от монастыря, сложилась в XIX веке и так называлась до 1965 года, когда было принято решение переименовать её в память Героя Советского Союза Мусы Джалиля; а в 1991 году ей вернули название *Духовская*, а через два года дали «компромиссное» – ул. *Мусы Джалиля-Духовская* [Запольская, Моисеев 2010: 54]. В разговорной речи, естественно, звучит только вторая часть, так же объявляют остановку в автобусах. При этом ударение ставится на флексию, что говорит о русской акцентной модели, хотя происхождение названия – из церковнославянского.

От **Покровского Зверина монастыря**, который был недалеко от Духова ближе к Волхову, остались три храма: два Покровских – старый и новый – и церковь Симеона Богоприимца, которая стала музеем. Название монастыря хранит память о топониме, именовавшем существовавший здесь в XI веке *зверинец* – место, где держали зверей для княжеской охоты. В летописях под 1148 годом монастырь фиксируется как *Зверинцевский* [Секретарь 2011: 229], в начале XIX века – как *Зверинский* [Евгений 2009: 103], что свидетельствует о постепенном упрощении морфемной структуры прилагательного, видимо, в связи с тем, что в памяти горожан зверинец не сохранялся; в начале XX века это уже *Зверин монастырь* [Ласковский 2007: 22].

Идущую от Зверина монастыря улицу называли в начале XX века *Зверинской*; в 1965 году её переименовали в ул. *им. А.Ф. Бредова* (Героя Советского Союза); в 1991 году название возвращено, но в виде *Звериная*, а с 1993 года она носит двойное название – *Бредова-Звериная* [Запольская, Моисеев 2010: 35].

Рядом с Покровским был **Лазарев монастырь**, о его существовании напоминает только улица *Лазаревская*, она направлялась от Лазарева монастыря к Духову [Запольская, Моисеев 2010: 77]. Основанный, по предположениям, в XI веке, монастырь был упразднен в 1764 году, а Лазаревская церковь оставалась приходской и была разрушена в 1929 году [Секретарь 2011: 318]. От улицы отходит *Лазаревский переулок* до Набережной реки Гзень. Так название уже несуществующего монастыря дважды повторяется в современном ономастиконе – оба раза в форме прилагательного.

Надо сказать, что в этом месте было «созвездие» монастырей, – Зверин, Николо-Бельский и Лазарев; сейчас же оно связано у горожан с Покровским собором, военкоматом и недавно поставленным памятником Петру и Февронье.

От **Воскресенского монастыря на Мячине**, о котором уже шла речь в связи с названием озера, сохранились два храма, которые стоят в единственной городской слободе – Воскресенской же. Интересно, что в 1919 году она была переименована в Слободу 25 октября в честь Октябрьской революции, в 1924 году включена в городскую черту. Когда название было возвращено, неизвестно [Запольская, Моисеев 2010: 155]. Когда в 2010 году выбиралось название для проспекта Маркса, о Воскресенской слободе никто не вспомнил, а многие и не знают этот почти загородный топоним, поэтому было выбрано название *Воскресенский бульвар*, и оно теперь незапланированно примыкает к монастырским названиям.

Деревня *Колмово*, возникшая при **Колмовском монастыре**, который получил название по Колмову ручью, стала районом города. В этом районе сохраняется церковь Успения, находится областная больница. От названия района образованы названия Колмовского моста, Колмовской набережной и бизнес-центра «Kolmovo City», как было отмечено ранее.

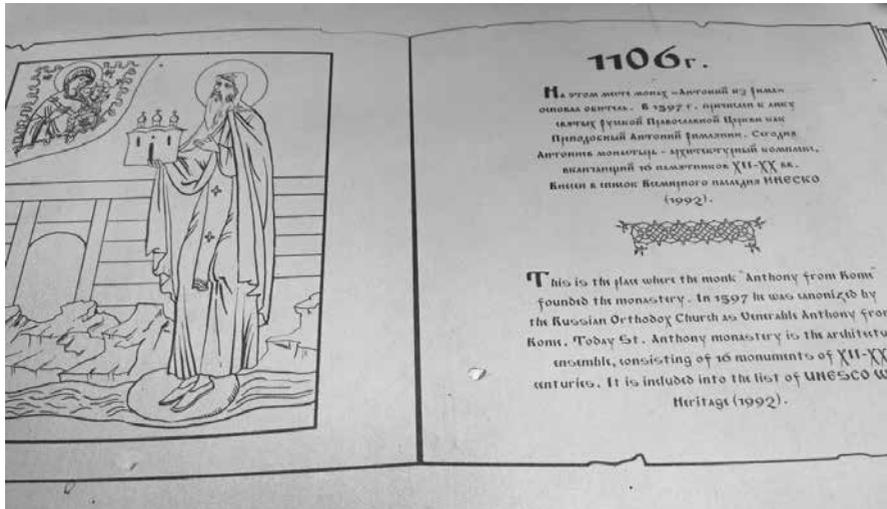
На Торговой стороне не менее известное горожанам место – **Антониев монастырь**, на территории которого располагается Гуманитарный институт Новгородского университета. Архитектурно монастырь сохранился лучше многих: есть его стена со стороны Волхова, собор Рождества Богородицы, в котором музей, церковь Сретения Господня, в которой сейчас университетский храм, а также настоятельский корпус, в котором работает Центр реставрации монументальной живописи Новгородского музея-заповедника.

Антониев монастырь, основанный в 1106 году, дал названия *Антониевской слободе*, *Антониевской набережной* и улице [Запольская, Моисеев 2010: 155]. К XX веку название слободы русифицировалось – она стала *Антоновской*. Во время войны была уничтожена, и на её месте в 1947 году разбили парк 30-летия Октября. А позже в стороне был построен микрорайон, получивший название *Антоново* – типичный ойконим, производный от названия слободы, ставший городским хоронимом. Что касается улицы, она стала Студенческой, а набережной сейчас нет.

В речи новгородцев, в том числе студентов и преподавателей университета, территория монастыря не отделяется от района Антоново, и о событиях, которые проходят здесь, говорят «в Антоново» или «в Антонове» (по рекомендации лингвистов университетские медиа культивируют склонение онима). Такое отождествление двух городских территорий как бы подтверждает и недавно поставленная перед старым зданием университета надпись АНТОНОВО из бетонных букв, на верхних поверхностях которых – надписи об истории монастыря и открытой в 1740 году в нём духовной семинарии, преемником которой сейчас воспринимает себя университет.

Антонове» (по рекомендации лингвистов университетские медиа культивируют склонение онима). Такое отождествление двух городских территорий как бы подтверждает и недавно поставленная перед старым зданием университета надпись АНТОНОВО из бетонных букв, на верхних поверхностях которых – надписи об истории монастыря и открытой в 1740 году в нём духовной семинарии, преемником которой сейчас воспринимает себя университет.

Территория монастыря после её благоустройства, появления спортивной площадки стала публичным местом – своеобразным сквером, где гуляют мамы с колясками, молодёжь и пожилые жители Антонова. На бывшей монастырской территории работают кафе и гостиница «Антоново». Так имя слободы стало именем ряда городских объектов, но все они безусловно осознаются как производные от названия монастыря.

Деревяницкий монастырь, куда из Антонова можно пойти пешком, назван по речке Деревянке (раньше Деревянице). Возникшая при

монастыре *Деревяницкая слобода* [Секретарь 2011: 154] стала микрорайоном Новгорода с характерным названием *Деревяницы* (ср. другие хоронимы – *Кречевицы*, *Новоселицы*, *Витославицы*). От этого хоронима образовано название третьего моста через Волхов – *Деревяницкий*.

«Окологородные» монастыри – *Юрьев*, *Хутынский*, *Вяжицкий* и *Сырков* (первые три – действующие) – остаются за пределами города. Первый из них, подобно предыдущим, имел слободу, получившую от него название *Юрьевская слобода*, ныне *деревня Юрьево* (как и *Антоново*), жители её подчеркивают свою особенность: «Мы не поозеры, мы слободские». Рядом с Сырковым монастырём выросла деревня *Сырково*. А Хутынский и Вяжицкий возникли рядом с деревнями, название которых отражается в их названиях.

Эти монастыри связаны с городом дорогами, которые именуются по их названиям – *Юрьевское* и *Сырковское шоссе*, *Вяжицкий проезд*, *Хутынская улица*. Семантика «идуший к» в таких названиях отличает их от имён улиц, образованных от названий городских монастырей: те толкуются по формулам «идуший вдоль» или «идуший от».

Кроме того, горожане называют *Юрьевским* пляж на берегу Волхова прямо под стенами монастыря, на обратном пути из Юрьево монастыря в городпостроен бутик-отель с рестораном «Юрьевское подворье», популярный среди новгородцев, особенно для проведения торжеств. Когда в Новгороде действовал аэропорт, он носил название «Юрьево».

Таким образом, имена более десятка монастырей в ономастическом плане связаны новгородской топонимией, а сами мотивируют целый ряд городских имён – хоронимов, улиц, дорог. Этот штрих ономастического портрета Великого Новгорода представляется специфичным и связанным с его историей как центра православия и монастырской жизни.

2.3.5 Имена парков и скверов

Имена новгородских парков немногочисленны, по существу их всего два, но официально числится шесть.

Первым следует назвать самый любимый новгородцами **Кремлёвский парк**, окружающий кремль подковой. В нём находится фонтан со скульптурным изображением Садко и Волховы, открытая эстрада, шахматный клуб, детские аттракционы, рядом рынок сувениров. Его центральное положение, соседство с Кремлём, возможность выйти к Волхову – всё это делает его привлекательным для новгородцев всех поколений. В праздничные дни парк заполняется торговыми точками,

дополнительными аттракционами и становится таким многолюдным, как будто в нём собирается всё население Великого Новгорода.

На Торговой стороне есть уже упоминаемый **Парк 30-летия Октября**, устроенный на месте уничтоженной во время войны Антониевской слободы. Его имя информирует не только о времени основания – 1947 год, но и культивируемых тогда городских названиях, образованных от дат: «датские» парки есть в Боровичах, Петербурге, Вологде и Краснодаре, что говорит о том, что их называли «сверху», в рамках подготовки к празднованию дат. Для устной речи имя не удобное, и, потому как на Торговой стороне других парков нет, его чаще всего называют просто *парк*; а официальное название фигурирует в отчётах администрации о его благоустройстве.

Здесь есть детская площадка и аттракционы, а в другой его стороне – памятник погибшим в Афганистане. Главная привлекательная часть парка – это стадион, который ещё недавно назывался «Центральный» (и это название звучало в автобусах при объявлении остановки), был реконструирован, там возобновились футбольные матчи. При этом встал вопрос о наименовании по существу нового стадиона. Власти объявили конкурс на лучшее название, и в итоге не нашлось ничего лучшего, чем старое название «**Электрон**». Таким образом, на этой территории сосуществуют два онима – название парка и стадиона. Эмблемой парка служит единственная здесь скульптура – лось, у которого все фотографируются круглый год.

В ономастическом плане важно отметить, что это единственный парк, название которого мотивировало имя улицы *Парковой*, а также переулка и проезда (все находятся неподалёку от него) [Запольская, Моисеев 2010: 105–106]. При этом мотивирующей выступает не собственно онимическая часть названия парка, а терминологическая.

Остальные три так называемые парка находятся в Западном районе, причём все – по его границам, поскольку в геометрической планировке района парк не был предусмотрен.

Парк Юности – это территория между вокзалом и Западным районом, когда-то была Аллеей Юности и представляла собой асфальтированную дорожку среди заболоченной и заросшей мелким кустарником местности. Её объявили парком, когда она оказалась граничащей с Завокзальным районом с одной стороны и торгово-развлекательным центром «Мармелад» – с другой. Объявленная парком, территория настолько не соответствует своему названию, что в городских медиа сложился «дискурс Парка Юности», который составили бесконечные обращения жителей к власти, посещения парка властями, обещания всё благоустроить, новые обращения и репортажи с места событий. Так, только сетевое издание «ВНовгороде.ру» опубликовало десятки новостей о парке, собранные по адресу <https://news.novgorod.ru/tags/Парк+юности/>. В общем, можно сказать, что название «Парк Юности» в городском ономастиконе, конечно, есть, его все знают, потому что о нём постоянно пишут и говорят, а вот есть ли парк реально – большой вопрос.

На западной границе района расположились ещё два парка – **Веряжский** и **45-летия Акрона**.

Веряжский парк, названный по реке Веряже, на берегу которой он расположился, получил такое название в 2019 году, хотя благоустройство этой территории идёт с 2017 года и она воспринималась как сквер. При утверждении нового названия, точнее, его терминологической ча-

сти – *сквер* или *парк* – возникла ономастическая, точнее, терминологическая дискуссия, получившая отражение в медиа [Лаврова 2019]. С предложением заменить *сквер* на *парк* выступила «глава общественно-го совета по развитию сквера на реке Веряжа **Татьяна Плоткина...** Народные избранники с этим согласились и спорить не стали: парк так парк». Интересно, что в этой дискуссии эксплицированы представления о том, что такое парк. Так, соорганизатор движения «Новый город» **Анна Соколова** напомнила, что «отличительные черты парка – это размеры, наличие деревьев, наполнение» [Лаврова 2019]. Тем не менее она соглашается с тем, что главное – не термин, а финансирование и благоустройство этой территории, которую жители района уже привыкли считать местом прогулок.

Парк, который многие продолжают считать сквером, пока состоит из асфальтированных дорожек, детской площадки, скамеек и камня с улитками и фигуркой японского поэта Кобаяси Исса, которому принадлежит хайку «*Тихо, тихо ползи, улитка, / по склону Фудзи /Вверх, до самых высот!*». Поэта и улиток жители района утепляют вязаными шарфиками [Лаврова 2018].

Парк 45-летия Акрона открылся в 2012 году, когда химический комбинат отметил эту дату, на территории, прилегающей к спортивному комплексу предприятия и дому молодых специалистов на западной

окраине города [Привалов 2012a]. Хотя в новости об открытии парка говорится о высадке «4,5 тысяч растений сорока видов», сейчас в парке самые заметные – сооружения из камней, напоминающие английский Стоунхендж. Когда подрастут все деревья, наверное, это место будет восприниматься как настоящий парк.

Если выйти за пределы городской территории, то следует сказать ещё о двух парках. Один из них – **Парк 1100-летия Новгорода** – был заложен после того, как в 1959 году город торжественно отметил эту грандиозную дату. Парк был задуман как загородный, его расположили рядом с Юрьевским шоссе при его повороте на Витославлицы. Но то ли местность была не самой подходящей для этого, то ли забота о парке – не на должном уровне, сейчас часть этой территории просто затоплена, другая заболочена. Название «Парк 1100-летия...» знакомо мало кому из новгородцев. Но есть и те, кто сожалеет о несостоявшемся месте прогулок. Так, Новгородский интернет-журнал «Портал 53» публикует письмо читателя под выразительным названием «Заросли 1100-летия»,

автор которого обращает внимание на то, что парк был красивым, туда ездили гулять и загорать, а сейчас он превращается в заброшенный участок [Григорьев 2018].

Напротив несостоявшегося парка – **Витославлицы**, знаменитый музей деревянного зодчества, название которого повторяет имя существовавшего здесь с XII века села. Ойконим образован от притяжательного прилагательного Витославль от имени Витослав [Васильев 2005: 237–238] и принял характерную для новгородской ойконимии форму множественного падежа – *Витославлицы*. В XIX веке это стало названием имения Анны Орловой-Чесменской, от которого остался барский дом, где располагается экспозиция музея. В 1964 году здесь открылся музей, который воспроизводит деревню, состоящую из изб, привезённых из разных деревень Новгородской области, деревенских церквей и часовен, а также кузниц, гумен и других хозяйственных построек крестьянской усадьбы. Это очень популярное место как среди новгородцев, так и среди гостей города. Руководство музея устраивает многодневные праздники в Святки, Капустки, Пасху, Троицу, здесь даже проводят свадьбы в народном духе. Это место можно было бы считать парком, если бы оно не было столь музейным.

Итак, собственно парков в городском смысле этого термина два. Остальные – либо «парки в будущем», что не мешает новгородцам гулять в них и ждать, когда деревья станут большими; либо загородные и музейные. Что касается названий парков, то, как можно заметить, одно из них – субстантив, бывший ойконим Витославлицы, два – Кремлёвский и Веряжский – по форме прилагательные; один – форма родительного падежа – Юности, а три – «датские» 1100-летия Новгорода, 30-летия Октября и 45-летия «Акрона», они отражают историю Новгорода, страны и химкомбината. В последнем случае корпоративная дата оказалось столь значимой, что иного названия даже не стали искать; а «Акрон» отмечился в городском ономастиконе.

Как и в любом городе, в Великом Новгороде наряду с парками есть скверы. Как о реальных скверах – местах, где есть деревья, дорожки и где любят гулять новгородцы – уже говорилось о Ярославовом дворе и Антониеве монастыре. Официальных скверов в Великом Новгороде долго не было, хотя постепенно они возникают при памятниках.

Первым можно было назвать сквер, который не имеет собственного названия, а располагается по улице Набережная реки Гзень. Речку «забрали в трубу» в 1971 году, сквер разбили – то есть высадили деревья, сделали дорожки и скамейки – в 1978 году, а в 2009-м поставили па-

мятник Петру I, хотя памятники ставят обычно на высоких местах. К тому же, чтобы не омрачать «скверное» впечатление, убрали отсюда камень – памятный знак жертвам сталинских репрессий, как ни возражало общество.

Действительно сквером при памятнике стал **Сквер Воинской славы**, который образовался в 2010 году, когда была установлена стела, как и в других городах Воинской славы. Это место называлось *площадью Маркса*, переименование площади не вызвало проблем, потому что все считали это место сначала «перед кинотеатром “Россия”», а затем «перед киноцентром», как стал называться кинотеатр. Можно сказать, что здесь все признаки сквера – на площади, с памятником, деревьями, цветами и скамейками.

Характерна в этом отношении история сквера у памятника писателю Дмитрию Балашову. Как сообщалось в медиа, памятник открыли летом 2017 года: «на пересечении улиц Андреевской и Фёдоровского ручья, между тремя храмами – Фёдора Стратилата, Дмитрия Солунского и Никиты Мученика появился новый сквер с кустами сирени и памятником Дмитрию Михайловичу» [Лаврова 2017]. К концу года ре-

шено было назвать сквер **Балашовским**. Интересно, что при мотивации выбора такого названия обратились к мнению вдовы писателя и к тому обстоятельству, что «Балашовский сквер» звучит как-то мягко, по-домашнему. Да и новгородцы в повседневной речи называют сквер именно так» [Томмингас 2017].

Более длительной, но с таким же финалом выглядит история сквера при памятнике писателю Всеволоду Кочетову, уроженцу Новгорода. Памятник был поставлен в 1984 году на аллее Юности напротив ДК «Акрон». В связи со строительством там торгово-развлекательного центра «Мармелад» в дни, когда можно было бы отметить столетие писателя, памятник начали демонтировать, что навело новгородцев на печальные мысли о прощании с ним [Привалов 2012]. Однако его просто перенесли на улицу, которая носит имя писателя с 1975 года. Вокруг памятника на пересечении улицы Кочетова и проспекта Корсунова со временем установили скамейки, и только в 2019 году это место официально признали **сквером Кочетова**. Отметим, что не Ко-

четовским, как в случае с Балашовым, может быть, во избежание омонимии с названием рынка, о котором речь пойдёт дальше.

Сквер образовался и вокруг бюста Панкратова. Александр Панкратов – один из самых почитаемых героев, погибших за Новгород. В августе 1941 года он закрыл собой немецкий пулемёт, дав возможность роте ворваться в Кириллов монастырь, где засели фашисты. В марте 1942 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Подвиг героя увековечен в обелиске, стоящем на линии Волховского фронта. В 1965 году его именем была названа улица Завальная, идущая по внутренней стороне вала на Торговой стороне [Смирнова 2015]. В октябре 2015 года был установлен бюст героя, изготовленный скульптором Сергеем Гаевым [Привалов 2015]. Это место на улице Панкратова при её пересечении с Рогатицей было пустым, а превратилось в небольшой сквер с плиткой и клумбами. Там проводятся митинги памяти, и жители улицы прогуливаются вечерами. Название **Сквер Александра Панкратова** не требует особого запоминания.

В 2016 году городские власти решили украсить город скверами, и встал вопрос об их назывании. После обсуждения горожан на топонимической комиссии были предложены девять новых имён для скверов: *У церкви Двенадцати апостолов, Профсоюзов, Имени И.А. Каберова, Светлый сквер, «Любовь и голуби», Мужества, На Сенной, Водников, «Минутка»* [Кобяков 2016]. Анализ отобранных комиссией названий

показывает, что предложения исходят от людей, которые мыслят в рамках советской городской ономастики: преобладают конструкции с родительным падежом (*Водников, Мужества, Профсоюзов*), включая формулу «имени кого»; остальные, если не иметь в виду экстравагантное цитатное «*Любовь и голуби*» или «*Минутка*», ориентированы на ближайшую улицу и церковь. Интересно, что среди предложенных, но не принятых комиссией названий тоже были генетивные конструкции: *Культуры, Пионов, Гармонии, Богоявления, Николы Тесла*. Предлагались и прилагательные – *Воскресенский, Хвойный*, а также два названия со словом *треугольник* (рядом с районом «Псковский треугольник») – *Бермудский треугольник, Синичкин треугольник*.

Семь имён из этого списка были приняты думой, и в городе появилось семь скверов. Кроме того, **сквером Луговым** считаются берега пруда в жилом комплексе «Луговой», благоустроенные и снабжённые спортивной площадкой.

В 2019 году вновь вернулись к проблеме скверов. Теперь утвердили **сквер Кочетова**, о котором речь шла раньше, **сквер у церкви Двенадцати апостолов** (не был почему-то утверждён в прошлый раз), а ещё два сквера у Десятинного монастыря – **Десятинский** перед ним и **Всехсвятский** за (в напоминание о церкви Всех святых, которая там стояла).

Конечно, не все эти фрагменты городской территории на самом деле представляют собой скверы, но городские власти убедили горожан, что благоустроить их можно будет только в том случае, если они официально будут числиться скверами.

Ситуация с парками, скверами и их наименованием показывает, как сложно фрагментируется городская территория и в ней выделяются места, которые можно назвать скверами, и как трудно находить названия для таких мест. Практика «назначения» скверами практически любого незастроенного участка в городе приводит к тому, что слово *сквер* теряет значение, если сквером может быть что угодно, без деревьев, кустарников, клумб, скамеек. Парки и скверы – публичные пространства города, но первые предназначены прежде всего для ходьбы, а вторые скорее для того, чтобы посидеть на скамейке.

История этих слов в русском языке говорит о том, что они сменили слово *сад*. Выражение «в городском саду» хорошо знакомо горожанам XIX века (см. Александровский сад в Москве, Летний сад в Петербурге), отсюда улицы *Садовые* практически во всех городах. Была Садовая улица и в Новгороде: она шла вдоль Летнего сада от Большой Санкт-Петербургской до Волхова, потом была поглощена Кремлёвским парком

[Запольская, Моисеев 2010: 120–121]. История слов *парк* и *сквер*, заимствованных из французского и английского языков, особый лингвистический сюжет, можно найти довольно скудные сведения о том, что первое известно с петровского времени, а второе – с середины XIX века [Черных 1993: 6; 168]. Важно отметить, что современная урбанистическая практика, программы городского комфорта мало считаются со значением этих слов, и Великий Новгород не отличается в этом от других.

Стоит заметить, что в древнем городе пространств, соотносимых с современным представлением о парках и скверах, не было, они возникают гораздо позже. В Новгороде первый парк возникает в XIX веке: «молодой парк, посаженный пленными французами на месте бывших петровских бастионов, ... сразу стал излюбленным местом отдыха горожан, каковым является и до сих пор. Здесь по выходным играл военный оркестр и фланировала публика» [Смирнов 2007: 258]. Очевидно, что это была сравнительно новая практика в городской жизни, и столь же очевидно, что одного такого парка хватало городу с его небольшим населением. «Парки культуры и отдыха имени Горького» активно культивировала советская власть, но в советском Новгороде такого не появилось.

Что же касается названий современных парков и скверов, то их поиск выявляет ономастические привычки, связывающие горожан с меморативностью и героичностью, а в языковом плане с формой родительного падежа, что мешает воспринимать место как место отдыха, прогулок, встреч. Как будет показано далее, меморативностью и героичностью город заполняют имена улиц, но это не кажется странным.

2.3.6 Имена стадионов

Стадионов в Великом Новгороде немного: один находится в районе бывшего завода «**Волна**» и носит это имя; второй ещё недавно назывался «Центральный», и это было всем известно, потому что повторялось как название автобусной остановки. Как уже было сказано, в 2015 году стадион был реконструирован: построена новая трибуна, сделано искусственное покрытие, новое ограждение. По существу, это был новый стадион, и решено было назвать его по-новому. Но после долгих обсуждений, в ходе которых предлагались экзотические и героические названия, стадион стал именоваться по-старому – «**Электрон**». Это имя он носил в 1960 годы, когда его содержал завод Ленинского комсомола (электронной промышленности). Таким образом, названия стадионов в Великом Новгороде – «Волна», «Электрон» – говорят не столько о

спорте, сколько о тех временах, когда промышленные предприятия радиоэлектронной промышленности могли поддерживать спорт и содержать стадионы. Кстати, под таким именем есть стадионы в Волгограде, Пскове, Казани, Новосибирске. Так что выходит, что это и в некотором роде традиционное решение.

Если относить к ономастикону и те имена, которые были, то надо вспомнить о стадионах «Динамо», который был неподалёку от Кремля примерно там, где стоит памятник Рахманинову, и «Трудовые резервы», стадион для училища завода «Волна», которое располагалось в Юрьеве монастыре.

2.3.7 Имена рынков

Рынки в городе можно перечислить по пальцам, начиная с «**Центрального**», такое название найдёшь в каждом городе, наверное.

На Торговой стороне – два рынка: один носит нейтральное название «**Восточный**», а второй располагается в корпусах бывшего завода Ленинского комсомола и именуется по тогдашнему адресу корпусов «**Гагаринским**». Это название не даёт покоя некоторым новгородцам: они считают, что дать имя первого космонавта рынку оскорбительно. Но такого акта наименования не было, просто корпуса завода располагались по адресу «проспект Гагарина». Позднее проспект был переименован в улицу Федоровский ручей, и оказалось, что рынок стал носить имя первого космонавта. Топонимическая комиссия неоднократно получала просьбы переименовать рынок, но пока его все знают под таким названием.

Кроме того, в Западном районе есть рынок «**Кочетовский**» и «**Славянская ярмарка**» (хотя в слове *ярмарка* есть значение ‘непостоянная’, оно происходит от немецкого – ‘ежегодный торг’ [Толковый 2008: 1136]).

Надо сказать, что рынки – исчезающая форма городской жизни, исчезают и соответствующие территории. Так, в Великом Новгороде за последние десять лет ликвидированы «**Псковский рынок**» и «**Северный рынок**», а также рынок, который в разговорной речи назывался «**Афганский**» (он принадлежал сообществу воевавших в Афганистане). Рынки вытесняются торговыми центрами, наименования которых будут рассмотрены среди эмпоронимов. Что касается рыночков, то стоит отметить, что небольшие торговые ряды, где торгуют рассадой, овощами, ягодами и фруктами сохраняются, но имена собственные им не даются, их обозначают описательно, например, «рыночек у подземного перехода» (он в городе один).

Итак, имена разнообразных территорий в городе располагают ономастическим массивом более чем в семь десятков имён, довольно часто связанных друг с другом отношениями мотивации.

Кроме названных территорий, можно ещё назвать два **пляжа** на Волхове – **Кремлёвский** и **Юрьевский**. Конечно, купаются новгородцы и в других местах, не «специально отведённых для купания», как говорится в официальных предупреждениях. Оба новгородских пляжа находятся у стен святынь, что иногда удивляет гостей города, но таков уж наш город, где святое и обыденное, историческое и актуальное существуют неразрывно и соседствуют в одном пространстве.

Из специфических новгородских территорий нельзя не отметить **раскопы**, на которых ведутся археологические исследования. Раскоп – временная территория, она получает название, как правило, по ближайшим городским объектам, но, когда археологические работы заканчиваются, вливается в обычное городское пространство, теряя своё название, их забывают горожане, а помнят только специалисты. Судя по статье [Рыбина 2007], археологи работали в городе более чем на сорока раскопах; при этом после 1951 года они стали именоваться прилагательными – *Неревский, Славенский, Готский*, хотя до этого использовались локативные формы – *на Дмитриевской улице, у церкви Андрея Стратилата*. Из большого списка раскопов только некоторые входят в городской ономастикон. По крайней мере, про два названия это можно сказать точно.

Неревский раскоп -- здесь в 1951 году была найдена первая берестяная грамота и каждый год 26 июля проводятся публичные акции в

память об этом; здесь стоял памятный знак, а с 2019 года – скульптура, которую новгородцы воспринимают как памятник мальчику Онфиму, берестяные тексты которого можно видеть в музее, а сам мальчик давно стал персонажем новгородской культурной жизни.

Троицкий раскоп, где ведутся работы с 1973 года, дал более тысячи берестяных грамот, там устроен «Театр времени» – экспозиция под открытым небом, позволяющая воочию убедиться в толщине культурного слоя, спуститься на уровень X века.

Что касается терминов имён территорий, то среди них есть типовые для русского города – *район, монастырь, парк, сквер, стадион, рынок* – и есть уникальные, или, во всяком случае, редкие, – *городище, дворище, мыза, раскоп*.

2.4 Имена площадей

Вообще говоря, площади – это тоже небольшие территории в городском пространстве, однако в ономастике есть традиции рассматривать их как особый ономастический объект, для которого предусмотрен специальный термин – *агороним* [Подольская 1988: 27]. На карте города площади – это точки, что позволяет считать их особым точечным ономастическим объектом городского пространства, что отличает их, с одной стороны, от разнообразных городских пространств, а с другой, – от улиц и переулков, проспектов и проездов как линейных элементов городского пространства.

Площади – фрагмент городской среды, важный потому, что это пространство публичности. Именно на них собираются горожане для общения, обсуждения чего-то важного, торговли, отдыха, празднований... Можно представить имена площадей как штрихи ономастического портрета города.

Самый интересный ономастический сюжет предоставляет главная площадь города – **Победы-Софийская**. Появившаяся в последней четверти XVIII века, для чего пришлось снести несколько кварталов деревянной застройки, окончательно площадь сложилась в 1820-е годы, когда разрушили укрепления Малого земляного вала и засыпали ров перед ним. Название новая площадь получила – *Софийская торговая* [Трифонова 2008: 244]. Первая его часть перенесена с названия *Софийской стороны*, которая, в свою очередь, именовалась по *Софийскому собору*. Получив столь значимое для города имя, площадь становится его символическим центром, а, с другой стороны, имя Софии закрепляется в языке города, войдя в число ключевых.

Здесь можно отметить, что принцип метонимического переноса, привычный для городских названий, действовал и далее: в начале XX века на площади появилась «Софийская гостиница» купца Садовникова, которую в 1927–1928 годах переоборудовали под поликлинику; число объектов с именами, производными от *Софии*, росло.

Вторая часть наименования – *торговая* – за площадью не закрепилась, хотя известно, что иногда на ней торговали хлебом. Задуманные губернским архитектором В. С. Поливановым каменные торговые ряды так и не построили. Так произошла «специализация» новгородских площадей и согласование с названиями сторон как важнейших элементов топографии города: *Торговая* – на *Торговой стороне*, *Софийская* – на *Софийской*.

В конце XVIII века площадь становится административным центром: на ней (на месте современного здания областной администрации) строится трёхэтажное здание – «съезжая» частного пристава (полицейский участок) и резиденция брандмейстера (начальника пожарной команды), последнее для деревянного в основном города было чрезвычайно важно. Можно сказать, что функциональный репертуар площади постепенно расширяется. В середине XIX века на ней возводится здание Дворянского собрания (сейчас там Музей изобразительных искусств), и площадь становится местом светской, общественной и даже научной жизни (в 1910 году именно там проходит XV Археологический Всероссийский съезд) [Секретарь 1999: 61–76].

Правда, это здание сократило территорию площади: оно разбило её на две части, и бóльшая – перед фасадом – осталась *Софийской* и стала парадной, а та часть, что оказалась за его тыльной стороной, стала отдельной площадью – торговой, получившей имя *Сенной*, хотя торговали там не только сеном. Её история заслуживает отдельного рассмотрения.

Итак, к началу XX века Софийская площадь – главная, она стала местом важнейших событий, вместе с кремлём она составляет архитектурный ансамбль центра города. При этом её имя символизирует и ценности православия, что было существенно для идеологии государства той эпохи.

Радикальные перемены в государстве отразились и на её судьбе. В 1919 году Софийская площадь получает новое название: *9 января* – в память о Кровавом воскресеньи, случившемся в 1905 году [Запольская, Моисеев 2010: 152]. Эта перемена – вполне в духе эпохи и нового этапа истории государства. Пришедшие к власти большевики приступили к переименованиям: новое государство должно было, по их замыслу,

иметь совершенно новую карту. Старые имена уничтожались по идеологическим соображениям, в нашем случае – это борьба с религиозными пережитками (кстати, позднее, в 1930-е годы, Софийский собор перестал быть храмом, и в нём разместили музей атеизма). Показательна и языковая форма нового имени площади: вместо прилагательного, которое согласуется с любой формой слова *площадь*, – двусловное название в форме родительного падежа – *Девятого января*; оно оказывается несклоняемым и выглядит одинаково во всех контекстах: *пл. 9 января*, *на пл. 9 января*, *к пл. 9 января*...

В годы войны площадь, как и весь Новгород, подвергалась разрушениям, и как только город освободили, руины начали разбирать. К первой годовщине Победы в центре площади воздвигают деревянный обелиск Победы, а ей решением Новгородского городского исполкома от 1 апреля 1946 года дают новое имя – *Победы* [Там же]. Для Новгорода Победа пришла после долгих двух с половиной лет оккупации и сильнейшего разрушения. Новое имя площади закрепляло в языке города Победу как главнейшую ценность, было призвано постоянно напоминать горожанам о ней.

В соответствии со своим новым именем площадь преобразуется и скоро становится «апофеозом градостроительных идей социализма» [Трифорова 2008: 264]. Её ландшафт определяется в первую очередь двумя массивными сооружениями, расположенными напротив друг друга на одной оси, – средневековым кремлём и Домом Советов, сооружённым в 1959 году (сейчас здание областной администрации). Эти «бастионы власти» [Там же] уравнивают друг друга и замыкают пространство площади, одновременно подчеркивая её огромность. Вместе с тем Воскресенские ворота кремля открывают её пространство в сторону Волхова и Торговой стороны, что организует сквозные линии городского пространства, акцентируя центральность площади, её общегородскую значимость.

Площадь асфальтируется, разнообразные сооружения на ней постепенно исчезают (разрушаются и не восстанавливаются, как поликлиника и кинотеатр), как бы очищая фон для памятника Ленину, который восстанавливают в 1956 году на постаменте 1926 года. Площадь становится парадной, что согласуется с её названием и новым обликом: на ней проходят «демонстрации трудящихся» в главные советские праздники.

Новая эпоха в жизни нашего государства – постсоветская – тоже отразилась на имени площади. Вместе с 40 улицами в границах вала

Окольного города ей было возвращено её историческое имя *Софийская* (решение Новгородского городского Совета народных депутатов от 12 сентября 1991 года) [Запольская, Моисеев 2010: 152]. Оно быстро прижилось, как кажется, и в силу своей грамматической естественности в устной речи стало использоваться без термина *площадь*: «на Софийской», «пройдите от Софийской направо». Казалось бы, восторжествовала историческая справедливость и наступила грамматическая гармония.

В 2004-м году в ожидании 60-летия Победы публикуются высказывания ветеранов о необходимости вернуть площади её победное имя. И тогда же звучат возражения: «...стоит ли нам лишать центральную площадь её пятисотлетнего наименования? Может, лучше им гордиться, ведь мы живем там, „откуда пошла русская земля“. И у нас высится древний российский храм, в честь которого названа площадь. А что касается „Победы“ – наверное, можно так назвать какую-нибудь новую, послевоенную улицу или площадь». Так аргументировал свои возражения историк, когда-то директор музея-заповедника [Гормин 2004].

Топонимическая комиссия, обсудив 25 марта 2005 года «обращения граждан о возвращении Софийской площади названия *площадь Победы*», принимает решение «вернуть название» и передаёт его как рекомендательное в городскую Думу. К заседанию Думы 28 апреля полемика, можно сказать, охватила весь город. Областная газета открывает на своём сайте интерактивное голосование по поводу возвращения имени площади, и там 80 % – против этого. Общество любителей древности обращается с открытым письмом к депутатам Думы с просьбой «отказаться от конъюнктурного подхода при решении этого вопроса» и не поддерживать «поспешного» решения Топонимической комиссии. Историки подчёркивают: «Софийская площадь хранит в своём названии имя небесной покровительницы нашего города. О заступничестве Святой Софии сообщают новгородские летописи при упоминании славных побед князей Мстислава Удалого и Александра Невского».

Решение Думы оказалось неожиданным и ожидаемым. Неожиданным потому, что депутаты нашли третий – компромиссный – вариант и узаконили название **площадь Победы-Софийская**. Ожидаемым потому, что в городе уже существуют десять таких компромиссных названий улиц, соединяющих несоединимое в грамматическом, да и в смысловом плане: *Каберова – Власьевская*, *Мерецкова – Волосова*, *М. Джалиля – Духовская*... «Новая новгородская газета» сопровождает информацию об этом врезкой со словами «Добро пожаловать на Софийскую площадь

Победы» (4.05.2005). «Новгородские ведомости» сообщают, что теперь площадь будет называться *Софийская / Победы*, подчеркнув, что решение принималось под крики пикетирующих сторонников переименования (30.04.2015).

Итак, с 28 апреля 2005 года площадь носит двойное название. Кто-то продолжает называть её одним прилагательным, от гостей города пришлось услышать «площадь Софийской Победы» – интуитивное желание придать названию грамматическую связность... Время показало, что принято решение, которому сопротивляется не только здравый смысл, но языковое сознание и наши речевые обычаи, однако оно остаётся в силе.

Более того, к следующему юбилею Победы редакции новгородских газет получили письмо от председателя Новгородской городской Думы С. Золотарёва, где он предписывал «*в преддверии празднования 65-й годовщины со дня Победы в Великой Отечественной войне обратить особое внимание на правильность употребления наименований элементов улично-дорожной сети Великого Новгорода, присвоенных решениями Думы Великого Новгорода: пл. Победы – Софийская, ул. Мерецкова – Волосова, ул. М. Джалиля – Духовская, ул. Фрунзе – Оловянка, ул. Телегина – Реятина, ул. Герасименко – Маницына, ул. Черемнова – Конюхова*». Опубликовав это предписание, журналисты обратили внимание на то, что, кроме властных решений и пожеланий ветеранов, есть законы русской грамматики, которые нельзя отменить и которыми невозможно пренебрегать, см., например, [Брутман 2010].

Во втором десятилетии XXI века площадь живёт с именем, которое при его языковой невозможности всё-таки отражает нашу эпоху с её памятью о недавнем советском прошлом и далёком средневековом, движением к православию и «прогрессивному человечеству» одновременно. Языковая сторона имени мало волнует тех, кто решает вопросы переименований, по-прежнему имя собственное оказывается оружием идеологических войн. И это тоже штрих ономастического портрета города.

Свои штрихи вносят и имена других площадей Великого Новгорода.

Сенная площадь, как уже было сказано, образовалась после постройки Дворянского собрания в середине XIX века. Её первое название реалистично и прозаично: на площади действительно шла торговля, там были сенной и конный базары. Сейчас память об этом хранит специальное сооружение для взвешивания сена – *важня*, в нём разме-

стился информационный центр музея-заповедника. В 1924 году она была переименована в *Крестьянскую* [Запольская, Моисеев 2010: 153]; хотя *сено* не относилось к реалиям, чуждым революции, но требовалось утверждать классовые ценности, предпочитая крестьян торговцам. В соответствии с новым названием вскоре был открыт Дом крестьянина с общежитиями, столовой, читальней. После войны на площади был автовокзал, куда приезжали из районов области. В 1969 году она переименована в *площадь Труда* [Там же], а в 1991-м – ей возвращено историческое имя *Сенная* [Там же: 154]. Сегодня она могла бы получить название «Площадь туристов»: именно здесь они выходят из автобусов, и многие из них именно отсюда начинают знакомиться с городом.

Самая новая на Софийской стороне – построенная после войны в новой части города – **площадь Строителей**. Она сложилась в 1960-е годы и названа в честь строителей, восстанавливавших город после войны и строивших новые дома для новгородцев (решение Новгородского исполкома от 27 апреля 1970 года). Несмотря на свою недолгую историю, успела поменять имена: *Григоровская*, потом *Кольцевая* [Запольская, Моисеев 2010: 154]. Надо сказать, что *Кольцевая* подходило бы ей более всего, а кроме того, её и площадью называть не совсем верно. Она как пространство не включена в городскую публичность, на ней ничего не происходит, можно сказать, на неё не ступает нога человека – только транспорт проезжает в больших количествах. Кстати, согласно правилам дорожного движения, это не площадь, а «перекрёсток с круговым движением». Но это новгородцам не кажется странным: во время обсуждений названий скверов предлагалось ещё круговой перекрёсток улиц Большой Московской и Державина назвать Площадью Героев и поставить ещё один памятник героям.

На Торговой стороне нет площади. *Торговая* площадь, аналогом которой поначалу мыслилась Софийская, сформировалась на месте древнего Торга в начале XVIII века, когда «Петр I издал указы, в которых повелевалось „без оговорки“ снести разбросанные деревянные лавочки, а купцам перейти в каменный гостиный двор» [Сорокин 2007]. Место перед Гостиным двором и стало пространством будущей площади. В начале XX века на ней находилась городская Дума, общественный банк, купеческий клуб [Ласковский 2008: 14]. Переименовав эту площадь в *Вечевую* [Запольская, Моисеев 2010: 151], новые власти как бы подчеркнули, что идея торговли им не близка. Одновременно название обращало к исторической памяти – фиксировало легендарные сведения о месте новгородского веча, в котором советской власти была дорога

идея народовластия. До 1930-х годов площадь функционально оставалась торговой, весной 1930 года рынок был ликвидирован и перенесён на Крестьянскую площадь, а в Гостином дворе устроена мебельная фабрика «Красная заря». Летом того же года на площади поставили памятник Карлу Марксу, сделанный из того, что осталось от памятника Александру II, стоявшего напротив женской гимназии. На площади находились горсовет (в здании Думы), Центральная библиотека.

Таким образом, площадь из торговой превратилась в административно-политическую. Это отчасти послужило причиной закрытия ближайших церквей, а затем их приспособления под разные нужды. В сегодняшнем городском ландшафте эта площадь не ощутима. После войны не стали восстанавливать гостиный двор, и площадь растаяла в пространстве *Ярославова дворища*. Иначе говоря, эта соперница Софийской площади сошла со сцены, сегодня о ней есть лишь смутные воспоминания.

Ещё одна площадь исчезла в 2010 году – *площадь Карла Маркса*, превратившись после установления на ней стелы Воинской славы – в **Сквер Воинской Славы**. Хотя, как сказано, здесь есть приметы сквера, это и площадь: она включена в публичное пространство города – там проходят торжества в День Победы; сходятся важные транспортные потоки – улицы Людогоща, Чудинцева, Псковская, Германа, Воскресенский бульвар. О топонимических волнениях, связанных с этим переименованием, – в следующем разделе главы.

Завершить описание площадей следует **Вокзальной площадью**, название которой вне идеологий и имеет ориентирующее значение: она расположена у вокзала. Возникнув в 1953 году, когда был сооружён новый вокзал (старый разрушен во время войны), она окончательно сформировалась к концу 1950-х. Её главное назначение – транспортное: сюда выходят приехавшие в Новгород, отсюда уходят к поезду уезжающие, здесь остановки автобусов, троллейбусов, стоянка такси.

Известно, что вокзальная площадь – визитная карточка города, она создает первые впечатления о нём. Наша площадь круглая и защищена двумя вокзалами, в середине – бюст Александра Невского (сменившего в 1995 году Маркса). Она не многолюдна и не пустынна, даёт представления о масштабе города, выполняет свои транспортные задачи, отражает его послевоенное прошлое и настоящее. Можно сказать, что имя она унаследовала у предшественницы – площади у довоенного вокзала, который находился несколько дальше в сторону Чудова. Упоминание о ней можно найти в архивных материалах. Но сегодняшние новгород-

цы уже не помнят о старом вокзале, и имя площади воспринимают как единственно возможное для единственного объекта.

Итак, имена площадей Великого Новгорода, каждая из которых имеет собственную ономастическую биографию, важны для ономастического портрета города, ведь это ключевые точки городского пространства, несущие информацию о городе и его истории.

2.5 Имена линейных элементов городского пространства, или годонимия

Линейные элементы городского пространства обеспечивают продвижение по городу, ориентацию в нём. Поэтому такое важное место в городском ономастиконе занимают их имена, или годонимы [Подольская 1988: 152]. Этим термином обозначаются имена улиц, переулков, проспектов, набережных, бульваров. Представляется логичным включить в этот класс имён и мосты, путепроводы, а также дороги, хотя для мостов и дорог предложены другие термины – *гефюроним* [Разумов 2015], *дромоним* [Подольская 1988: 57]. Практика описания имён линейных элементов городского пространства, позволяющая говорить об особой годонимической лексикографии [Шмелева 2019], показывает, что при изучении и описании дифференциация линейных объектов и использование разных ономастических терминов не существенны: практически все словари, в названии которых фигурирует слово *улицы*, описывают не только все линейные элементы городского пространства, но и площади, остановки метро, как это сделано на материале московской ономастики в [Имена 2007]. В соответствии с такой практикой и реальным функционированием городских имён, названия линейных элементов представлены как один фрагмент ономастического портрета Великого Новгорода, при этом, как и в других случаях, с учётом истории новгородских улиц и истории их описания.

Имя улицы – один из первых элементов городского ономастикона, который помогает горожанину ориентироваться в городе и идентифицировать себя как его жителя. В городской повседневности улица – это единица измерения городского пространства, а её имя – одно из первых и важных имён собственных. При знакомстве с новым городом мы читаем имена его улиц как карту. Можно сказать, что имена улиц – одна из констант городского языка, как бы языковой скелет города.

Вообще говоря, улицам, переулкам и проспектам давать названия не обязательно. Можно их нумеровать, как это сделано, к примеру, на Васильевском острове в Петербурге – 1-я, 2-я линия, и всё понятно. Об-

ходятся номерами своих авеню и американцы. Но в русской традиции привычно и естественно давать этим линиям городского пространства собственные имена, которые фигурируют уже в летописях.

Российская городская топонимия формировалась вместе с городским пространством и его архитектурным заполнением. Постепенно складывалась, с одной стороны, терминология линейных фрагментов городского пространства – *улица, переулок, проезд, бульвар, линия, проспект, набережная*; а с другой, – имена собственные всех этих пространственных линий, или годонимы.

2.5.1 История описания имён улиц

Как уже было отмечено в [Шмелева 2014], в истории описания новгородских улиц есть безусловная начальная дата – 1808 год. Именно тогда опубликованы «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» Евгения (Болховитинова), которые, помимо основного текста, включали два «прибавления». Одно из них – «Прибавление первое о древних улицах Великого Новгорода» – и можно считать первой публикацией, посвящённой именам улиц.

В факсимильном переиздании «Исторических разговоров...» «Прибавление...» занимает девять страниц текста [Евгений 2009: 94–101]. При этом семь страниц «Прибавления» составляет таблица из трёх столбцов: в первом помещены названия новгородских концов и заповей; во втором – названия улиц, расположенных в соответствующих концах; в третьем – комментарии Евгения о современном ему расположении названных улиц. Завершается «Прибавление» «Примечанием», включающим небольшой список новых улиц, а также статистические данные о населении Новгорода в XVII, XVIII веках и в современную автору эпоху. Таким образом, мы располагаем первым описанием имён новгородских улиц – это более чем 80 годонимов начала XVII и одновременно начала XIX века.

Из описания можно извлечь данные об изменениях городского пространства, поскольку оно адресовано читателю-современнику, и в нём даются ориентиры начала XIX века. Так, к имени *Михайловка* даётся комментарий «На Михайловке, так и ныне называемая»; а к имени *Нутная* – «Где ныне новая Никольская улица, мимо церкви св. Апост. Филиппа». Из комментариев видно, что основные ориентиры в городе – Волхов, кремль, вал, дороги, церкви, монастыри: улица *Рядетина* – «От Десятина Монастыря, близ нынешней Воздвиженской улицы, мимо левой стороны церкви Св. Троицы к Волхову».

Список и объяснения к нему убеждают, что городские наименования мотивированы, чему посвящен и фрагмент «Разговора второго», где говорится, что улицы «в Новгороде многие издревле прозваны именами знаменитых людей, как например, *Добрынина, Янева, Рядедина, Боркова, Щурова, Иворова, Ильина и другие*» [Евгений 2009: 56]. Другие способы мотивации выясняются при толковании некоторых имён, так, *Ивановская улица* – «...близ церкви Иоанна Предтечи» [Там же: 95]. Большинство наименований улиц и иных городских пространств однословные, но есть и составные, безусловно, более поздние: *Малая Лубянка, Малая Розважка, Новая Романовка* [Там же: 95, 97].

Что касается грамматической формы годонимов, то большинство из них представляют собой прилагательные, среди которых находим как относительные (*Щитная, Кончанская улицы*), так и притяжательные (*Ильина, Иворова, Славкова, Коржова улицы, Дубошин и Витков переулки*). Единичные наименования – в форме существительных: *Рогатица, Лубяница, Михайловка, Оловянка, Новинка*, в том числе двусловные – *Малая Лубянка, Малая Розважка, Новая Романовка*.

Итак, наличие первого описания имён новгородских улиц даёт возможность их лингвистического изучения в историческом аспекте. При этом важно подчеркнуть, что все приведённые имена – результат стихийной, а значит, естественной языковой работы многих поколений новгородцев. И хотя в бытовании имена подвергались изменениям, они сохраняли привычную для русской грамматики форму. Ценность этого описания становится очевидной при изучении последующих этапов истории имён новгородских улиц.

Второе описание новгородских улиц – «Улицы Новгорода» – опубликовано в 1975 году, а затем переиздано с исправлениями и дополнениями [Зайцев, Кушнир 1980]. Его авторы – И. И. Кушнир, тогда главный архитектор города, и И. А. Зайцев, сотрудник ленинградского издательства (информация С. А. Коварской). Справочник включает краткий очерк истории города, его современности, отражаются и перспективы, как они виделись в те годы. Основная часть книги – описание улиц, состоящее из отдельных статей, расположенных по алфавиту современных авторам именованных.

Эти статьи различаются по объёму. Одни включают только сведения о расположении улицы и возможности добраться до неё городским транспортом, объяснение названия, напр.: «*Улица 8 марта. Находится улица на южной окраине Софийской стороны, отходит от Псковской улицы. Образовалась после Великой Отечественной войны, в конце*

1940-х годов. Застроена одноэтажными деревянными жилыми домами. Названа в честь Международного женского дня» [Там же: 33]. Другие дополнены информацией о том, как улица именовалась ранее. Интересно, что при этом в справочнике цитируется [Евгений 2009], значит, этот исторический труд был известен авторам книги. Так, при описании улицы *Большевиков* указывается, что раньше она именовалась *Буяновской*, затем была переименована в улицу *Обороны*, а в 1946 году получила наименование *Большевиков* [Зайцев, Кушнир 1980: 25].

Интересно отметить, что главными ориентирами оказываются уже не концы, а стороны – Софийская и Торговая. Так, расположение улицы Красилова характеризуется следующим образом: «Находится улица в южной части Торговой стороны и соединяет набережную Александра Невского с Знаменским переулком». Теряют статус ориентиров церкви, хотя информация о них включается в статьи об улицах, так, в упомянутой статье об улице Красилова есть отдельный абзац: «На улице Красилова находится памятник архитектуры XIV века церковь апостола Филиппа (1383–1384 гг.). В 1526 году она была перестроена, при этом сохранился ее древний план и частично стены. Церковь квадратная в плане и имеет одну апсиду. Завершение фасадов тремя полуциркулярными закомарами сделано в XVI веке, хотя такое решение характерно для конца XII века» [Там же: 60].

Уделено внимание и мотивации имён городского пространства: «новые названия улиц, площадей и проспектов отражают героизм революционного прошлого и первых лет социалистической революции, историю города советского времени, а также подвиги и мужество народа в дни Великой Отечественной войны» [Там же: 10].

В статьях о многих улицах находим информацию об их переименовании, прежнем названии и тех персонах, в память о которых улицы получали новые имена. Так, уже упомянутая улица Красилова «названа была Ильинской, по церкви святого Ильи, стоящей и поныне на этой улице. Решением горисполкома 9 января 1946 года переименована в память героя-коммуниста Александра Красилова. Александр Семенович Красилов (1902–1942 гг.), Герой Советского Союза, во время разведки боем в ночь с 28 на 29 января 1942 года заслонил грудью амбразуру вражеского дзота» [Там же: 60].

Всего в справочнике представлено примерно 240 улиц. Интересно отметить, что около трети их по форме – существительные в форме родительного падежа. Эта годонимическая инновация была внедрена во всех советских городах: улицы *Большевиков*, *Свободы*, *Связи*, с одной

стороны, и *Ленина*, *К. Маркса*, *Некрасова*, *Мерецкова*, *Черняховского*, с другой, объединяли Новгород с городами Советского Союза. При этом среди новгородских топонимов советской поры было и много имён в форме прилагательных, правда, только относительных – и старых (*Воздвиженский* и *Воскресенский переулки*, *Десятинная улица*), и новых (*Ленинградская*, *Маловишерская*, *Шимская улицы*). Заметно и расширение терминологии городского пространства: помимо улиц и переулков, теперь в неё входят *проспект*, *шоссе*, *проезд*, *бульвар*.

Это описание улиц – чрезвычайно интересный источник. Он представляет картину городского пространства советского Новгорода, включает материал о массовом переименовании улиц, а также свидетельства идеологизации городской топонимии, «нагружения» её политическими мотивами и введения в неё персон как связанных с городом (Мерецков, Черняховский и другие герои войны), так и далёких от него (Маркс, Горький, Свердлов). Это описание предьявляет завершённую картину городских имён, выдержанных в советских традициях, и новую их грамматику с преобладанием родительного падежа – *ул. Мира*, *Кочетова*, *Ломоносова*.

Третье описание новгородских улиц – справочник «Улицы Великого Новгорода», подготовленный новгородскими историками [Запольская, Моисеев: 2010]. На первой странице обложки издание представлено как справочник, а на последней есть уточнение – «научно-справочное издание». Действительно, это описание построено на серьёзной научной основе: оно стало результатом натурных исследований городской среды и изучения документов разных эпох, которые указываются в каждой статье. Часть документов о переименованиях опубликована в книге в качестве приложений. Есть в ней алфавитный индекс имён улиц, персоналия, библиография, что и говорит о научном характере издания.

Во вступительном слове авторы отмечают, что одним из мотивов их труда стало желание преодолеть «невообразимую путаницу», возникшую в городе в результате неоднократных переименований улиц. Однако справочник отражает не только современное состояние городского пространства, а представляет собой сводное описание за большой срок – с XVIII по XXI век. При этом в описание оказываются включёнными и уже не существующие фрагменты городского пространства («*Крестьянская ул. Находилась на Софийской стороне. Поглочена застройкой многоквартирных домов*»), и только намеченные («*Слободской проезд. Планируется к строительству в районе Юрьево*»). Отсюда значительный объём его «единиц описания» – почти 350: 329 имён улиц, переулков, проездов, бульваров; 10 площадей, 9 слобод.

Краткие статьи, посвящённые каждому из объектов описания, включают, как видно из уже приведённых примеров, информацию о положении в городском пространстве относительно других улиц, протяжённости, юридической стороне вопроса, расположении здесь значимых городских объектов, наконец, об основании для именованья и переименования. Стоит отметить, что третье описание пересекается с первым, поскольку в конце XX века в городской словарь было возвращено почти 40 названий средневековых улиц: *Славная, Ильина, Чудинцева* и др.; и со вторым, так как улицы *Мира, Свободы, Ломоносова, Зелинского, Попова* остаются на карте города и в словаре новгородцев.

Итак, традиция описания элементов городского пространства с их именами существует в Великом Новгороде более 200 лет. Мы располагаем тремя систематическими описаниями, охватывающими период с 1623 до 2010 года, что составляет серьёзную базу для ономастических исследований. Отметим, что эти описания сопровождаются корпусом вспомогательных материалов и документов, отражённых в именах улиц городских реалий, составляющих социокультурный контекст их бытования в городской среде. Важно также подчеркнуть, что эти описания предприняты как в рамках научного интереса, прежде всего исторического (Евгений Болховитинов), так и практических потребностей горожан, нуждающихся в точных сведениях о городском пространстве и его отдельных элементах.

К этим описаниям необходимо присоединить статьи В. П. Строгой и Э. А. Гордиенко, а также главу из книги В. Л. Васильева.

В статье [Строгова 1995] прослеживается история имён четырёх улиц – *Нутной, Бояней, Маницыной и Данславли* – по целому ряду документов, хотя в подзаголовке статьи указаны только летописи, реально использованы данные писцовых, кабальных и лавочных книг, грамот, в том числе берестяных, а также научных исследований. Приведённые данные позволяют увидеть историю имён новгородских улиц более глубоко – вплоть до XII века, когда в летописной записи о строительстве храма апостола Филиппа упоминается Нутная улица (1194 год) [Там же: 84]. В статье не только собраны фиксации имён улиц в разных документах, но и прослежены их изменения (*Даньславля – Данслаля – Дослаля – Даслаля*) [Там же: 87], отмечены вариации термина *улица / улка* [Там же: 84]. Наибольшую ценность представляют объяснения семантики рассмотренных годонимов, в том числе указание на происхождение имени Нутной улицы от древнерусского слова *нуть* – ‘крупный рогатый скот’ [Там же]; как позднее было доказано, это слово – сканди-

навского происхождения [Кохановский 2010: 55], что говорит о годониме как об одном из лексических следов пребывания в Новгороде варягов и их включения в хозяйственную и торговую жизнь города: «Нутная улица по своему расположению примыкала к древнему новгородскому торгу и, видимо, была прогонной для скота» [Строгова 1995: 84]. Важны сведения о неофициальных женских именах с суффиксом *-ица*, которые бытуют в современных новгородских говорах (Таница, Катница, Шурица), отражены во множестве документов и в названии улицы *Маницына* [Там же: 86–87]. В целом материалы В. П. Строгой ценны для лингвистического осмысления древних улиц Новгорода, тем более что вскоре они стали актуальными наименованиями улиц постсоветского города и вошли в актуальный ономастикон.

В энциклопедической статье [Гордиенко 2007] описываются улицы, а не их имена. Они даются списком с информацией о каждой из них по письменным памятникам и данным археологии. К списку улиц прилагаются планы Софийской и Торговой стороны, что позволяет увидеть, где находились исчезнувшие улицы – *Боркова, Воздвиженская, Воронья, Другонова, Корилская, Лукина, Новая Романовка, Новинка, Пискупля, Росткина, Угольная, Хревкова, Чедерская, Янева* и др. Ономастическая информация статьи представляет большой интерес, тем более что, как уже было сказано, многие древние улицы стали современными.

В книге об архаической топонимии Новгородской земли [Васильев 2005] одна из глав посвящена именам новгородских улиц, представляющих собой притяжательные прилагательные от имён лиц [Там же: 335–368]. Полагаясь на такие источники, как план топографии города, подготовленный Б. А. Колчиным и В. Л. Яниным, летописи, исследования, в том числе [Евгений 2009; Строгова 1995], В. Л. Васильев даёт общую характеристику новгородской древней годонимии и отмечает её антропоцентрический характер, что объединяет годонимию с ойконимией [Васильев 2005: 338]. В подтверждение этого в книге приводится анализ более 40 годонимов, большинство из которых интерпретируется как деантропонимные дериваты, или притяжательные прилагательные – *Данславля, Розважа, Добрыня* и т. д. Интересно, что, опираясь на данные путеводителя начала XX века [Ласковский 2007; Ласковский 2008], удаётся установить, что ко времени его написания новгородцы предпочитали именовать улицы относительными прилагательными, поскольку притяжательные стали восприниматься как архаичные: *Ильина* стала *Ильинской, Михайлова – Михайловской, Яковлева – Яковлевской*. Таким образом, в монографии представлена интересная и важная ин-

формация, ценная для выявления истории имён новгородских улиц и общих тенденций их исторических изменений.

В целом все описания и исследования имён новгородских улиц составляют замечательный фундамент для определения их места в ономастическом портрете Великого Новгорода.

2.5.2 История имён новгородских улиц

Опираясь на представленные в предыдущем разделе описания и исследования имён новгородских улиц, можно сделать некоторые обобщения об истории новгородской топонимии.

Улицы в средневековом Новгороде были важным элементом не только пространства города, но и его социальной структуры: жители одной улицы составляли сообщество, именовались *уличаны*, у них был *уличанский* староста, что отмечено в словаре [Даль 1991: 489]. На улицах Новгорода были мостовые, поддержание которых регулировалось «Уставом о мостех», где перечисляются улицы, которые нужно мостить, и жители Новгорода по улицам – *ильинцы*, *михайловцы*, *витковцы* [Трояновский 2015: 194]. Значимость улиц обеспечивала постоянное использование их имён в документах. Самая древняя улица Новгорода – Славная, этот момент фиксирует памятная доска, размещённая на одном из домов этой же улицы.

Анализ известных имён улиц позволяет заключить, что исторически новгородская топонимия сложилась как информативная: имена улиц в своей совокупности были своеобразным путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях, жителях и их занятиях, соседних городах и весях. Так, древние топонимы сообщают о жителях и о том, что они делают (*Прусская*, *Чюдинцева*, *Щитная*, *Конюхова*), ориентируют относительно монастырей и церквей (*Десятинная*, *Предтеченская*),

обозначают направления вовне (*Московская*, *Псковская*, *Петербургская*). В этом Новгород – типичный русский город.

Его спецификой было то, что улицы шли «от реки в поле», а их пересекали перпендикулярные к ним *Пробойные улицы*. Поскольку таковых было много, у них складывались двойные названия – например, *Большая Пробойная*, *Троицкая-Пробойная*.

Сложилась и грамматика имён улиц, которая сводилась к двум моделям: прилагательное (*Прусская*, *Псковская*, *Предтеченская*) и существительное (*Оловянка*, *Рогатица*). Заметим, что топонимы – как правило, женского рода – с ориентацией на грамматический род слова *улица* (*улица* – она – *Ильинская* → *Ильинка*). Что же касается прилагательных, это в первую очередь **притяжательные** с суффиксами *-j-* (*Людогоща*) и *-ов*, *-ин* (*Михайлова*, *Ильина*, *Лукина*); затем **относительные**, что естественно для слов, характеризующих пространство относительно каких-то объектов и людей (*Кончанская*, *Загородская*, *Никитинская*, *Нутная*, *Варецкая*). Можно отметить, что в Новгороде не зафиксированы топонимы, представляющие собой качественные прилагательные, характеризующие улицу – *Широкая*, *Узкая*, распространённые в других городах. Все эти формы и составляли грамматику улиц – простую и работающую без сбоев.

Следует обратить особое внимание на то, что именам улиц была свойственна вариантность, что хорошо показано в [Строгова 1995; Васильев 2005]. Так, имя *Чюдинцевой* улицы встретилось в разных документах в таких вариантах – *Чюдинцева*, *Чюдинчева*, *Чюдинщина*, *Цюдинцева*, *Чюдинцова*; а *Рогатица* первоначально выглядела как *Рогатая*. Причина вариативности не кажется загадочной: наименование улиц было стихийным, а документы только фиксировали название либо со слов кого-то, либо по собственному разумению писца. К тому же надо помнить, что правописание не было кодифицировано, писали – кому как видится и слышится. Да и произносительная практика была весьма разнообразной: написание *Цюдинцева* отражает характерное для новгородцев цоканье. Учитывая вариативность, можно сказать, что за столетия была найдена оптимальная модель топонима – это прилагательное в форме единственного числа женского рода.

Ситуация резко меняется после октябрьских событий начала XX века: за социально-политическими переменами последовали повсеместные переименования улиц в городах. Так, в Москве в 1921–1922 годы было переименовано 447 улиц, в Петрограде – более 500 улиц. Конечно, эти изменения не миновали и Новгород. 30 апреля 1919 года газета «Звезда» сообщает о постановлении Губисполкома о переименовании 20 улиц. *Большая Знаменская* становится *ул. 1 мая*;

Николаевская – Либкнехта; Бол. Дворцовая – Урицкого; Троицкая – Пролетарской, Б. Власиевская – Чернышевского; Мал. Власиевская – ул. Бебеля и т.д (текст воспроизводится в справочнике [Запольская, Моисеев 2010: 159]). Это значительная часть небольшого тогда Новгорода.

Но дело даже не в количестве измененных имён. Кардинально меняются принципы наименования: право именовать улицы (наряду с другими объектами) присваивает себе власть, имя даётся улице не в процессе речевой практики, а юридическим актом – постановлением. Это самая радикальная перемена.

Второе важное обстоятельство. Подбор новых имён таков, что становится очевидным: из информативной, или семантической эта часть городского словаря превращается в **семиотическую**. Что это означает? Имена улиц становятся частью политического словаря эпохи, «кратким курсом» политграмоты, унифицируя при этом все города. Кроме того, на табличках с именами улиц появляются иноязычные имена – Розы Люксембург, Бебеля, Либкнехта... Таким образом, новые годонимы представляли собой два семиотических типа – **демонстративы** и **меморативы**. Первые предьявляли населению советских городов новые ценности – Революция, Советы; назначение вторых – увековечивать имена вождей и героев революции. Списки достойных увековечивания время от времени пересматривались, что вызывало потрясения и в топонимии.

Забегая вперёд, надо сказать, что сложившийся в революционное время меморативный принцип называния улиц был настолько усвоен советскими людьми, что до сих пор многие не сомневаются в обязанности улиц хранить имена достойных людей. Во многих городах обсуждается только одно – чьи именно фамилии должны стать именами улиц. Доказать, что это не входит в задачи годонимов, что у них есть другие – более значимые для горожанина – функции, чаще всего не удаётся. Это одно из важных последствий советской годонимической практики для культурного сознания жителей российских городов.

Реализованная однажды возможность менять городские имена создала прецедент и открыла бесконечную цепь переименований. Возникшая на фоне лозунга «Мы наш, мы новый мир построим» тенденция противоречила предшествующему опыту, пусть прямо не выраженному, но очевидному: имена города складываются естественно, так же естественно могут забываться и отмирать.

Наконец, нельзя не отметить последствия и языковые, в первую очередь, грамматические. Грамматика имён улиц оказалась существенно

измененной в силу того, что демонстративы и меморативы оформлялись преимущественно формой родительного падежа – *Большевиков, Ленина, Горького*; такие названия могли быть и многословными, как *пр. Карла Маркса*. Это означает, что имена улиц становятся несклоняемыми, что нехарактерно для русской грамматики.

Почему большевикам так приглянулся родительный падеж? Можно высказать несколько предположений. Его удобство состоит в том, что конструкции с ним допускают включение политических терминов типа *диктатура* и иноязычных имён, от которых невозможно образование прилагательного. Так, если *улица Пушкина* может быть и *Пушкинской*, то для фамилий *Либкнехт, Люксембург* и под. таких вариантов нет. Кроме того, конструкции с родительным падежом допускают двусловные (и более!) наименования, что исключено для прилагательных: улицу *Карломарксовскую* никто не предложил.

Важен и стилистический момент: из синонимичных языковых средств, выражающих отношения, – прилагательного и существительного в родительном падеже (ср.: *отцовский дом* и *дом отца*) – именно последний типичен для бюрократического, канцелярского языка, который стал стилистической доминантой советской словесной культуры. Даже сегодня этот преобладающий при советской власти родительный видится (и слышится!) даже там, где его нет и не может быть, – это и есть симптомы травмированности языкового сознания родительным падежом. Так, имя Чудинцевой улицы в Великом Новгороде, представляющее собой притяжательное прилагательное от названия её жителей – *чудинцев*, постоянно произносится с ударением на втором слоге и не склоняется: её воспринимают как форму родительного падежа. Поначалу часто возникал вопрос: «Чем этот Чудинцев лучше Толстого?» (в Чудинцеву переименовали улицу Льва Толстого).

Невероятно изменился и лексикон городской топонимии, как видно из приведённых примеров. В него вошли фамилии революционеров, чуждые русскому словарю и с большим трудом произносимые, что также толкало к их переогласовке и прочим операциям языковой адаптации.

Итак, советской власти удалось изменить не только имена улиц, но и сознание горожан, в него вошли привычка к меморативности, терпимость к многословным именам и «травма родительного падежа». К 1980 году в Новгороде из 94 улиц – 58 названы существительными в родительном падеже (это 64 %); остальные – относительными прилагательными типа *Советская, Комсомольская, Пролетарская*. От харак-

терных для Новгорода притяжательных прилагательных не осталось и следа.

В 1990-е годы на волне социальных перемен прошло массовое возвращение топонимов, в том числе и имён улиц. Новгород не остался от них в стороне. 12 сентября 1991 года Новгородский совет народных депутатов принимает решение о возвращении 40 имён: *Советская* стала *Людогощей*, пр. *Ленина* – *Большой Московской улицей*, улица *Горького* «распалась» на *Газон* и *Розважу* [Запольская, Моисеев 2010: 164–166]. Для небольшого города – это мощное переименование, при этом все они находятся в наиболее посещаемой и обсуждаемой части города. Если историки, взявшие на себя труд поиска забытых имён улиц, были в эйфории, испытывая чувство восстановления справедливости, то для большинства горожан это был настоящий культурный шок: вчера ещё знакомый город вдруг стал незнакомым. Все понимали, что это десоветизация городских имён – процесс отказа от советского, что нравилось не всем. Вызывала недоумение и языковая составляющая: притяжательные прилагательные *Чудинцева* и *Ильина* воспринимались как формы родительного падежа существительного, а *Розважа* – как именительного. Непонятно было, как их изменять в речи – на *улице Чудинцева*, или на *улице Чудинцевой*, или на *Чудинцевой улице*? И все слова были какие-то странные и непонятные: *Газон*, *Розважа*, *Редятина*...

Полемика о возвращении имён хранится в подшивках газет того времени, одно из главных возражений состояло в том, что переименование, или, как настаивают историки, возвращение имён, обернулось вычёркиванием из языка города (и из памяти?) не только советских ценностей, как в названиях улиц Советская или Большевиков, но и имён тех, кто отдал свою жизнь за город. Это воспринималось как несправедливость.

Не прошло и двух лет, как результаты полемики стали видны прямо на уличных табличках. 3 сентября 1993 года уже городская управа совершает «шаг назад», и 10 улиц приобретают «гибридные» наименования – содержательно и грамматически: в них соединяются средневековые притяжательные прилагательные и советские меморативы в форме родительного падежа – *Черемнова-Конюхова* [Запольская, Моисеев 2010: 67–168]. Это двойное переименование поставило вопрос о меморативных именах улиц и – шире – об увековечении памяти о войне, что заслуживает особого рассмотрения.

2.5.3 Имена улиц как хранители памяти о героях войны

Великая Отечественная война для Новгорода, как известно, – одна из трагических страниц его истории. Город был оккупирован 19 августа 1941 года, а освобожден только 20 января 1944 года. И оборона города, и освобождение новгородской земли связаны с огромными потерями: «более 750 тысяч человек погибли и почти столько же умерли от ран и пропали без вести» (Новгород. 18.01.2007). Понятно, что город чтит всех, кто воевал на Волховском фронте, в партизанских отрядах, погиб в трагедии 2-й Ударной армии. Помнят новгородцы и тех, кто ушёл на войну из города: по данным военкомата, было призвано 10 318 человек, более 6 тысяч погибли и пропали без вести (Там же). Поэтому неудивительно, что увековечение памяти героев войны занимает большое место в жизни современного Новгорода и его ономастиконе.

Таблички с именами героев в названиях улиц новгородцы видят, может быть, каждый день. Но вряд ли все представляют себе хронологию появления этих табличек, иначе говоря, шагов увековечения памяти героев в именах улиц. Восстановить её, попытаться увидеть логику властей, а также напомнить, в чём состоял героизм новгородцев и защитников города – вот задача этого раздела главы.

Он основан на сведениях, почерпнутых в медиатеках, ведь новгородские газеты постоянно возвращаются к этой теме. Так, городское издание «Новгород» к 70-летию Победы открыло рубрику «Улица имени героя», которую с февраля по май 2015 года вела журналистка Антонина Смирнова. Поэтому её фамилия часто встречается здесь (при ссылке издание не упоминается – только фамилия автора и дата выхода газеты). Стоит сразу отметить, что далеко не обо всех героях написано много. Минимальные, но иногда помогающие установить истину сведения содержатся и в справочнике [Запольская, Моисеев 2010].

Первым на карте Новгорода появляется имя **Лёни Голикова**, партизана, погибшего 24 января 1943 года у деревни Острая Лука Псковской области. В апреле 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Родился он в 1926 году в деревне Лукино Парфинского района, вырос там же, до войны работал на Парфинском фанерном комбинате. В Новгороде память о нём увековечена именами улицы, проезда и бульвара на Торговой стороне, а также памятником у здания областной администрации. Но когда это происходит? Точных данных ни один из известных нам источников не даёт, в справочнике [Запольская, Моисеев 2010: 47] зафиксировано только, что улица была названа в 1946 году, проезд назван «по одноименной улице в 1957 г.»,

бульвар – в 1970 году назван тоже «по одноименной улице». Памятник поставлен 19 января 1964 года, видимо, к 20-летию освобождения Новгорода. Правда, сегодня проезд растворился в современной застройке, а бульвар трудно заметить среди гаражей. Но есть улица, стоит памятник, действует Дворец детского творчества имени Лёни Голикова (ранее Дом пионеров) с музеем «Партизанской славы на новгородской земле» (<http://ddutnov.ru/o-nas>) – память о нём живёт.

Здесь следует сказать, что Лёня Голиков в начале 1950-х годов был включён в обойму пионеров-героев, для чего его возраст уменьшили на два года. Всесоюзная известность пионеров-героев, активное обращение к их образам в воспитательной работе со школьниками способствовала тому, что именами пионеров-героев, и в том числе Лёни, стали называть улицы и школы, пионерские лагеря, дружины и отряды, даже корабли. Поэтому улицы Лёни Голикова есть в Петербурге, Пскове, Калининграде. Думается, что именно это обстоятельство подтолкнуло новгородские власти назвать его именем улицу в Новгороде, а также в Старой Руссе, Окүловке, Пáрфине, посёлке Полá. Информацию о нем находим в статье А. Смирновой «Юный партизан Лёня Голиков» (19.03.2015), а также в федеральных изданиях: А. Сидорчик «Герой, но не пионер: Реальная и мифическая история Лёни Голикова» (АиФ. 4.03.2014).

К 20-летию освобождения Новгорода число имён героев на карте города увеличивается. В 1964 году новгородским улицам были присвоены имена Ивана Саввича **Герасименко**, Александра Семеновича **Красилова**, Леонтия Арсеньевича **Черемнова**, Григория Георгиевича **Телегина** и Владимира Григорьевича **Литвинова**, Тимура Михайловича **Фрунзе**, Зои Григорьевны **Кругловой**. И. С. Герасименко вместе с А. С. Красиловым и Л. А. Черемновым совершили подвиг самопожертвования, закрыв своими телами вражеские амбразуры, на Волховском фронте в январе 1942 года, как сформулировано в заголовке статьи А. Смирновой, «Не вернулись из разведки» (5.03.2015). В острой публикации А. Орлова «Оставлены на поле боя. Красивая легенда и некрасивая правда» (Новая новгородская газета. 8.12.2010) рассматриваются документы, выясняются обстоятельства, в которых героям пришлось пойти на такой шаг, отношения легенды и реальности. Обстоятельный очерк И. Синцова «Спецназ 1942-го» (Там же. 27.01.2016) включает факты, характеризующие обстановку на Волховском фронте в первую военную зиму. Следует сказать, что подвиг героев увековечен монументом на Ярославовом дворище. Летчик Т. Фрунзе, которому было всего 18 лет, погиб в бою в небе над Старой Руссой в январе 1942 года, как информи-

рует материал А. Смирновой «Улица Тимура Фрунзе» (2.04.2015). Танкисты Г. Телегин и В. Литвинов погибли в январе 1944 года при освобождении Новгорода в деревне Кшентицы; об этом сообщается в статье А. Смирновой «Два танкиста» (9.04.2015). Зоя Круглова была разведчицей, схвачена гестаповцами и казнена в сентябре 1943 года. «Ах, как хочется жить...» – этой фразой из письма партизанки родным озаглавлен материал о ней А. Смирновой (22.04.2015). Кроме З. Кругловой, все – Герои Советского Союза (посмертно). Для увековечения героев пришлось переименовать улицы, которые к тому времени назывались Никитинская (по церкви Никиты Мученика), Крестецкая, Редятина, Лукина, Ефимьевская, Оловянка, Юрьевская.

В 1965 году – это год празднования 20-летия Победы – в Новгороде появляются улицы с именами Анатолия Федоровича **Бредова**, Александра Викторовича **Германа**, Александра Константиновича **Панкратова**, Ивана Даниловича **Черняховского**, Мусы **Джалиля**.

А. Бредов – новгородец, погиб осенью 1944 года при освобождении Мурманска. Сегодня там стоит памятник герою. «Русские в плен не сдаются!» – так называется статья о нём А. Смирновой (30.04.2015).

А. Герман – кадровый военный, работал в тылу, затем стал «комбригом 3-й Ленинградской партизанской» (19.03.2015). Погиб в сентябре 1943 года в бою близ деревни Житницы, похоронен в Валдае.

А. Панкратов совершил подвиг самопожертвования под Новгородом – 24 августа 1941 года. Это произошло на Волховском фронте при штурме Кирилловского монастыря. В статье А. Смирновой «Подвиг Александра Панкратова» (26.02.2015) говорится об обстоятельствах, в которых подвиг был совершён. В той же газете и ранее обращались к этой теме: И. Савинова «Ради жизни боевых товарищей 65 лет назад закрыл собой амбразуру Александр Панкратов» (24.08.2006). В марте 1942 года он был представлен к званию Героя Советского Союза. В 2016 году на пересечении улиц Панкратова и Рогатица установлен бюст героя, и это ничем до этого не примечательное место стало особым «местом памяти» с небольшим сквером.

И. Черняховский – советский военачальник, один из организаторов обороны Новгорода, погиб в Польше, не дожив до Победы трех месяцев. «Всеми любимый генерал» – так названа статья А. Смирновой о нём (19.02.2015). В связи с тем, что в Польше демонтировали памятник Черняховскому, в федеральной прессе появился ряд статей о генерале, в том числе А. Рокоссовской в «Российской газете»: «Улица Черняховского» (18.02.2015) и «Улица – Черняховского» (19.02.2016).

Муса Джалиль (Муса Мустафович Залилов) – татарский поэт, корреспондент газеты 2-й Ударной армии «Отвага», был ранен у деревни Мясной Бор. Оказавшись в плену, сумел организовать подпольное сопротивление. Казнен в августе 1944 года в берлинской тюрьме Моабит. В 1956 году был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. «Перед врагом колен не преклонял» – так называет статью о нём А. Смирнова (16.04.2015). В 2016 году исполнилось 110 лет со дня рождения поэта, появились публикации о нём в федеральной прессе и на интернет-ресурсах.

Увековечение памяти героев в Новгороде потребовало переименования улиц Звёринская, Гужевая, Завальная, Кольцевая, Духовская.

К новым юбилеям – с 1969 по 1976 годы – появляются улицы, названные именами новгородцев – Саши **Устинова**, Виктора Ивановича **Вересова**.

А. Устинов до войны был учителем истории, а затем – первым секретарём горкома комсомола. В тылу врага на территории оккупированной области воевал в составе группы подпольщиков. Погиб от ранения в октябре 1942 года. Подробно обстоятельства его гибели описаны в материале А. Смирновой «Прощайте. Ваш Саша» (23.04.2015).

В.И. Вересов – новгородец, с 1939 года служил в армии, потом работал в Ленинграде. С самого начала войны оборонял Ленинград на Ораниенбаумском плацдарме и в декабре 1941 года там погиб. Как говорится в заголовке к материалу А. Смирновой, «Последнюю гранату припас для себя» (30.04.2015).

В этих случаях переименований не потребовалось: именами героев назвали новые улицы.

Среди увековеченных появляются имена военачальников, которые выжили на войне и были связаны с городом, но к этому времени уже завершили свой жизненный путь. Так на карте города появляются имена Кирилла Афанасьевича **Мерецкова**, Ивана Терентьевича **Коровникова**, Климента Ефремовича **Ворошилова**.

К. Мерецков – маршал, участник четырёх войн, с 1941 года командовал Волховским фронтом, где воевал и его сын Владимир, 18-летний лейтенант-танкист. За его умение безошибочно выбирать направление главного удара его называли «хитрым ярославцем». О том, что это ошибка – в статье А. Смирновой «„Хитрый ярославец“ был уроженцем Рязанщины» (19.02.2015).

И. Коровников – командующий одной из армий Волховского фронта, почётный гражданин Великого Новгорода, что подчёркивается заголов-

ком статьи А. Смирновой «Первый Почётный гражданин» (5.02.2015).

К. Ворошилов связан в нашей памяти с Гражданской войной, но во время Отечественной он входил в командование Ленинградского и Волховского фронтов, партизанского движения. Интересно отметить, что в семье Ворошиловых воспитывался Тимур Фрунзе после смерти родителей.

Улицы с именами военачальников были образованы тогда же при расширении территории города, и переименований не потребовали, кроме одной – именем Мерецкова была названа улица Труда.

Список «геройских» улиц продолжает пополняться и в следующем десятилетии: в 1985 году появляется улица **Белова** – в память об Александре Романовиче Белове, командире одной из дивизий, участвовавшей в освобождении города, что можно узнать из статьи А. Смирновой «Они вошли первыми в разрушенный город» (12.02.2015). Для этого отвели часть Инженерной улицы, так что переименования не понадобилось.

Таким образом, к 1990-м годам на карте города были улицы с именами 18 героев.

В 1995 году умирает Герой Советского Союза, почётный гражданин города Игорь Александрович **Каберов**, который уходил на войну из Новгорода и вернулся сюда, завершив карьеру лётчика-истребителя в звании полковника. И. Каберов был прототипом одного из персонажей романа Николая Чуковского «Балтийское небо» – о морских лётчиках, защищавших Ленинград. В нашем городе он работал на заводе «Квант», руководил авиаспортклубом (который теперь носит его имя), аэропортом, жил на Малой Власьевской (такой она была с 1991 года, а до того – улицей А. Бебеля, Солецкой). В том же году эту улицу называют его именем. Всё это можно узнать из статьи А. Смирновой «Лётчики улетают на другой аэродром...» (26.03.2015). Вспоминают И.А. Каберова и по другим поводам, как, например, в статье А. Орлова «Потрогать облака руками теперь может далеко не каждый» (Новая новгородская газета. 23.03.2016), опубликованной к 55-летию авиаспортклуба имени И. Каберова.

В 1990-х же появляется в городе и улица Якова **Павлова**, защитника знаменитого «Дома Павлова» в Сталинграде. Герой Советского Союза Яков Федотович Павлов после демобилизации работал в Новгороде, умер в 1981 году, не дожив до 65-летия; его именем названа новая улица в северной части Торговой стороны. Основные факты биографии героя представлены в материале А. Смирновой «Сталинградский «Дом Павлова» (7.05.2015), который завершил рубрику.

Как можно заметить, количество улиц с именами героев в Новгороде последовательно увеличивалось начиная с 1960-х годов. И если вначале это были имена отдавших жизнь за город, то впоследствии появляются имена тех, кто погиб на других фронтах, а также тех, кто выжил и стал новгородцем в послевоенное время. В 1991 году в ходе возвращения средневековых имён улиц, о котором подробно говорилось в предыдущем разделе, имена героев войны – Черняховского, Мусы Джалиля, Бредова, Литвинова, Телегина, Красилова, Панкратова, Тимура Фрунзе, Герасименко, Черемнова, Мерецкова – оказались «вычеркнутыми» с карты города.

«Разувековечение» героев и переживалось тяжело. Так, возглавлявший тогда областную писательскую организацию Борис Романов пишет письмо в газету «Новгород»: *«Но что гнетёт? Утверждается историческое имя улицы, но исчезает имя человека. Оловянка, а не Тимура Фрунзе, Конюхова (Конюшая), а не Черемнова, Завальная, а не Александра Панкратова. Оказывается, мало погибнуть в воздушном бою или принять смерть грудью на амбразуре, чтобы остаться в новой новгородской истории. Не говоря уже о простых смертных».* Публиковались и более резкие высказывания с требованием вернуть имена героев.

В результате решением городской управы от 3.09.1993 возвращаются имена улицам Панкратова, Черняховского и Красилова. И наряду с этим появляются девять «компромиссных» названий улиц, включающих имена героев вкупе со средневековыми названиями улиц: Бредова-Звериная, Мусы Джалиля-Духовская, Литвинова-Лукина, Мерецкова-Волосова, Телегина-Редятина, Герасименко-Мáницына,

Тимура Фрунзе-Оловянка, Черемнова-Конюхова. В 1999 году к ним прибавилась улица Кабелова-Власьевская, а в 2004 году, как уже было сказано, площадь Победы-Софийская.

Итак, имена героев занимают важное место в новгородском ономастиконе. Двадцать таких имён в городе, где число улиц – около двухсот, – это

ощутимое присутствие. Тем более что это улицы главным образом в старом городе, оживленные и обсуждаемые. Круг этих улиц складывался постепенно, он пережил потрясения конца века, но его наличие в

городском пространстве говорит о том, что город помнит своих героев. Главное при этом, чтобы ни у городских властей, ни у общественности не возникало ощущения, что этим исчерпывается поддержание памяти о Великой Отечественной войне и о её героях. Наиболее эффективными кажутся такие способы мемориализации, когда словесные, визуальные и пластические техники сочетаются. Так, на улице Панкратова 28 октября 2015 года установлен бюст героя, что существенно изменило характер городской среды в этом «нецентральном» районе – появился сквер. Обсуждается место установления бюста Якова Павлова, имя которого уже носит одна из улиц нашего города.

Увековечена память о героях на 33 мемориальных досках и 19 мемориалах – обелисках, бюстах, памятных знаках. С 2010 года в городе стоит стела Воинской Славы, вокруг которой создан впечатляющий мемориал, а неподалёку – Музей Воинской славы.

При разнообразии способов увековечить память о человеке закрепление его имени за фрагментом городского пространства оказывается самым массовым и, возможно, одним из самых эффективных. Ведь имя улицы постоянно у всех на устах, оно фиксируется в массе городских документов и ежечасно звучит в повседневной жизни города. Имя «геройской» улицы можно считать «атомом» словесной памяти.

Компромиссные названия улиц остаются свидетельствами конфликта памяти, отсутствия ответа на вопрос «Что важнее помнить – средневековые или героев войны?». Как кажется, ответа на этот вопрос нет, его невозможно найти. Но понятно, что память о войне живее, она в каждой семье, она в каждой точке города, где всё было разрушено и восстановлено. И, как показывает жизнь, это не единственный ономастический конфликт. Необходимо рассмотреть другие конфликты, связанные с переименованием и увековечением.

2.5.4 Переименования и дискуссии

Современные новгородские топонимы отличаются принадлежностью к разным культурам именования городского пространства, и эти различия возникли в ходе не эволюционного, а насильственного изменения в рамках идеологического воздействия на горожан. Главная сложность в их оценке, особенно в ситуации поисков новых имён или отказа от старых, – это отделение собственных языковых и культурных моментов от идеологических. О том, насколько это трудно, говорят эпизоды работы Топонимической комиссии Великого Новгорода и дискуссии, которые они вызывают. Материал настоящего раздела главы

сформировался в процессе работы автора в Топонимической комиссии (2004–2013 годы).

Проспект А. Корсунова. В 2002 году погибает Александр Владимирович Корсунов, который с 1994 года был первым мэром Новгорода, президентом Союза городов Северо-Запада России (а до этого работал во властных структурах Шимского, Пестовского районов и области). Это случилось 8 сентября. А уже 21 сентября для увековечения памяти о нём было переименовано Григоровское шоссе – в проспект Александра Корсунова (на табличках – *пр. А. Корсунова*).

Понятно при такой хронологии, что обсуждений столь решительного шага не было. Неожиданность решения и беспрецедентность увековечения памяти нашего современника, не связанного с войной, поразили горожан. Новгородское общество любителей древности трижды обращалось в Топонимическую комиссию с предложением вернуть имя Григоровское, соглашаясь с тем, что это уже, может быть, и не шоссе.

От чего же пришлось отказаться ради памяти погибшего мэра? Григоровское шоссе – классический топоним ориентирующего типа: шоссе шло к пригородному поселку Григорово (сейчас уже фактически соединившемуся с пространством города). Хотя термин *шоссе* говорит об удаленности Григорова от города, но оно было тесно связано с городской жизнью. Так, в 1891 году в селе Григорово (тогда у него был такой статус) открыта первая в России земская сельскохозяйственная школа, а в 1901 году – учительская семинария. В 1916 году на территории семинарии была построена церковь Александра Невского; вновь освящённая в 1999 году, она хорошо знакома современным новгородцам.

История топонима *Григорово* восходит к XIX веку и сообщает о владельце деревни помещице Григоровой, дом которой сохранился до сих пор. А сам населённый пункт известен с XVII века и фигурирует в документах как сельцо *Яковлево (Яковлевское)* Заверьяжского погоста. Новгородский музыковед В. В. Демидов обратил внимание на то, что род Григоровых, о котором он прочитал в книге «Из истории костромского дворянства» Александра Александровича Григорова (!), ведётся от Григорова, жившего в Новгороде с середины XIV века, приехавшего «из немец», а его внук Иван Захарьевич был новгородским боярином. Об этой семье есть статья в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Фамилия Григоров фигурирует и в родословном древе Г.Р. Державина (Новая новгородская газета. 26.10.2005). Из этих сведений следует, что из новгородского словаря вычеркнута славная в русской истории фамилия.

Надо сказать, что в результате переименования исчезает уже третье городское имя, отсылающее к фамилии Григоровых: Григоровский переулок в 1966 году стал Зоотехнической улицей, Григоровское кольцо (площадь) в 1970 году стало площадью Строителей, наконец, шоссе, о судьбе которого здесь идёт речь.

Как показали дальнейшие события, это переименование стало незаживающей раной новгородцев, и во всех ситуациях переименования, о которых говорится далее, обязательно раздавался возглас «Лучше верните Григоровское!».

Колмовская набережная. В сентябре 2009 года появляется новая магистраль – от Колмовского моста вдоль Волхова к улице Великой. К началу августа были собраны предложения, и Топонимическая комиссия собралась, чтобы выбрать имя и затем рекомендовать его городской Думе. Обычно предложений не бывало много, но на этот раз их набралось целых двадцать три. Основной их мотив – увековечить как конкретных персон, так и *героев- десантников, юных моряков, навигацкую школу и манеж*. Большая часть предложений исходила от журналиста А. Власова, который не только представил их в Топонимическую комиссию, но и опубликовал в газете, привлекая таким образом к процессу именованию широкий круг читателей и журналистское сообщество.

Очевидно, что все эти предложения – не что иное, как рецидивы советского ономастического сознания, в соответствии с которым увековечивать – главная функция городских топонимов. Правда, анонс статьи на первой полосе газеты содержал фразу «Хочется, чтобы название, красивое, звучное, соответствовало масштабному юбилейному объекту...», но красота и звучность, как можно предположить из дальнейшего текста, в том и заключается, чтобы в составе топонима оказалась фамилия знаменитого человека.

Топонимическая комиссия проявила иммунитет к синдрому увековечивания и остановилась на имени *Колмовская улица*, предложенном несколькими членами комиссии и подкупавшем естественностью для города, связанностью с его древней топонимией. Выбирая это имя, комиссия учитывала тот факт, что оно минимальным образом изменит ономастический ландшафт, будет понятным новгородцам и сможет служить ориентиром: *дорога от Колмова* или *в Колмово*. Имя естественно, удобно и с лингвистических позиций: его грамматическая форма – прилагательное, значит, с ним легко обращаться – *до Колмовской, на Колмовской, по Колмовской* (хорошо отработанная в русской топонимии модель, вспомним песенный текст со словами «Вдоль по Питерской...»).

Дискуссии на заседании комиссии вызвало не само название – здесь довольно быстро пришли к согласию, а термин, с которым оно должно сочетаться. Дело в том, что вдоль новой магистрали фактически нет жилых домов: по одну её сторону – Волхов, по другую – промышленные предприятия. Поэтому в качестве термина предлагались *проезд* и *набережная*. Оба были отвергнуты градостроителями с указаниями на нормативы: *набережная* не подходит, так как нет сходов к реке, *проезд* – по другим нормативным показателям. В итоге результатом обсуждений стала *улица Колмовская*. Вскоре после согласования с мэром и решения со временем сделать сходы к реке, вернулись к *набережной*, и с таким предложением выходили в городскую Думу.

Принятие решения не означало окончания дискуссий. Журналисты указывают на неудачность названия *Колмовская*, уверяя, что *Колмово* именуется район города не только в устной речи города, но и в официальных документах, перечисляя городские объекты, которые называются производными от топонима *Колмово*: микрорайон города, мост, библиотека. Кроме того, изучив карту 1912 года (фрагмент карты приводится в газете), приходят к мысли, что деревня Колмово располагалась севернее того места, где пролегла новая магистраль, и это, мол, кого-то может дезориентировать. Но главные возражения сводятся к тому, что название не увековечивает, а могло бы –

- ✓ Черепичный поселок и находящуюся в нём школу мастеров огне-стойкого строительства;
- ✓ Водскую пятину, начинающуюся от стен кремля и простиравшуюся едва ли не до Ладожского озера;
- ✓ Дмитрия Сергеевича Лихачёва;
- ✓ Петра I;
- ✓ академика Арциховского;
- ✓ генерала-инженера Рерберга;
- ✓ гидротехника Сердюкова.

Сегодня можно сказать, что страсти были несколько преувеличены. На набережной нет жилых домов, её название фигурирует главным образом в рекламе торговых заведений, которые меняются, предлагая новгородцам всё новые названия. Водители же, которые чаще всего пользуются этой городской магистралью, называют её «объездной», предпочитая вечно загруженной Петербургской.

Проспект Карла Маркса. Острая топонимическая ситуация возникла в Великом Новгороде весной 2010 года. В 2008 году городу присвоено звание «Город воинской славы». В городах, удостоенных этого

звания, возводится стела, что у нас решено было сделать на площади Карла Маркса, в которую «впадает» проспект Карла Маркса, соединяющий вокзал с центром города. Группа ветеранов выступила с инициативой переименовать его в проспект Воинской Славы. Городские власти инициативу поддержали.

Вот тут-то и начались волнения. Сначала в телепередаче «Вече», где обозначились позиции «за» и «против». 80 % позвонивших высказались против переименования. Далее волнения охватили городскую прессу: общественное мнение готовили к переименованию, а оно не очень готовилось. Кульминация пришлась на заседание городской Топонимической комиссии, которая большинством голосов приняла решение рекомендовать городской Думе – переименовать! И это вызвало новый всплеск волнений – полемика охватила прессу, радио и телевидение. При этом критическое отношение к решению комиссии выразилось открыто и довольно резко. Самым массовым «отрядом» обсуждающих стали пользователи интернета: в личном блоге губернатора высказались почти 200 человек, на форуме газеты «Новгород» – 820. Каждая газетная статья на эту тему сопровождалась десятками комментариев. С официальными обращениями выступили Новгородское общество любителей древности и местная организация КПРФ. Через 10 дней Топонимическая комиссия собралась вновь, чтобы дезавуировать своё решение и рекомендовать Думе не переименовать проспект.

Сюжет продолжился осенью. Для решения этого сложного вопроса была создана рабочая группа, куда вошли градостроители, историки, лингвисты и жители проспекта Карла Маркса – всего десять человек. Решать вопрос предполагалось пошагово: сначала решить, переименовывать всё-таки или нет, а потом уже – во что. Но принять такого решения не смогли: голоса разделились поровну. И тогда было решено включить в дискуссии новгородцев. Используя все средства информирования – от радио до интернета, рабочая группа получила данные о явном предпочтении новгородцами сохранения названия (так, только на «Форуме умных людей» в голосовании участвовали около 80 человек, из них 87 % высказались против переименования).

Несмотря на такие, казалось бы, красноречивые данные, комиссия принимает решение организовать голосование силами газеты «Новгород», которая располагает собственным интернет-форумом и может напечатать купон, который окажется в каждом доме (газета распространяется бесплатно). Голосовать предлагалось уже не по принципу «да / нет», а за конкретное имя для проспекта – одно из пяти, среди

которых оказалось «действующее» наименование и предшествующее ему *Вокзальный*, предложенное весной *пр. Воинской Славы*, кроме того, *пр. Воинов-новгородцев* и *Воскресенский*. Последний возник из воспоминаний о том, что по проспекту едут в Кремль, а его главные теперь ворота – Воскресенские – располагались некогда у Воскресенской башни и церкви Воскресения (про Воскресенскую слободу никто не вспомнил, как уже говорилось).

Голосование привлекло почти 18 тысяч человек, из них больше половины – за Маркса, больше 40 % – за Воскресенский. Предложенный весной как единственный вариант *пр. Воинской славы* не набрал и одного процента. С помощью купонов проголосовало немногим более 100 человек, большинство – за Маркса. Тем не менее 24 февраля 2011 года комиссией принимается решение наименовать «дискуссионный проспект» – *Воскресенским бульваром*.

Надо сказать, что дискуссии по этому поводу иногда вспыхивают и сейчас. Новгородцы считают, что это «несочетаемые» слова – *бульвар* и *Воскресенский*, что название не учитывает мнения новгородцев. Против первого легко возразить, приведя в пример московские бульвары – и *Рождественский*, и *Страстной*, а это имена из лексикона православия, поскольку, как указано в топонимическом словаре [Имена 2007: 443, 503], отсылают к названиям монастырей. Что же касается второго, тут не поспоришь: с мнением новгородцев не посчитались, сделали, как в советские времена. А топонимическое сознание горожан, без сомнения, изменилось. Прежде всего, у них появилась возможность высказывать своё отношение к имени улицы и его изменению. Этого не было ни в 1920-е годы, ни в 1990-е, когда прошли массовые переименования. Сегодня, когда жизнь не воспринимается как слом, тотальное переделывание жизни и ее переименование, появилась возможность относиться к топониму имени как к горооодскому имени, а не идеологическому манифесту.

Именно сейчас оказались востребованными представления о культурном значении городского топонима, об идеальном топониме, который соответствовал бы вкусам жителей современного города. Разумеется, нельзя думать, что все горожане мыслят одинаково, разноречивые мнения показывают и комментарии на форумах, и разговоры в автобусах. Но понятно, что именно в таких ситуациях появляется возможность разяснить существо городской топонимии и её языковые параметры, освободить её от идеологии, требуя того, чтобы каждое имя вписывалось в ономастикон города. Важно и то, что изменяется отношение к советско-

му периоду истории, который из настоящего стал прошлым. А став прошлым, получил права на то, чтоб его хранили, как мы храним память о других ушедших эпохах, независимо от того, насколько счастливыми они были. Кажется, что от такого неизбирательно-бережливого отношения к истории не стоит отмахиваться, оно заслуживает внимания.

Стоит сказать об изменении языковых вкусов новгородцев: пафосные имена героической семантики уже не кажутся им привлекательными. В то же время им не нравится прозаическое и, как было сказано, не оригинальное название *Вокзальная* улица. Наконец, нельзя не отметить известную практичность новгородцев, которым не хочется заниматься юридическими хлопотами, неизбежно возникающими в связи с переименованием, хотя их и убеждают, что этих хлопот будет не так много, а денежных трат – никаких.

Можно привести и такой эпизод. Весной 2016 года, как сообщила новгородская интернет-газета «Ваши новости» 23 и 24 марта, правнук маршала Мерецкова обратился в Топонимическую комиссию Великого Новгорода с просьбой переименовать улицу Мерецкова-Волосова в улицу Мерецкова, усматривая в двойном названии «фальсификацию истории Великой Отечественной войны» и даже «постмодернизм». Однако Топонимическая комиссия отказалась поддержать такое предложение, сославшись на принятый десять лет назад мораторий на переименования. Высказывались мнения и о том, что такой прецедент поставит вопрос о переименовании всех двойных названий улиц и вообще переименований, которыми недовольны новгородцы.

2.5.5 Годонимы в ономастическом портрете

Как же выглядят современные имена улиц в ономастическом портрете Великого Новгорода после всех переименований и дискуссий?

Прежде всего следует отметить, что в Великом Новгороде нет главной улицы. Так как он состоит из трех районов, в каждом из них – своя главная улица: на Софийской стороне – это *Большая Санкт-Петербургская*, на Торговой – *Большая Московская*, в Западном районе – *проспект Мира*. Первые две улицы пережили переименования и возвращения прежних имён.

Легко догадаться, что *Петербургская* в годы Первой мировой войны вслед за переименованием Петербурга в Петроград стала *Петроградской*, а в 1924–1991 годах – *Ленинградской*, после чего – вновь *Большой Санкт-Петербургской*. Почему она *Большая*, непонятно, ведь *Малой Пе-*

тербургской нет и никогда не было; можно предположить, что этот эпитет подчёркивает её центральность [Запольская, Моисеев 2010: 121].

Улица *Большая Московская* с 1964 года до 1991-го была *проспектом Ленина* [Там же: 91], что говорит о центральности, потому что имя Ленина в советских городах носили центральные улицы; эпитет *Большая* в этом случае оправдан: от неё отходит *Московская улица*, по которой можно выехать «на Москву», да ещё была *Малая Московская*, которая «поглощена застройкой многоквартирных домов» [Там же: 92–93]. Все-таки противопоставление *Большой Московской* и просто *Московской* оказывается не очень удобным, не симметричным, поэтому «просто Московскую» часто называют *Малой* – для ощутимого противопоставления.

Большие Петербургская и *Московская* идут практически параллельно по разным берегам Волхова и подтверждают расположение Великого Новгорода между двух столиц топографически и ономастически: *Петербургская* переходит в дорогу на Петербург, а с *Большой Московской* через *Московскую*, *Державина* или *Федоровский ручей* выезжают на Москву.

Что касается *проспекта Мира*, то его ономастическая биография проста: как получил своё название в 1966 году совсем новеньким, так его и носит [Там же: 87], выражая советскую идеологему борьбы за мир, отсылая к лозунгам «Миру мир», «Мы за мир».

В каждом из районов практически все улицы как-то связаны с центральной. На Софийской стороне вокруг Кремля все названия улиц – средневековые, возвращенные в 1991 году, что оставляет у приехавших в город экзотическое впечатление. В самом деле, где ещё можно увидеть на табличках с названиями улиц такие слова: *Людогоща*, *Розважа*, *Чудинцева*... и внезапно – *Газон*? Только в Великом Новгороде. Годонимы подчеркивают древность города. А Газон, который в 1919–1991 годы был частью улицы Горького, называется так оттого, что пленные французы превратили оборонительные сооружения вокруг Кремля в парк и газон.

За валом Окольного города по *Большой Петербургской* начинают советские улицы – *Набережная реки Гзень*, *Кооперативная*, *Германа*, *Чудовская*, *Черепичная*, *Щусева*, *Вересова*... И топографически, и ономастически самая удивительная – это улица, в название которой входит термин *набережная*, хотя это скорее русло реки Гзень, которую в послевоенной перепланировке города «взяли в трубу», а в 1978 году здесь разбит сквер [Там же: 94], о котором шла речь в разделе о скверах.

Важно отметить и улицу *Щусева* – меморативную, но не героическую: этот годоним увековечивает память об архитекторе А.В. Щусеве, «авторе послевоенного генерального плана развития Новгорода, а также Мавзолея Ленина, Казанского вокзала в Москве и др.» [Зайцев, Кушнир 1980: 132].

Представляет интерес и улица *Чудовская*, её название появилось на карте города в ряду других производных от названий районов Новгородской области – *Шимская*, *Пестовская*, *Боровичская*, *Солецкая*, *Батецкая*. Таким образом была увековечена роль районов в восстановлении послевоенного Новгорода. Правда, *Солецкая* переименована в *Каберова-Власьевскую*, *Боровичская* – в *Нутную*, но три остаются. Ввиду очевидной географичности их меморативность не ощущается.

На Торговой стороне тоже средневековые названия улиц (*Щитная*, *Маницына*, *Конюхова* в связке с *Черемнова*) сочетаются с «героическими» – *Панкратова*, *Красилова*.

А в северной части «культурные меморативы» – ул. *Рахманинова* и *Державина*. Эти улицы появились в 1970-е годы, и в них уже ощущается тенденция регионализации меморативных практик – увековечивать стали тех, кто связан с городом, с его культурой. Г. Р. Державин последние годы своей жизни провёл в имении Званка, что на берегу Волхова в сторону Чудова. А С. Рахманинов родился в имении Онег неподалёку от Новгорода и бывал в городе в гостях у своей бабушки, которая для этого купила Борисовскую мызу (известную теперь как *Сметанинскую*). Получается, что с городом оба деятеля русской культуры связаны не прямо, но город как областная столица нашёл возможным увековечить в своём ономастиконе этих великих людей. Стоит отметить, что поддержание памяти о том и другом продолжилось: в 2009 году открыт памятник Рахманинову, правда не на улице его имени, а у Кремля; в культурном центре «Диалог» работает Центр музыкальной культуры имени С.В. Рахманинова, который организует Международный конкурс юных пианистов имени С. В. Рахманинова (в 2020 году он состоялся уже в двенадцатый раз). На улице Державина открылась новая современная школа, которая стала носить имя Г. Р. Державина, а недавно во дворе школы появился бюст поэта. Ежегодно в городе проходят Державинские чтения. Все это говорит о том, что имена улиц оказываются не единственным способом увековечения памяти о поэте и композиторе и воспринимаются в контексте разных меморативных событий.

Западный район, который начинался за железной дорогой, состоит из улиц вдоль ее полотна, их можно назвать продольными – *Менде-*

леева, Ломоносова, Мира, Кочетова, Коровникова; они перескаются перпендикулярными к ним – Попова, Зелинского, Свободы, Химиков и Космонавтов. В традициях советской топонимии все имена – в форме родительного падежа. Но по семантике находим демонстративы – Мира и Свободы; меморативы – прежде всего учёных, ведь этот район создавался во время строительства «гиганта большой химии» – Менделеева, Ломоносова, Зелинского и Попова; но выдержать научную тему не удалось: последние из продольных улиц получили имена писателя-новгородца Кочетова (теперь тут и сквер его имени) и героя войны Коровникова (о нём шла речь в разделе о «героических» улицах). Показательны две улицы, характерные для советской топонимии: это формы субстантива родительного падежа множественного числа, а семантически их можно квалифицировать как онимы коллективного посвящения – Химиков и Космонавтов (в других районах города самое известное из таких названий – площадь Строителей).

Таким образом, в целом топонимия молодого района Великого Новгорода отличается немногочисленностью и простотой, что вполне объяснимо: ведь у этого района нет вековой истории и многократных переименований.

Так можно представить имена улиц в современном ономастиконе, если не стремиться назвать все до одной (это сделано в справочнике), а показать специфику каждого района, соотношение в них средневекового и советского. Надо сказать, что постсоветская топонимия в Великом Новгороде себя не обнаружила: все наименования новых улиц идут в советских традициях – меморативность, родительный падеж с редкими исключениями, как, например, улица Завокзальная, получившая название в 2006 году. Кстати, это непритязательное ориентирующее имя постоянно вызывает критику: не красивое, не героическое, вообще никого не увековечивающее. Таковы онимические привычки горожан и их вкусы, хотя надо сказать, они не единообразны.

Интересный, хотя, может быть, и малозаметный штрих в ономастическом портрете Великого Новгорода – неофициальные, сленговые топонимы: *Менделюха* (ул. Менделеева), *Ломоносиха* (ул. Ломоносова), *Кочетуха* (ул. Кочетова и Кочетовский рынок); *Рахмашка* (ул. Рахманинова), *Державка* (ул. Державина), *Десятинка* (ул. Десятинная и Десятинный монастырь, в котором расположены выставочные залы), *Щуська* (ул. Щусева). Эти топонимы бытуют в речи молодёжи, склонной к карнавализованному общению, ценящей выдумку и острословие. Такие имена – не только отражение потребности молодёжи в собственном

языке, но определённая реакция на непонимчивость официальных наименований – форму родительного падежа некодифицированная речь стремится заменить формой именительного, которую можно склонять. Наличие таких сленговых топонимов нельзя назвать особенностью новгородской молодёжи, это общее свойство молодёжной речи, о чём шла речь в Главе 1.

2.5.6 Имена мостов

Для Великого Новгорода, который всегда состоял из двух сторон на разных берегах Волхова, мост был важным элементом городского пространства. **Великий мост** – так он именовался исторически – упоминался в летописи чаще, чем Кремль и София, уверяют историки [Воробьев 2017]. Это объясняется тем, что мост был не только переправой, но и своеобразным центром городской жизни: здесь случались побоища, а иногда и казни [Новгородские 122]. Сегодня место, где с X века стоял мост, изучается подводными археологами, которые уже многое узнали об инженерной стороне моста, свои находки они предполагают предъявить новгородцам в музее моста [Феномен 2019].

Деревянный Великий мост в XIX веке сменился металлическим на гранитных опорах, построенным по проекту известного инженера К. Рейхеля. Созданный в 1825–1830 годах, этот мост простоял до Великой Отечественной войны, когда он был взорван [Новгородские 2020].

После войны был возведён деревянный мост, который служил городу 10 лет, а в 1954 году был построен каменный автомобильный мост ниже по течению Волхова, чтобы отвести движение от Кремля. Именно для этого пришлось засыпать Федоровский ручей [Новгородские 2020]. Пока он был единственной переправой между сторонами города, его называли «наследником Великого», об именовании онимом не было и речи. А когда появился второй мост ещё ниже по течению Волхова, то первый понадобилось как-то обозначить, и в 1984 году мосту присвоили имя **Александра Невского** [Огородничук 2019]. Название моста естественно соотносилось с именем набережной Александра Невского, которое ей было дано в 1970 году «в ознаменование 750-летия дня рождения князя», тогда же на одном из домов на набережной установлена «мемориальная доска Александру Невскому» [Запольская, Моисеев 2010: 93–94]. Таким образом, мост стал ещё одним знаком памяти о князе.

Второй же автомобильный мост, потребовавший именованья первого, был построен в 1978 году и получил название **Колмовский**, пополнив круг производных от новгородского хоронима *Колмово*.

В 2015 году возникает ситуация названия «третьего моста», обсуждается, что его названием можно увековечить: воссоединение с Крымом, 70-летие Победы, какого-нибудь знаменитого новгородца. К счастью, построенному в 2016 году мосту дано ориентирующее название **Деревяницкий**, его название – производное от хоронима *Деревяницы*. Но надо сказать, что водители продолжают называть его «третьим», отмечая, что транспортных проблем города он не решил, как предполагалось.

А на месте древнего Великого моста в 1987 году воздвигнут изогнутый пешеходный мост, который новгородцы называют **Горбатый** [Новгородские 2020]. Кстати, на Топонимической комиссии возникал вопрос о том, чтобы назвать его «как-то красиво», но ввиду неактуальности такого обозначения (его не надо указывать по адресу), решение не было принято. Не очень эстетичное народное название оказывается вполне достаточным. Кстати, «горбатость» моста объясняется тем, что не удалось сделать его разводным, какими были его предшественники, что было вызвано активным судоходством по Волхову.

Кроме мостов над Волховом, следует назвать и такие сооружения, которые выступают как продолжение или начало улиц – линейные фрагменты городского пространства, своеобразные «мосты без рек», упрощающие движение в городе, именуемые путепроводами.

В Великом Новгороде три путепровода – Григоровский, Сырковский и Лужский, их названия образованы от названий шоссе – **Григоровского** (переименованного в проспект Корсунова), **Сырковского** и **Лужского**, идущего в город Лугу. Если судить по этим именам, названия путепроводов вторичны по отношению к названиям шоссе, так как они выступают их вспомогательными элементами.

Итак, по мере расширения территории Великого Новгорода на север, что отражает умножение хоронимов, увеличивалось и число мостов, названия которых включаются в новгородский ономастикон, обогащая круг производных, главным образом от хоронимов. А совершенствование автомобильного движения требует создания путепроводов, названия которых регулярно производятся от наименований шоссе, к которым они выводят.

2.5.7 Имена дорог

Последними среди линейных фрагментов городского пространства следует назвать имена дорог, или дромонимы [Подольская 1988: 57]. Они входят в городской ономастикон, показывая город в открытости внешнему пространству. Как же в этом плане выглядит Великий Новгород?

Как уже было сказано при описании хромонимов, Великий Новгород открыт в российское пространство на три стороны – в сторону Москвы, Петербурга и Пскова. Надо сказать, что все три выезда из города – по «одноимённым улицам»: в Москву выезжают по Московской улице, в Петербург – по Большой Санкт-Петербургской, а в Псков – по Псковской. Улица, переходящая в шоссе того же названия, – общая формула этих путей. Если официально дороги обозначаются М-10 (Петербург–Москва), Р-56 (Новгород–Псков), или Псковское шоссе, то в устной речи новгородцев можно услышать выражения «по дороге на Москву», «по дороге на Питер», «по дороге на Псков». К внешним направлениям надо отнести и Лужское шоссе – к городу Луге.

В пригородное пространство от города выводят дороги с названиями, указывающими направление – Юрьевское шоссе, ведущее к Юрьеву монастырю [Запольская, Моисеев 2010: 149]; Сырковское шоссе – к посёлку Сырково [Там же: 133], улица Хутынская, которая являлась дорогой в Хутынский монастырь [Там же: 141], а теперь переходит в такую дорогу за пределами города; и Вяжищский проезд в направлении Вяжищского монастыря. Об этих дорогах шла речь в разделе об именах монастырей (2.3.3), их названия мотивированы именами монастырей или деревень, при которых они построены. Кроме того, в пригородное пространство выходит Нехинское шоссе, в которое переходит улица Нехинская, чьё имя мотивировано названием деревни Нехино, к которой от Новгорода вела старая дорога через Ермолино [Там же: 95].

Таким образом, Великий Новгород открывается в пространство страны четырьмя шоссе, и пятью дорогами – во внутреннее, пригород-

ное пространство. Их имена, как мы видим, мотивированы урбонимами и ойконимами; прилагательные включают корень названия того населённого пункта или монастыря, куда ведёт дорога.

К этому нельзя не прибавить, что Великий Новгород связан с другими городами и железной дорогой, но по существу это связь только с Чудовом, от которого можно двигаться в Москву или Петербург. В этом смысле город оказывается тупиковым, что разительно отличается от его роли узловой транзитной станции в «дожелезнодорожные» времена. Строительство Николаевской железной дороги в 1843–1845 годах стало ударом для губернского города: она соединяла две столицы по прямой, миновавшей Новгород. Это решение, как известно, принадлежало Николаю I. «Сэкономив на расстоянии, августейший проектировщик вывел из грузооборота губернский Новгород» [Смирнов 2007: 259]. Теперь уже «путешествие из Петербурга в Москву» проходило без посещения Новгорода, так как «утомительному недельному путешествию на лошадях публика предпочитала сравнительно быструю и комфортабельную поездку на поезде» [Там же].

Важно отметить, что на железной дороге город именовался *Новгород-на-Волхове*. Долгие годы это не мешало новгородцам, но губернатор Андрей Никитин в 2018 году обратился к руководству РЖД с предложением изменить имя железнодорожной станции так, чтобы она совпадала с именем города. И в мае 2019 года такое решение было принято [Абдулхалигов 2019]. Теперь и на железнодорожных билетах значится «Великий Новгород». Нельзя сказать, что новгородцы встретили это известие с радостью, в комментариях к новости преобладают недоуменные реплики «А зачем?» или грустные «А с переименованием станции ушла эпоха».

Интересно, что современная железная дорога расширяет свой ономастикон. Кроме названия станций, она достаивала имён собственных фирменные поезда. Такое имя есть и у поезда Новгород–Москва – «Ильмень». Но поскольку он единственный, то его имя практически не используется, все говорят «московский поезд», «приехал московским поездом». Когда стали ходить скоростные электрички, то их «птичьи» имена легко вошли в речь новгородцев: «поехал на «Ласточке», «в Москву «Сапсаном» добирался». Так ономастика железной дороги заняла своё место в городском ономастиконе, составив штрих в ономастическом портрете города.

Выводы

Итак, имена городского пространства в Великом Новгороде как фрагмент городского ономастикона составляют массив из более чем 300 имён. Одни оказываются связанными с топонимией, другие представляют собой исторические онимы, третьи относятся к искусственной номинации советской поры. Объединение их всех в ономастическом портрете позволяет сделать два замечания.

Рассматривая урбоним *Великий Новгород* как имя определённой территории, следует отметить, что административные и ономастические границы города в восприятии горожан не совпадают, так, Юрьев, Хутынский, Вяжицкий монастыри мыслятся новгородцами как часть города, где они часто бывают и показывают обители своим гостям. То есть город в восприятии горожан несколько больше, чем в своих административных границах. Ономастический портрет ориентирован на такое «народное» представление о том, что относится к городу.

Как показывает уже представленная часть портрета, ономастические биографии элементов городского пространства, иногда весьма сложные, создают особую перспективу ономастического портрета, позволяют увидеть его второй и третий планы, не только ономастическое сегодня, но и далёкое вчера, вплоть до раннего средневековья.

Литература

Bratkowski S. Pan Nowogród Wielki. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1999. 352 s.

Абдулхалигов М. Железнодорожную станцию Новгород-на-Волхове переименовали // Ваши новости. 29.05.2019. URL: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/76300-zheleznodorozhnyuyu-stantsiyu-novgorod-na-volkhove-pereimenovali.html>.

Азбелев С.Н. Устная история Великого Новгорода. Очерки IX–XVII столетий / Отв. ред. В.Л. Янин. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2006. 307 с.

Брутман С. Ты один // Новая новгородская газета. 3.02.2010.

Варенцов В.А. Пятиконецкие старосты Новгорода // Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор – История, 2007. С. 404.

Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования): монография. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2005. 467 с.

Воробьев Д. Тайны Великого моста // Новгород. 13.04.2017.

Гордиенко Э.А. Улицы Великого Новгорода в пределах Окольного города // Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 459–465.

Гормин В.В. Антоново. Л.: Лениздат, 1981. 56 с. Серия «Туристу о Новгороде»

Гормин В.В. Снова о площади // Новгород. 5.08.2004.

Григорьев В.М. Заросли 1110-летия // Портал 53: Новгородский интернет-журнал. 5.04.2018. URL: <https://portal-vn.ru/pisma/zarosli-imeni-1100-letiya>.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 699 с. Воспроизв. издание 1880–1882 гг.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 684 с. Воспроизв. издание 1880–1882 гг.

Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода; вступ. статья Л.А. Секретарь, А.А. Селин. Великий Новгород, 2009. 171 с.

Зайцев И.А., Кушнир И.И. Улицы Новгорода: справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1980. 184 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 720 с.

Запольская О.В., Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода. Великий Новгород, 2010. 192 с.

Имена московских улиц: Топонимический словарь. М.: ОГИ, 2007. 608 с.

Кобяков А. На карте Великого Новгорода появятся скверы «Минутка» и «Любовь и голуби» // Ваши новости. 20.05.2016. URL: <http://vnnews.ru/gizn-goroda/48651-na-karte-velikogo-novgoroda-poyavyatsya-skveryi-minutka-i-lyubov-i-golubi.html>.

Кохановский В. А. Русская лексика скандинавского происхождения (Опыт историко-этимологического словаря). Великий Новгород, 2010. 98 с.

Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Окольный город // Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 367–368.

Лаврова О. Веряжский сквер внезапно стал парком, потому что депутаты верят в будущие деревья // 53новости. 28.02.2019. URL: <https://53news.ru/novosti/46295-veryazhskij-skver-vnezapno-stal-parkom-potomu-chto-deputaty-veryat-v-budushchie-derevyia.html>.

Лаврова О. Заботливые новгородцы утеплили японского поэта // 53новости. 21.10.2018. URL: <https://53news.ru/novosti/43503-novgorodtsy-uteplili-yaponskogo-poeta.html>.

Лаврова О. Памятник писателю Дмитрию Балашову установили между тремя новгородскими храмами // 53новости. 10.06.2017. URL: <https://53news.ru/novosti/29926-1006172.html>.

Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Софийская сторона. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Адаптированное и иллюстрированное издание на основе книги Новгородского общества любителей древности 1910 года. СПб.: Алаборг, 2007. 160 с. 150 илл.

Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Торговая сторона. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Адаптированное и иллюстрированное издание на основе книги Новгородского общества любителей древности 1910 года. СПб.: Алаборг, 2008. 128 с. 125 илл.

Лихачев Д.С. Древний Новгород как столица – предшественник Петербурга // Новгород в культуре древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. Новгород, 16–19 мая 1995 г. / Сост. В.А. Кошелев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1995. С. 4–5.

Моисеев С.В., Проданова Е.О. «Воскресить древнее наименование ... которое присвоить навсегда» // Новгородский архивный вестник. Вып. 1. Великий Новгород, 1999. С. 71–80.

Новгородские исторические записки от Виктора Смирнова. Записка сто двадцать вторая: «Путешествие по Волхову. Великий мост» // Ваши новости. 3.02.2020. URL: <https://vnnews.ru/culture/82067-novgorodskie-istoricheskie-zapiski-ot-viktora-smirnova-zapiska-sto-dvadsat-tretya-puteshestvie-po-volkhovu-velikij-most.html>.

Новгородские исторические записки от Виктора Смирнова. Записка сто двадцать четвертая: «Путешествие по Волхову. Сметанинская и Архирейская мызы» // Ваши новости: 6.02.2020а. URL: <https://vnnews.ru/culture/82189-novgorodskie-istoricheskie-zapiski-ot-viktora-smirnova-zapiska-sto-dvadsat-chetvortaya-puteshestvie-po-volkhovu-smetaninskaya-i-arkhierjskaya-myzy.html>.

Огородничук А. 65 лет исполнилось мосту Александра Невского // ВНовгороде.ру. 16.11.2019. URL: <https://vnovgorode.ru/obshchestvo/25809-65-let-ispolnilos-mostu-aleksandra-nevskogo.html>.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. 190 с.

Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц. М.: АСТ, Астрель, 2008. 523 с.

Привалов К. В Великом Новгороде открыли памятник Александру Панкратову, закрывшему собой амбразуру // Ваши новости. 28.10.2015. URL: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/45813-v-velikom-novgorode-otkryli-pamyatnik-aleksandru-pankratovu-zakryvshemu-soboj-ambrazuru.html>.

Привалов К. В Великом Новгороде простились с памятником Кочетову // Ваши новости. 8.02.2012. URL: <https://vnnews.ru/culture/24924-v-velikom-novgorode-prostilis-s-pamyatnikom-kochetovu.html>.

Привалов К. Новгородцы подышат воздухом в парке, посвященном 45-летию химкомбината // Ваши новости. 2.04.2012а. URL: <https://vnnews.ru/gizn>

goroda/25778-novgorodci-podishat-vozduhom-v-parke-posvyashennom-45-letiyu-ximkombinata.html.

Привалов К. Сохранит ли Великий Новгород свое величие? Судьба городского // ВНовгороде.ру. 5.12.2018. URL: <https://vnovgorode.ru/avtorskie-materialy/20381-sokhranit-li-velikij-novgorod-svojo-velichie.html>.

Разумов Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2015. №2. С. 14–19.

Рерих Н.К. По пути из варяг в греки // Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – нач. XX в. / Сост. Коваленко Г.М., Коварская С.А. Морылева Н.И., Откидач Е.В., Прокофьев Ю.А., Шмелева Т.В. Великий Новгород, 2008. С. 374–378.

Рыбина Е.А. Археология Новгорода Торг // Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 77–81.

Сабельский А. Районы-кварталы: Загородский конец // 53новости. 17.05.2015а. URL: <https://53news.ru/identichnost/19233-rajony-kvartaly-zagorodskij-konets.html> (проект «Идентичность»).

Сабельский А. Районы-кварталы: Кречевицы // 53новости. 20.09.2015б. URL: <https://53news.ru/identichnost/20940-rajony-kvartaly-krehevitsy.html> (проект «Идентичность»).

Сабельский А. Районы-кварталы: Старый Западный // 53новости. 9.04.2015. URL: <https://53news.ru/sobytiya/18907-rajony-kvartaly-staryj-zapadnyj-rajon.html> (проект «Идентичность»).

Секретарь Л.А. Дома, события, люди. (Новгород. XVIII – начало XX вв.). Великий Новгород: Кириллица; СПб.: Типография № 1 ВО «Наука», 1999. 252 с.

Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и его окрестностей. М.: Северный паломник, 2011. 656 с.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М.: Изд-во Сабашниковых, 1994. 188 с.

Смирнов В.Г. История Великого Новгорода. М.: Вече, 2007. 480 с.

Смирнова А. Подвиг Александра Панкратова // Новгород. 26.02.2015.

Сорокин А.Н. Торг // Великий Новгород: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 455–456.

Строгова В.П. Названия улиц древнего Новгорода (По материалам летописей) // Новгород в культуре древней Руси: Материалы Чтений по древнерусской литературе. Новгород, 16–19 мая 1995 г. / Сост. В.А. Кошелев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1995. С. 84–88.

Строгова В.П., Секретарь Л.А. Древние топонимы Великого Новгорода и его окрестностей. Великий Новгород, 2012. 92 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

Томмингас Т. Место в Великом Новгороде назовут не «сквер имени писателя Балашова», а «Балашовский сквер» // 53новости. 26.12.2017. URL: <https://53news.ru/novosti/35869-mesto-v-velikom-novgorode-nazovut-ne-skver-imeni-pisatelya-balashova-a-balashovskij-skver.html>.

Трифонов А.Н. Площадь Победы // Новгородский архивный вестник. Вып. 7. Великий Новгород, 2008. С. 244–266.

Трояновский С.В. Великий Новгород: седмицы истории (IX–XV вв.). Великий Новгород: Печатный двор, 2015. 352 с.

Феномен новгородского Великого моста // Портал 53: Новгородский интернет-журнал. 19.03.2019. URL: <https://portal-vn.ru/podrobnosti/fenomen-novgorodskogo-velikogo-mosta>.

Филиппова Л.А. Ярославово дворище // Архитектурное наследие Велико-го Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. С. 191–192 с.

Хохлов И., Волхонский В. Улица, которая течет // Новгородские ведомости. 12.11.2018. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/city-history/49995/>.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1993. 560 с.

Шмелева Т.В. Новгородский ономастикон // Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: Межвузовский сборник научных трудов. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород, 2001. С. 187–193.

Шмелева Т.В. Грамматика новгородских улиц в историческом освещении // Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: Материалы Международной научно-практической конференции 14–15 мая 2012 года / Филиал РГГУ в г. Великий Новгород. Великий Новгород, 2012. С. 137–143.

Шмелева Т.В. История государства российского в зеркале названий новгородских площадей // Чело. № 2. 2012. С. 20–25.

Шмелева Т.В. История государства Российского в названиях Великого Новгорода и его площадей // 1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории: Москва, 18 декабря 2012 г. [ответственные редакторы А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков; составитель В.Б. Перхавко]; Отделение историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2012а. С. 321–333.

Шмелева Т.В. Словарь имен новгородских улиц: в поисках источников и принципов // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции (26–28 апреля 2012 г., Псков): в 2-х частях. Часть II / Отв. ред. Н.В. Большакова. Редакции-

онная коллегия: В.К. Андреев, Н.Л. Вершинина, Л.Я. Костючук, И.В. Мотеножайте, Т.Г. Никитина, Н.И. Яковлева. Псков: Издательство ПсковГУ, 2012б. С. 135–141.

Шмелева Т.В. Титул города стал именем для власти. От «государя» – к «государству» // Новая новгородская газета. 19 сент. 2012в. (№ 38). С. 1–2.

Шмелева Т.В. Имена городского пространства Великого Новгорода в зеркале трех описаний // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 83. Ч. 1. С. 106–110. URL: <https://www.novsu.ru/vestnik/vestnik/i.78099/?article=1139051>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22823793>

Шмелева Т.В. Новгородская словесность: учебное пособие; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. 183 с.

Шмелева Т.В. Годонимическая лексикография: административная, историческая и ономастическая информация // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расш. засед. (Всерос. с междунар. участием) науч. семинара проблем. группы «Русский глагол», посвящ. 45-летию каф. фундамент. и прикл. лингвистики и текстологии, 29–30 октября 2019 г., г. Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. С. 201–209.

Шмелева Т.В. Названия монастырей в новгородском ономастиконе // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 186–200. URL: <http://onomastics.ru/content/2020-t-17-№2-7>

Янин В.Л. Концы // Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор – История, 2007. С. 249.

Янин В.Л. Новгород // Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007а. С. 352–354.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.

ГЛАВА 3. ОНОМАСТИКОН ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: ИМЕНА ЗДАНИЙ И ЗАВЕДЕНИЙ

Вторую часть ономастического портрета города составляют имена того, что вмещает в себя городское пространство, которое портретировано в Главе 2. Онимы этой части портрета делятся на две группы: одна – это имена сооружений, зданий, имеющих онимическое обозначение, терминологически выражаясь, ойкодомонимия; а вторую – эргонимия, то есть имена разнообразных объединений горожан, связанных общей деятельностью, характер которой создаёт типологию эргонимов. Важно, что те и другие городские онимы хорошо известны новгородцам, входят в ономастикон города.

Среди городских сооружений, обладающих именами собственными, очевидно различаются церковные здания и светские, при этом по отношению к первым принято использовать термин *экклезионим*, а ко вторым – *ойкодомоним* [Подольская 1988: 149, 88]. При портретировании этого фрагмента городского ономастикона сначала представим светские здания, а затем церковные, иначе говоря, сначала ойкодомонию, а затем экклезионию.

3.1 Ойкодомонимия

В новгородской ойкодомонимии явно противопоставлены исторические и современные имена, что позволяет говорить о них особо.

Исторической ойкодомонимией насыщено прежде всего пространство Кремля, где расположены уникальные сооружения, значит, портретирование этого фрагмента ономастикона следует начать с кремлёвской ойкодомонимии.

Самое первое здание, если войти в Кремль со стороны Софийской площади, – **Филармония**, или официально – Новгородская областная филармония имени А.С. Аренского. Легко предположить, что это не единственное название здания. И действительно, старожилы помнят, как здесь был театр, а осведомлённые люди сообщат, что это Митрополичьи покои, или Епархиальный дом, связанный с именем последнего дореволюционного Митрополита Новгородского и Петербургского Арсения (Стадницкого). Филармония расположилась в этом здании только в 1987 году [Секретарь 1999: 24–33]. В 2011 году она получила имя

композитора А.С. Аренского, жизнь которого была связана с Новгородской землёй.

Кстати, слово *филармония*, состоящее из греческих корней ‘любить’ и ‘гармония’, пришло к нам из европейских языков, видимо, из французского, который получил его из итальянского. Хотя филармонические общества появились в больших городах в начале XIX века, филармонии как государственные учреждения возникли у нас настолько после войны в областных центрах.

Направо от Филармонии – **Присутственные места**, так именуется здание, как бы разрезающее территорию Кремля на южную сторону и остальное пространство. Оно построено в конце XVIII века, не раз перестраивалось, было разрушено во время войны, современный вид приобрело в 1970-е годы. Сейчас в этом огромном здании размещаются музей и областная библиотека, в каждую из институций ведут гранитные крыльца [Секретарь 2014: 122]. На музейном крыльце стоят львы из усадьбы Аракчеева Грузино, которая была построена как миниатюрная копия Петербурга, и львы, похожие на петербургских, стояли на одних из ворот. Таким образом, здание напоминает о XVIII веке, Петербурге и Аракчееве. У львов любят фотографироваться новгородцы и гости города.

Понимание ойкодомонима не обязательно, его надо просто знать. Но чтобы осмысленно его употреблять, достаточно посмотреть словарь: «присутственное место – совещательное управление, коему дано

зерцало» [Даль 1990: 440]; а «зерцало – трехгранное стояло с орлом и с тремя указами Петра I, на столе всякого присутственного места» [Даль 1989: 681]. Если перевести на современный русский язык, то получится, что это органы губернской власти, канцелярия, что-то вроде офисного центра, но при этом, конечно, пропадёт привкус эпохи. Можно поинтересоваться: а какие же офисы находились в Присутственных местах? В книге [Секретарь 1999: 36] можем найти: «В начале XIX века в этом корпусе размещались уездное казначейство, уголовный и гражданский суды, казенная палата, приказ общественного призрения, губернская чертежная».

Остаётся добавить, что Присутственные места были в каждом губернском и уездном городе, и в некоторых городах они сохранились. Кроме того, с этим названием мы встречаемся, когда читаем русскую классическую литературу, например, «Мёртвые души» Гоголя.

За Филармонией у кремлёвской стены стоит **Лихудов корпус**, обращая на себя внимание высоким деревянным крыльцом. Это здание, по мнению историков, построено ещё в XV веке [Ядрышников 2014a]. Название же корпуса отсылает к началу XVIII века, когда здесь были открыты «эллино-словенские школы» братьев Лихудов.

Греки Софроний и Иоанникий Лихуды, получившие образование в Падуанском университете, прибыли в столицу России в 1685 году и основали Славяно-греко-латинскую академию, которая хорошо известна уже потому, что в ней учился Ломоносов. Братья были не только высокообразованными людьми (их называли «словеснейшие учителя»), но и активно участвовали в тогдашней полемике, а в ито-

ге оказались в ссылке – в Костроме. Новгородский митрополит Иов знал Лихудов и сумел добиться, чтобы их перевели в Новгород, после чего в 1706 года начинает работать первое в Новгороде учебное заведение, где изучают церковнославянский и греческий языки, грамматику, риторику.

Иначе говоря, это здание – место, откуда ведёт начало гуманитарное образование в Новгороде. После открытия духовной семинарии в Антониевом монастыре (1740 год) в Лихудовом корпусе располагается духовное училище, которое существует здесь до постройки для него нового здания в 1870-х годах по другую сторону Софийского собора. В Лихудовом корпусе были больница, архив и библиотека училища, затем школа псаломщиков. При советской власти в корпусе располагались экскурсионное бюро и гостиница для туристов, после войны – реставрационная мастерская [Секретарь 1999: 36]. Позднее в корпусе была выставка «Крестецкая строчка». В 2006 году по случаю 300-летия со дня открытия школы Лихудов на нём разместили мемориальную доску. Сейчас готовится экспозиция древней письменности, в том числе эпиграфики на разнообразных предметах, которые стали находками археологов.

Рядом с Лихудовым корпусом – самое высокое здание Кремля, башня, называемая **Часозвонья**. Она служила «сторожней» и колокольной, а главное, на ней были установлены «часозвоны», которые и сегодня каждые полчаса издают звон. Название башни понятное, но уникальное, во всяком случае, башни с курантами Московского Кремля так не называют.

Известна традиция именовать эту башню **Евфимиевской**. Так она фигурирует даже в словаре: «Постави владыка Евфимий часозвоню» [Даль 1991: 584]; так она представлена в путеводителе начала прошлого века: «Построена она в 1436 году новгородским св. Евфимием, который, по словам летописца, на башне той в саду „часы звенящие устроил“» [Ласковский 2007: 50]. Так писали о ней и в середине прошлого века: «К Лихудовскому корпусу с востока примыкает башня известная под именем „Евфимиевская часозвонья“. Нижняя часть часозвони действительно была построена Евфимием в 1443 году в качестве дозорной башни». Однако современные исследователи уверяют, что «Евфимиевский столп» стоял в другом месте, а Часозвоня сооружена в 1673 году вместо него [Ядрышников 2014б]. Вместо него она, видимо, стала носить и имя, связанное с Евфимием, который многое сделал для строительства в Новгороде церквей и гражданских зданий [Хорошев 2007].

Владычная палата – это архиепископский дворец, единственная в Великом Новгороде готическая постройка, поставленная владыкой Евфимием II в XV веке, над ней трудились новгородские мастера с «немечкими из Заморья», как сообщает летопись. Здесь были жилье владыки, ризница и трапезная, а также парадный церемониальный зал. Палата была одной из построек Владычного двора [Антипов, Яковлев, Ядрышников 2014]. Слово *владыка* здесь используется в значении ‘глава новгородских церквей и монастырей’.

Второе название палаты – **Грановитая**, появилось в публикациях в первой половине XIX века из-за особенностей декоративного оформления сводов готическими нервюрами – «гранями». Кстати, название Грановитой палаты в Московском Кремле объясняется иначе, это па-

лата, «одетая граненым камнем» [Даль 1989: 391], или, как выражаются современные путеводители, у палаты рифлёный фасад. Московская Грановитая палата, кстати, моложе новгородской примерно на 150 лет. Сейчас Владычная палата – это музейное здание, в нём экспонируются образцы ювелирного искусства, в том числе из золота и серебра.

Конечно, это не вся кремлёвская ойкодомонимия, но те онимы, которые известны большинству новгородцев, и потому можно считать, что они входят в городской ономастикон.

На Софийской площади самое заметное здание, на фронте которого крупно написано «МУЗЕЙ», а ниже на вывеске – «Музей изобразительных искусств», исторически известно как **Дворянское собрание**. Построенное в середине XIX века, оно стало центром светской и культурной жизни Новгорода [Секретарь 1999: 64–76]. Такое сооружение было в каждом губернском городе, они стали появляться после предоставления Екатериной II вольности дворянской. Особенность новгородского дома

Дворянского собрания в том, что он разделил на две неравных части Софийскую площадь, и её часть, оставшаяся за домом, стала отдельной площадью, которую называли Сенной.

После революции в бывшем Дворянском собрании работал исполком совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с 1921 года это был Дворец труда, а затем Клуб профсоюзов [Хохлов, Волхонский 2019]. Во время войны здание было сильно разрушено, и при его восстановлении изменили его облик: убрали украшения фасада, достроили третий этаж, соорудили колонный портик. В этом здании разместилась советско-партийная школа, а затем филиал Ленинградского электротехнического института, из которого вырос Политехнический институт университета. В 2001 году после реконструкции в здании разместился Музей изобразительных искусств [Хохлов, Волхонский 2016].

Название *Дворянское собрание* активно используется в современной речи, в том числе печатной. Отчасти это объясняется тем, что музей-заповедник располагает множеством зданий, поэтому для уточнения места удобно сказать, «в Дворянском собрании», и это поддерживает бытование ойкодомонима.

На Сенной площади небольшое здание называется **Важня**. Этого слова нет в современном русском языке, но словарь Даля убеждает, что в середине XIX века оно было: «Важня – весы, строение, в котором помещаются валовые весы с принадлежностями, иногда и хлебные и др. меры, на торгах, базарах, биржах, заводах, рудниках и пр.» [Даль 1989: 159]. То, что это слово принадлежало не только «живому», как у Даля, а и письменному языку, подтверждает словарь XVIII века, где слово можно найти с таким толкованием: «Помещение с торговыми весами

для взвешивания товаров»; пример его использования приводится из Псковского источника XVI века: «Да против Гостиного двора важня деревянная с проезжими воротами, да другая важня за городом на берегу Великия реки...» [Словарь 1985: 201]. В Новгороде тоже была не одна важня: сохранившаяся до наших дней была построена в 1834 году [Трифонова 2008: 262], и взвешивали в ней, судя по названию площади, сено; вторая, на Торговой стороне, была внутри Гостиного двора [Секретарь 1999: 77].

Морфемная структура слова *важня* прозрачная: суффикс *-ня* обозначает помещение, где происходит то или с тем, что названо корнем (*читальня, пекарня, наковальня, каменоломня, кофейня, колокольня, часовня* – ‘где читают часы, но не служат литургию’); а корень понятен из глагола *важить*, который, судя по словарю Даля, в смоленских и воронежских говорах означал ‘весить, взвешивать’. Как показывает словарь XVIII века, тогда это было обычное русское слово с рядом значений, в том числе переносных [Словарь 1985: 197–198]. Таким образом, знание ойкодомонима *Важня* знакомит с историей не только Великого Новгорода, но и русской лексики.

Как утверждает Л.А. Секретарь, важни существовали во всех городах Новгородской губернии [Секретарь 1999: 77]. Тем более вероятно, что они были и в других губернских городах как важный инструмент точности в торговле. Однако, если верить интернету, то сохранились важни только в Великом Новгороде и в Тал-

лине – важня Курессааре, о которой пишут на всех сайтах для туристов. В новгородской важне, как уже было сказано, информационный центр музея, а эстонская – музейный объект.

Единственное сооружение Окольного города, которое позволяет представить, как выглядела оборонительная система Великого Новгорода, – **Белая башня**, которая находится в южной части вала. Название она получила в XVII веке после её побелки. Второе ее название – Алексеевская – по имени церкви Алексея Человека Божия, которая находилась неподалёку [Филиппова 2014: 131].

Построенная в 1582–1584 годах, башня предназначалась для пушечного боя. Она много раз разрушалась, её восстанавливали. После войны восстановлена в 1990-е годы и стала частью музея [Филиппова 2014: 132–133], а в 2018 году открылась для посещения, там размещена выставка «Оборонительные сооружения древнего Новгорода».

Перемещаясь на Торговую сторону, нужно обратить внимание на три сооружения. Прежде всего это **Аркада Гостиного двора**.

Гостиный двор появился в Великом Новгороде в начале XVIII века, когда Петр I распорядился многочисленные лавки Торга снести «без оговорки», а купцам перейти в каменный гостиный двор [Сорокин 2007: 456]. Такая постройка, как отмечалось в начале прошлого века, «довольно типичная для своего времени (начала XIX века), носившая почти повсеместно по городам название „тёмных рядов“ вследствие затемнения лавок нависшим верхним этажом, заключавшим в себе исключительно склады и опирающимся на массивные столбы, образующие перед лавками как бы галерею» [Ласковский 2008: 14]. Гостиные дворы сохранились во многих городах, например, в Петербурге (там по-прежнему идет торговля), в Москве и ещё десятке российских городов. Чтобы показать, что это универсальная постройка, можно вспомнить подобное сооружение в польском Кракове, где оно называется *Сукеницы* (сообщает о торговле сукном).

Что касается названия *Гостиный двор*, то оно отсылает к слову *гость*, которое означало ‘купец’, а *двор* имело значение ‘всякое казенное или общественное здание или заведение’ [Даль 1989: 422], впрочем, оно сохраняется и сейчас, например, в названии *Монетный двор*. В Великом Новгороде любят называть так предприятия и фирмы – «*Великоновгородский мясной двор*», «*Рыбный двор*», «*Новгородский кузнечный двор*» и даже «*Рекламный двор*».

О судьбе новгородского Гостиного двора в XX веке говорилось в 2.3.3, здесь же важно подчеркнуть, что разрушенное во время войны здание решено было не восстанавливать, а оставить аркаду, которая стала архитектурным украшением Ярославова дворища. Поэтому в ономастиконе новгородцев есть не *Гостиный двор*, как во многих городах, а – *Аркада Гостиного двора*.

Второй элемент, оставшийся от Гостиного двора, – **Воротная башня**. Это «древнее трехэтажное гражданское здание с двумя проездными арками, над средней частью которого возвышается восьмиугольная башня, увенчанная шатром» [Каргер 1966: 180]. Эту башню называли и Вечевой [Там же], и Ярославовой [Ласковский 2008: 5]. Как предполагают современные исследователи, в башне располагались караульни и складские помещения; восьмерик использовался как смотровая площадка для караула. Впоследствии в этом здании размещались городовой магистрат, приют, начальное училище [Секретарь 2014а: 214]. Сегодня это одно из зданий музея-заповедника, в нём открыта экспозиция «Христианские древности. Художественный металл XI–XIX вв.»

Завершить портрет исторической части города можно указанием на сооружения, которые служили местом въезда и существуют в двух экземплярах – со стороны Москвы и со стороны Петербурга, что отражает географическое положение Великого Новгорода. Они называются **кордегардиями**. Как отмечают историки, «звали их по-разному: застава, караульня, гауптвахта. Но лучше всего прижилось красивое название на иностранный манер – кордегардия» [Хохлов, Волхонский 2016а].

Слово это из французского языка: *corpsdegarde* – это буквально ‘корпус, личный состав охраны, стражи’, как *кордебалет* – ‘состав артистов балета, выступающих в массовых сценах’ [Толковый 2008: 365]. Корень *гард*- хорошо знаком по словам *гардемарин* – ‘морская охрана’ и *гардероб* – ‘помещение для хранения одежды’ (не роб, конечно) [Там же: 144]. Таким образом, слово *кордегардия* означает отряд караульной службы и – метонимически – помещение, где он располагается.

Это слово использовали практически все русские писатели, судя по материалам Национального корпуса русского языка, преимущественно в значении «помещение для охраны». Но в Великом Новгороде оно стало именем собственным двух зданий и вошло в городской ономастикон в таком виде – **Московская кордегардия** [Секретарь 2014б] и **Петербургская кордегардия** [Хохлов, Волхонский 2016а]. Каждая из них представляет собой два пирамидальной формы обелиска по обе стороны

дороги и небольшие одноэтажные постройки, которые упирались в вал Окольного города [Секретарь 2014б]. Московская кордегардия восстановлена после военных разрушений и стоит без использования; у Петербургской сохранилась только одна постройка, на которой, кстати, изображен герб Новгорода. Хотя теперь уже

никто не кричит «Бом-двись!» [Хохлов, Волхонский 2016а], границу между старым городом и его новыми районами кордегардии символически обозначают и заодно поддерживают в городском ономастиконе «красивое слово» *кордегардия*.

Итак, ойкодомонимы исторической части города вносят в его портрет черты, объединяющие Великий Новгород с городами, которые были губернскими, и показывающие его глубокую историю, внося штрихи древности и уникальности.

Из современных зданий и сооружений отметим несколько. Здание областной администрации, которое новгородцы по старой памяти называют **Дом Советов**, построено в 1954–1959 годах по типовому проекту административных зданий, предназначенных для крупных областных центров. Это было самое большое здание в восстанавливаемом городе:

пятиэтажное, «чрезвычайно помпезное по внешнему оформлению, с массивной колоннадой на уровне трех верхних этажей по центральному фасаду» [Трифопова 2008: 255].

Такое сооружение соответствовало амбициям областной власти, которая не хотела, чтобы доминантой площади оставался Кремль: Дом Советов составляет успешную конкуренцию древнему бастиону власти [Там же: 264], что демонстрировало победу концепции восстановления города не как музея, что предполагалось Генеральным планом 1945 года, разработанным в Москве под руководством А. В. Щусева, а как социалистического промышленного областного центра [Там же: 251]. Завершение строительства здания было приурочено к празднованию 1100-летия Новгорода, что знаменовало итог исторического пути.

Если от Дома Советов двигаться к вокзалу, то нельзя не заметить здание **Киноцентра «Россия»**, старожилам известное как кинотеатр «Россия», построенный в 1963 году [Зайцев, Кушнир 1980: 146]. В советские времена в городе было три кинотеатра – по одному в каждом районе города: «Россия» на Софийской стороне, «Октябрь» – на Торговой, кстати, самый первый, широкоэкранный, что было новинкой, открыт в 1957 году; и «Новгород» – в Западном районе, первый широкоформатный кинотеатр в городе, открыт в 1972 году (<http://cinemafirst.ru/velikij-novgorod-kinoteatr-novgorod/>). В 1990-е годы оставался дей-

ствующим только киноцентр «Россия», поэтому его называли просто Киноцентр. Затем «Новгород» возобновил показ фильмов, а «Октябрь» стал жилым домом.

Ситуация изменилась в мае 2016 года с появлением кинотеатра «Мираж Синема» в торгово-развлекательном центре «Мармелад» – это восьмизальный мультиплекс с комфортными креслами, высоким уровнем аппаратуры и современным репертуаром. Естественно, что он привлёк основную массу зрителей, что создало трудности для Киноцентра, о чём идет речь в интервью директора [Алексеева 2016]. Преимущество Киноцентра – проведение кинофестивалей, в том числе знаменитого фестиваля исторических фильмов «Вече». Сегодня Киноцентр архитектурно завершает Сквер Воинской славы, составляя фон для стелы и фигурируя на всех фотографиях с торжественных митингов.

Чтобы полностью представить кинофрагмент новгородского ономастикона, необходимо добавить, что кинематограф появился в городе в самом начале прошлого века: первый кинотеатр на Софийской площади назывался «Синхрофон», затем «Госкино» и наконец «Экран» [Кириллов 2015], а на Ярославовом дворище – кинотеатры (больше похожие на дощатые сараи) «Синематограф Кордье» и «Электротеатр «Синематограф», а затем «Модерн» [Хохлов, Волхонский 2016б].

Театральный фрагмент ономастикона составляют два названия – **Новгородский академический театр драмы имени Ф.М. Достоевского** и **Театр для детей и молодёжи «Малый»**.

Первый, как указано на сайте театра (<http://teatr.vn.ru/about/>), ведёт свою историю с 1853 года, когда в одном из купеческих домов был открыт постоянный театр. При советской власти театр (под название «Те-

атр Октябрьской революции») располагался в Кремле, в здании Епархиального дома (где сейчас Филармония). В 1987 году театр переезжает в новое здание на берегу Волхова, которое многим показалось не вписывающимся в архитектурную новгородскую среду.

В 1997 году к названию театра прибавляется посвящение «имени Ф.М. Достоевского». Хотя о пребывании писателя в Новгороде известно мало, но он долгое время жил в Старой Руссе, имя писателя не сходит с театральных афиш, и кроме того, театр принимает у себя Международный фестиваль камерных работ по произведениям Ф.М. Достоевского, участвует в нём.

Театр «Малый», появившийся в 1990 году в Западном районе, становится особым центром притяжения, когда проводит международный театральный фестиваль «Царь-Сказка».

Заметные здания, имеющие имена собственные, как будто специально распределились по районам.

На Софийской стороне это многоэтажный торговый центр «Русь», открытый, как сообщается на его официальном сайте, в 1989 году. Первоначально его имя собственное было эмпоронимом – названием универмага, но сейчас в здании десятки торгующих организаций со своими

названиями, которые будут рассмотрены среди эмпоронимов, ведь вывески некоторых из них вынесены в пространство города и составляют штрихи его портрета. А «Русь» стало названием здания, что и позволяет считать его ойкодомонимом.

Аналогично в Западном районе в конце 2015 года открылся торгово-развлекательный центр «Мармелад», в котором работают десятки магазинов и восьмизальный кинотеатр. Для района, который справедливо называют спальным, это значимое здание. Название придумано не в городе, это сетевой проект: такие же центры есть в Вологде, Волгограде, Таганроге.

На Торговой стороне есть здание с уникальным названием «Славия». Первоначально это было название Новгородской телерадиокомпании, появившейся в городе в 1993 году, и журналисты знают, что его предложил Юрий Николаевич Фабричин, который тогда был в ее руководстве. Научный термин *Slavia*, обозначающий славянский мир на латыни, легко вошёл в речь новгородцев. Этому немало способствовал и тот

факт, что у здания – остановка автобусов: «по „Славии“ передавали» и «доехать до „Славии“» – обычные реплики в городской речи. То есть оним был и эргонимом, и ойкодомонимом одновременно. Позже телекомпания превратилась в две, имя «Славия» относится к одной из них и к радио, помещаются они все в этом же здании, и имя стало обозначать скорее здание, а значит, его можно квалифицировать как ойкодомоним.

Таким образом, историческая и современная ойкодомонимия Великого Новгорода составляет более двух десятков онимов. Возможно, что дома у жителей определённого района имеют названия типа *угловой*, *жёлтый*, *высотка*, *пятиэтажка*, но ономастический портрет предполагает опору на общегородские онимы, и представленные в этой части портрета городские имена относятся именно к таким.

3.2 Экклезионимия

Как уже было сказано, Великий Новгород отличается множеством церквей, и его ономастический портрет невозможен без их представления. О том, насколько это значительный фрагмент ономастикона, говорят такие данные: сегодня в городе, если его понимать широко – ономастически, насчитывается более 50 храмов (из них действующих – не более двух десятков). Но если учесть и не сохранившиеся, как они описаны, например, в энциклопедическом словаре «Великий Новгород», то окажется, что в Новгороде существовало более 110 храмов – владычных, монастырских, княжеских, уличанских, купеческих.

Много храмов было в Кремле. Здесь прежде всего следует назвать **Софийский собор**, который, как уже сказано, ономастически «градобразующее» сооружение: Новгород мыслился как «Дом Софии». Софийский собор – не просто храм, а целый комплекс сооружений: к нему относится стоящая ближе к берегу Волхова **Звонница Софийского собора**. Между ними расположена церковь **Входа в Иерусалим**, где сейчас лекторий музея-заповедника, в котором проводятся не только публичные лекции, как сообщает название, но и выставки, встречи, концерты. В целом можно говорить о «софийской» части Кремля.

Обращает на себя название *звонница* на фоне ожидаемого слова *колокольня*. Интересно, что при первых упоминаниях об этом сооружении в летописи оно именуется «колокольница»: в 1437 году «вода подмывала у детинца город... и падеся стена камена и колокольница от Волхова»; а во второй половине XVII века был выстроен дом для звонарей, о нём сообщается как о «домике при Звоннице» [Ядрышников 2014: 102–103]. По мнению специалистов, это грандиозное

сооружение повлияло «на развитие такого типа зданий (звонницы Юрьева, Успенского Тихвинского, Соловецкого и др. монастырей» [Там же: 104].

Кроме того, в Кремле находятся церкви Андрея Стратилата, Сергея Радонежского во Владычном дворе.

Важно отметить, что церкви были у каждых ворот Кремля, из них сохранилась только Покровская (в ней был ресторан «Детинец», о котором с сожалением вспоминают новгородцы); напоминанием о Воскресенской надвратной башне служит название ворот в Кремль, которым, по правде

говоря, новгородцы практически не пользуются, обходясь обозначением «ворота к Софийской площади», противопоставляя их «воротам к Волхову».

Помимо Кремля, на Софийской стороне расположены два храма Воскресенского монастыря – Уверения Фомы в Воскресение Господне и Иоанна Милостивого (о них шла речь в разделе о Воскресенской слободе), церкви Троицкая на одноименной улице, Власия и Двенадцати апостолов на Простаех (сейчас на Десятинной улице), Фёдора Стратилата на Щиркове (теперь на Стратилатовской улице), Пантелеймона (напротив родильного дома); за валом – Троицкий собор и церковь Святого Духа Духова монастыря; церковь Петра и Павла в Кожевниках, Покровский собор и церковь Симеона Богоприимца Зверина монастыря, далее церковь Успения в Колмове. Многие храмы этой стороны не сохранились; так, только на Прусской улице, совсем не большой по протяжённости – около километра [Запольская, Моисеев 2010: 113], стояли, как сообщается в энциклопедическом словаре [Великий Новгород 2007: 517–529], церкви Архангела Михаила, Введения Богородицы, Вознесения. О некоторых храмах напоминают названия улиц, как было показано.

На Торговой стороне и сейчас более двадцати храмов. Прежде всего, это храмы Ярославова дворища – Николо-Дворищенский собор,

собор Иаонна на Опоках, церкви Успения на Торгу, Георгия на Торгу, Параскевы Пятницы, Жен Мироносиц, Прокопия. Все они видны одновременно, и кажется, что такое количество храмов в одном месте невозможно. Тем не менее это церкви разного времени, разных строителей, и все они связаны так или иначе с Торгом.

Но и на остальной территории Торговой стороны церкви стоят так, что от одной до другой «рукой подать»: церковь **Спаса Преображения на Ильине**, знаменитая тем, что её расписывал Феофан Грек, стоит рядом со **Знаменским собором** с подворьем, чуть дальше – церковь **апостола Филиппа и Николы**, ещё дальше – древнейшие храмы **Ильи** и рядом **Петра и Павла**. В другую сторону от Спаса Преображения неподалёку церковь **Федора Стратилата на Ручью**, рядом с ним – **Никиты Мученика** и чуть дальше **Димитрия Солунского**. В северной части Торговой стороны, у вала – церковь **Бориса и Глеба**, а буквально по ту сторону вала – **Иоанна Богослова** у Волхова.

Западный район, учитывая время его создания, храмов не предполагал, но, так как он фактически поглотил деревню Григорово, в этом районе появился храм – **Александра Невского**, популярный среди жителей. На Западном кладбище, начинающемся сразу за Западным районом, построена (это единственная построенная в наше время!) церковь **Лазаря**, официально – **Воскрешения св. Лазаря Четверодневного**.

Из загородных храмов новгородцы почитают прежде всего монастырские соборы – **Георгиевский** в Юрьеве монастыре, **Спаса Преображения** в Хутынском, но и церкви, которые стоят по линии Волховского фронта, – **Успения в Волотове**, **Спаса Преображения на Ковалёве**, **Спаса на Нередице** (или просто Нередица) и наконец **Благовещения** на Рюриковом Городище.

Таким образом, храмы присутствуют в городском пространстве как архитектурные сооружения, а их имена хорошо знакомы новгородцам и составляют важные штрихи ономастического портрета города. Конечно, как и в случае с монастырями, что было рассмотрено ранее в разделе территорий в городе, в городской речи названия храмов звучат иначе, чем в официальных церковных описаниях, что показано на примере самой новой церкви Великого Новгорода – Лазаря. Но элемент церковного наименования практически всегда сохраняется, за исключением, возможно, Нередицы (этот топоним со ссылкой на Даля и современные новгородские говоры толкуется как суффиксальный дериват от диалектного слова *нерет*, *неретка* в значении ‘рыболовный снаряд, плетеный из лозы, пустая воронка’ [Строгова, Секретарь 2012: 60–63]).

При этом, когда говорится о знании храмов, имеются в виду не только хорошо известные новгородцам действующие городские храмы – Софийский и Покровский соборы, церковь Апостола Филиппа, Бориса и Глеба, Сретения, Димитрия Солунского, Климента. Новгородцы знают храмы как сооружения, как элементы новгородского пейзажа – как церковь Петра и Павла в Кожевниках, Двенадцати апостолов, Спаса Преображения на Ильине, Федора Стратилата на Ручью.

Что касается ономастического анализа имён новгородских храмов, то он позволяет говорить о двух типах мотивированности таких наименований – смысловым центром одного оказывается агионим – имя святого, другого – имя понятия или события, важного для христианства. При этом каждый тип представлен реальными именами храмов разной степени сложности.

Самые простые имена первого типа мотивированы только агионимом, который в названии храма присутствует в форме родительного падежа – *Власия, Прокопия, Климента, Пантелеймона, Лазаря, Димитрия*; или включается в экклезионим в качестве мотивирующей основы – *Николо-Дворищенский собор, Владимирский собор*. Неоднословность экклезионимов такого типа объясняется тем, что агионимы могут состоять и более чем из одного слова. Осложнять их могут,

во-первых, слова со значением чина святости, как в названии церкви *Двенадцати апостолов*, но чаще такие слова сочетаются с агионимами – *пророка Ильи, архангела Михаила, апостола Филиппа, мученика Никиты*;

во-вторых, храмы освещаются во имя двух святых – *Петра и Павла, Бориса и Глеба*;

в-третьих, характеристикой святого: *Федора Стратилата, Андрея Стратилата, Иоанна Милостивого*; часть таких характеристик отсылает к евангельским событиям: церкви *Симеона Богоприимца, Жен Мироносиц*;

в-четвертых, топонимами, связанными с жизнью святых, – *Димитрия Солунского, Сергия Радонежского, Александра Невского*;

наконец, в-пятых, уникальный агионим *Параскева Пятница* представляет собой греческое имя и его перевод на славянский язык, и церковь *Параскевы Пятницы* сохраняет это двойное именование.

Таким образом, ономастикон Великого Новгорода включает благодаря экклезионимам первого типа более полусотни лексем, среди которых двадцать имён из православных святцев, четыре лексемы с семантикой чина святости, лексемы со значением характеристики свя-

тых, включающих род занятий (*стратилат*), качества (*милостивый*), географические координаты жизни святых – *Солунский, Радонежский, Невский*.

Это солидный «словарик», который надо освоить юным новгородцам – по возрасту или стажу проживания. Конечно, нельзя сказать, что эти слова известны буквально всем новгородцам, так, студентам приходится особо разъяснять значение слова *стратилат*, обращаясь к [Дьяченко 2006], где после приведения греческого написания слова оно получает такое толкование: «предводитель, военачальник, вожь, воевода. В нашем месяцеслове это выражение обычно оставляется без перевода и присваивается тем мученикам и исповедникам за Христа, которые в мире носили это почётное звание, напр. св. вел. муч. Феодор стратилат и др.» [Там же: 672]. Новгородцам это тем более важно знать, что слово присутствует в названии трёх церквей – Федора Стратилата на Ручью, Андрея Стратилата в Детинце и Федора Стратилата на Щиркове, а также в названии улицы, данном по последнему храму, – Стратилатовской.

Характеристику *Солунский* тоже важно объяснить обращением к славянскому названию города, который сейчас находится в Греции и известен как Салоники. Это родина не только святого Димитрия, которому посвящён один из новгородских храмов, но и Кирилла и Мефодия, одно из наименований которых – *Солунские братья*; они, кстати, в детстве посещали храм Димитрия Солунского, которого уже с V века почитали жители Солуни и считали покровителем своего города.

Второй тип наименований храмов включает в словарь экклезионимов обозначения важных понятий христианства – Софии (*Софийский собор*) и Троицы (*Троицкая церковь*), а также праздников, составляющих литургический год и соответствующих эпизодам евангельской истории, – *Рождества и Успения Богородицы, Сретения Господня, Входа в Иерусалим, Уверения Фомы, Спаса Преображения, Покровский собор*. Этот же тип представлен экклезионимами от названия иконы – *Знаменский собор* во имя иконы Божией Матери Знамения, которая считается спасительницей Новгорода и почитается до сих пор.

Особое место в сознании новгородцев занимает София: сам Новгород мыслился как Дом Софии (а, кстати, Псков – как Дом Троицы), «*святая София* говорилась вместо Великого Новгорода, ибо, по словам Новг. лет. „Где София, там и Новгород“» [Дьяченко 2006: 644–645], а «софияне – древнее название жителей Новгорода» [Там же: 645]. Сегодня Софийский собор, построенный в 1045–1050 годах, стоит как материальное свидетельство тысячелетней истории города.

Из евангельских событий самым излюбленным новгородцами кажется Спаса Преображение – кроме храма на Ильине улице с таким названием известны несколько церквей в монастырях, окружающих Новгород, – Хутынском, Ковалевском, Нередицком (от двух последних остались только храмы).

Таким образом, экклезионимы обоих типов расширяют лексикон современного горожанина, вводят его в мир христианства, знакомят с греческими и церковнославянскими словами, что можно считать специфической чертой ономастикона Великого Новгорода.

Как показывает новгородская экклезионимия, это не автономный фрагмент городского ономастикона, её взаимопроникновение с другими фрагментами реализуется в трех направлениях.

Во-первых, имена храмов осложняются включением новгородских топонимов – *Николо-Дворищенский собор*, храмы *Андрея Стратилата в Детинце, Бориса и Глеба в Плотниках, Петра и Павла в Кожевниках; Иоанна на Опоках, Георгия на Торгу, Иоанна Богослова на Витке, Двенадцати апостолов на Пропастях, Ильи Пророка на Славне; Спаса Преображения на Ильине улице, на Нередице*. Словарь экклезионимов, как легко заметить, включает имена новгородских локусов – *Торг, Дворище (Ярославово), Опоки* (его значение со ссылками на словари древнерусского языка, Даля и новгородские говоры толкуется как ‘белый известняк’ [Строгова, Секретарь 2012: 65–66], ср. названия псковского городка *Опочка* с такой же этимологией [Поспелов 2008: 333] и деревни *Опоки* в Порховском районе той же области), *Детинец, ручей Витка, районы Плотники, Кожевники, Пропасты, холм Славно, Ильина улица, Нередица*, в том числе и уже вышедших из актуальной речевой практики. Таким образом, экклезионимы оказываются «хранителями» городских топонимов – *Пропасты, Славно, Щиркова улица, Опоки, Торг*.

Такая географическая атрибуция – распространённое явление в русской экклезионимии, поскольку она была органичной частью городских наименований: храмы должны были быть сориентированы в городском пространстве. Но языковые формы такой атрибуции в разных городах различались, так, в Пскове используются формы топонимов с предлогами *от, на, в и с* при явном преобладании последнего (*церкви Покрова от Пролома, Анастасии Узорешиительницы в Кузнецах, Петра и Павла на Брезе, Николы со Усохи, Успения с Пароменья, Георгия со Взвоза, Богоявления с Запсковья*) [Волкова, Лекарева, Храпченкова 2017]. В Новгороде же, как видно из приведённого перечня, обозначения географической атрибуции используют формы с предлогами *в и на* с преобла-

данием последнего. Но в обоих городах такие экклезионимы содержат исторические топонимы, не позволяя им перейти в разряд совершенно забытых, оказываясь «хранителями» городских топонимов-историзмов.

Во-вторых, экклезионимы выступают мотивирующими основами для современных новгородских годонимов: *Софийская сторона, площадь, набережная; Стратилатовская улица; (Каберова-)Власьевская и Большая Власьевская; Троицкая улица; улица Федоровский ручей; Воскресенский переулок; Знаменская улица и Знаменский переулок; Никольский переулок; Михайлова улица; Николо-Кочановский переулок*. Таким образом, лексика православия оказывается «рассыпанной» по городскому пространству и органически входит в повседневную речь города.

Кроме того, она используется для наименования новых городских заведений, так, имя **София**, кроме площади, набережной и стороны города, носят апартаменты, турфирма, товарищество собственников жилья, православная телепрограмма, школа олимпийского резерва, студия исторического бального танца. Школа традиционной культуры для детей называется «Параскева». Экклезионимы повторяются в названиях археологических раскопок, названных по храмам – *Троицкий, Федоровский, Никитинский*. Таким образом, православная лексика в рамках вторичной номинации участвует в именовании множества городских объектов, «скрепляет» городской ономастикон нитями, восходящими к православию, формирует одну из ономастических доминант города.

И в-третьих, новгородский топонимикон оказывается хранителем памяти о храмах, которых уже нет: это улицы *Андреевская, Яковлева, Тихвинская, Козьмодемьянская, Предтеченская, (Литвинова-)Лукина, Воздвиженская, Лазаревская, Мининский переулок* [Запольская, Моисеев 2010]), а также *Алексеевская (Белая) башня*, которая сохраняет память о церкви Алексея Человека Божиего [Великий 2007: 517]. Благодаря этим названиям, большинство которых возвращены на карту города в 1991 году, в сознании образованных граждан живут напоминания о храмах Андрея Первозванного [Там же: 28], Иакова Апостола [Там же: 150], Тихвинской иконы Божией Матери [Там же: 135], Космы и Дамиана [Там же: 67], Рождества Иоанна Предтечи Росткина монастыря [Там же: 111], апостола и евангелиста Луки [Там же: 40], Воздвижения [Там же: 40], Мины и Виктора [Там же: 86]. Кроме того, только в памяти остается церковь, освященная во имя иконы Тихвинской иконы Божией Матери [Там же: 135]. Таким образом, даже не обращаясь к специальной литературе, новгородцы могут представить себе, какие храмы были в городе, кроме существующих.

Эти факты позволяют понять, насколько экклезионимия Новгорода была обширней современной, шире был и круг агонимов (Андрей Первозванный, Иаков, Косма и Дамиан, Лука, Мина и Виктор) и событий (Рождество Иоанна Предтечи, Воздвижение), составлявших основу именования храмов.

Итак, новгородская ойкодомонимия, включая имена храмов, составляет значительный фрагмент ономастического портрета, она тесно связана с историей города и православной культурой.

3.3 Эргонимия как фрагмент новгородского ономастикона

Относя к эргонимии имена всех городских объединений, связанных деятельностью, надо различать учреждения, общественные объединения, предприятия и заведения. При этом следует отметить, что называть такие объединения именами собственными не обязательно. Так, учреждения не называют именами собственными – *Новгородская областная администрация, Налоговая инспекция, Общественная палата*. Конечно, их наименование определяется временем: ушли в прошлое *исполкомы, райкомы и обкомы*. Но это факт лексикона, а не ономастикона, так как наименование получает не конкретное учреждение, а все такие учреждения, и здесь Великий Новгород не отличается от других городов страны. Общественные объединения, или партии, конечно, имеют имена собственные, но они существуют не в городе, даже если активно действуют в нём – «Единая Россия», «Яблоко», «ЛДПР», поэтому рассматривать их в рамках городского ономастикона смысла нет.

Что же касается предприятий и заведений, то их имена собственные составляют важные фрагменты новгородского ономастикона, в связи с чем необходимо их подробное рассмотрение в режиме ономастического портретирования города.

3.3.1 Имена предприятий

Производственные эргонимы располагают рядом номинативных возможностей. Первую можно назвать номенклатурным обозначением: его составляет, как правило, оттопонимическое прилагательное, обозначение продукции (в форме субстантива в родительном падеже или прилагательного) и обозначение типа предприятия (завод, фабрика, комбинат, компания): *Красноярский алюминиевый завод; Омская фабрика игрушек*. Это обязательная часть наименования. От номенклатурных названий предприятий часто образуются аббревиатуры – слоговые и инициальные (Уралмаш, АЗЛК – Автомобильный завод имени Ленин-

ского комсомола в Москве, где выпускали «Москвич»), используемые в документации, но проникающие и в устную речь горожан.

К необязательным элементам такого эргонима относится имя собственное предприятия или посвящение, которое оформляется в форме «имени + родительный падеж фамилии»; такого рода названия можно проиллюстрировать именами кондитерских фабрик в Москве и Петербурге – первая называется «Красный Октябрь», вторая – «имени Крупской».

Номенклатурные наименования предприятий обычно не привлекают исследователей городской ономастики, действительно, такие названия можно отнести к городскому лексикону. А если они осложняются именем собственным или посвящением, это воспринимается как объект городской ономастики.

Кроме того, лингвистически интересными оказываются неофициальные названия предприятий, которые бытуют в устной речи. Так, при характеристике языкового облика Саратова указывается, что «в Челябинске сразу обращает на себя внимание название заводов начальными аббревиатурами (ЧТЗ, ЧМЗ), тогда как в Саратове типичнее образования слог + слово (Техстекло, Жиркомбинат, Химкомбинат, Нефтемашремонт) ... В Саратове широко распространено именование словом (Шарик, Комбайн, Крекинг) при официальном расчленённом именовании (Подшипниковый завод, Нефтеперерабатывающий завод)» [Сиротинина 1988: 249]. В этой же работе отмечена важная деталь: названия заводов часто становятся хоронимами – люди живут *на Комбайне, за Комбайном* [Там же].

На этом фоне названия предприятий в Великом Новгороде обнаруживают ряд черт, важных для специфики его ономастического портрета.

Если попытаться выяснить историю наименования предприятий, учреждений, заведений в Новгороде, то окажется, что исторически заводы и фабрики, мастерские не всегда имели имена собственные. Так, известна **Парусная фабрика**, основанная в начале XVIII века (её здания сохранились на Лазаревской улице [Запольская, Моисеев 2010: 78]). Иногда фабрики обозначали по их владельцам, так, в [Михайлова 2009] рассматривается судьба кожевенного завода на углу Посольской и Славной, о котором говорится «**завод Свинкиной**» – по его владелице купчихе А. К. Свинкиной.

Однако уже в XIX веке появляются предприятия с именами собственными в православном духе, как, например, писчебумажная фабрика, основанная в 1830-е годы, возрожденная после большого пожара в

1859 году и освящённая в день празднования иконы Знамения Божией Матери, получила название **Знаменской** [Кириллов 2019]. А пивоваренный завод, открывшийся в 1879 году, стал носить имя «**Богемия**» [Струкова 2009: 209], что всем было понятно: в практике пивоварения он ориентировался на традиции Богемии (так по-немецки называли Чехию), закупая там сырьё; сегодня здания завода стоят на берегу Волхова заброшенными на виду у всего города; а имя хорошо известно, потому что судьбу этих зданий время от времени обсуждают в медиа, см., например, [Лаврова 2017; Кузьмина 2019].

Надо сказать, что в XX веке новгородские предприятия стали предпочитать имена собственные, хотя, например, **Новгородский металлургический завод** обходится без него. Благодаря этой тенденции, в городской ономастикон входят такие «производственные» эргонимы, как «**Волна**», «**Квант**», «**Планета**», «**Сплав**», «**Дека**», «**Трансвит**», «**Акрон**», «**Алкон**».

Первые три эргонима представляют собой термины теории радио и космоса.

Слово *волна* (имеется в виду радиоволна), омонимичное слову общенародного языка, легко вошло в городской ономастикон, при этом оно называло не только градообразующее предприятие «Волна», продукцией которого, в частности телекамерами, гордились, но и объектов инфраструктуры – стадион «Волна», поликлиника «Волна», ДК им. Попова (изобретателя радио). Хотя завод прекратил работу, все эти имена остались в городском ономастиконе: с 2004 года в заводских корпусах размещаются многочисленные магазины, офисы, главный из них – Торговый центр «Волна», так же называются поликлиника и стадион.

В связи с ежегодными встречами ветеранов завода в дни его рождения (завод работал с февраля 1952 года) появляется в медиа и слово *волновцы* – так называли тех, кто работал на заводе: «„Волны“ не существует уже более двадцати лет, но те, кто работал на этом предприятии, не переставали называть себя волновцами» [Фабричина 2016].

Появляется в медиа и неофициальный хороним *Шабровка*, так назывался район домов для работников «Волны» по фамилии директора завода В. Г. Шаброва: «В мэрии Великого Новгорода обсуждается возможность застройки старых районов города новыми домами. В частности, речь идёт о так называемой Шабровке» (<https://vnnews.ru/stroitelstvo/54154-na-meste-starykh-dvukhetazhek-na-shabrovke-mogut-postroit-novye-doma.html>). Таким образом, производственный эргоним «Волна» заметен в новгородском ономастиконе.

Благодаря названию завода «**Квант**», организованного в 1958 году как телевизионный и выпускавшего знаменитые телевизоры «Садко», в новгородский ономастикон вошёл физический термин *квант* в значении «наименьшее количество энергии». Завод, в отличие от «Волны», продолжает работать, теперь это предприятие оборонной промышленности, хорошо известное в городе. Такое же название носит и одна из гимназий города, появившаяся в 1991 году, но это классический случай омонимии, связи между этими эргонимами нет.

Сегодня на фасаде одного из зданий торгового центра «Гагаринский» можно увидеть панно «**Завод имени Ленинского комсомола**», это проходная уже не существующего предприятия, которое в 1950-х годах построили как Новгородский завод полупроводниковых триодов (НЗПТ). Посвящение Ленинскому комсомолу прибавилось к его названию в 1968 году по случаю 50-летия ВЛКСМ; тогда же он вошёл в состав производственного объединения «**Планета**». После приватизации сохраняется название «ОКБ Планета» (особое конструкторское бюро).

Как видно на фотографии, советское название обыгрывалось в названии трактира «**Ленком**» – контрастивным соединением советизма и термина дореволюционной поры (уже закрыт). А название «**Планета**» сохраняется за поликлиникой и больницей. Восстановлено название стадиона «**Электрон**», повторявшего название футбольной команды завода (обсуждалось в связи с названиями стадионов). Существует официальный сайт «ОКБ-Планета», где изложена его история и, в частности, такой факт: в 1959 году к 1100-летию Новгорода завод выпустил первые 1100 транзисторов. Отмечаются юбилеи предприятия.

Машиностроительная корпорация «**Сплав**» начиналась как арматурный завод «Контур Сплав» в 1978 году. Зная о том, что предприятие выпускает трубы, нетрудно догадаться, что в его названии имеется в виду сплав металлов, а не номинализация выражения *сплавлять по реке*.

К русским словам, хотя и терминологического характера, прибавляется латинское – это название построенного в 1977 году Новгородского молочного комбината, который в 1994 году становится ОАО «**Лактис**», что по латыни значит ‘молоко’. Это латинское слово вошло в новгородскую речь, свободно изменяется по падежам. Кроме того, образовалось целое гнездо слов с корнем *лакт-*: завод входит в группу компаний «**Лактика**», такое же название носит торговый дом и ряд молочных продуктов. Нельзя не отметить, что независимо от завода и от молочной продукции в городе есть торговый центр «**Галактика**», что в переводе с греческого означает ‘млечный путь’, то есть семантика молока представлена в новгородском ономастиконе в греческом и латинском вариантах.

Наряду с онимизацией лексем русского и других языков среди производственных эргонимов используется аббревиатура.

Довольно прозрачна аббревиатура «**ГАРО**» – это основанный в 1957 году Новгородский завод по изготовлению гаражного оборудования (ГАРО). После приватизации в 1993 году получил более компактное название «Новгородский завод ГАРО», под ним работает и сейчас.

Сложнее ономастическая биография завода «**Трансвит**». Как можно узнать на официальном сайте предприятия (<http://www.transvit.ru/>), открытое в 1961 году, оно получило название «Новгородский завод радиотехнических изделий», которое вскоре заменилось на «Новгородский трансформаторный завод», затем на «Новгородский завод имени XXIV партсъезда», и только в 1996 году стало «Трансвитом». Понятно, что это аббревиатура, но что за ней стоит? Следует отметить, что пред-

приятие входит в группу компаний «Трансвит», так что это не только новгородский эргоним. У новгородцев есть предположение, что эта аббревиатура может означать «трансформаторы витые», но на официальных ресурсах информации о её значении нет. Интересно, что в 1990-е годы предприятие входило в научно-производственное объединение «Комплекс» вместе с компаниями «Комета», «Спектр», «Эльбор», «Эллипс».

Аббревиатурное название носит и ликероводочный завод «Алкон». На официальном сайте предприятия (<http://www.alkon.su/>) сообщается, что завод ведёт свою историю с 1897 года, он сменил шесть имён (Казённый винный склад – Новгородский государственный спиртоводочный завод – Новгородский спиртоводочный завод № 5 – Новгородский спиртоводочный завод № 1 – Новгородский ликёроводочный завод – Новгородский виноводочный завод), с 1992 года носит последнее название, но не сообщается, что означает это имя-аббревиатура. Хотя можно предположить, что она как-то связана с группой компаний «Русский алкоголь», или «РусАлко», а финальная Н информирует о том, что завод новгородский.

Вообще стоит заметить, что аббревиатура *алко*- сейчас используется и для образования терминов торговых заведений типа *алкомаркет*, и для эмпоронимов, как новгородский «АлкоХолл». Стоит отметить, что «Алкон» внедрил в новгородский ономастикон и слово *zavod* в написании на латинице: сначала так называлась лавка при заводе, а теперь ещё и бар в самом центре города – ZAVOD-bar.

Что касается продукции завода, то её наименование ориентировано на культуру Великого Новгорода: водки «Великий Новгород», «Тысяцкая», «Новгородское вече», «Садко»; бальзам «Древнерусский», аперитив «Ганзейский», вода «Ильменская». Некоторые новгородцы впервые узнают новгородские историзмы на бутылочной наклейке.

Химический гигант, благодаря которому увеличились площадь и население Великого Новгорода, носит загадочное название «Акрон». Когда он начинал строиться в 1961 году и стал работать в 1967 году, его название было «Азот», что понятно любому, кто знает, что бывают азотные удобрения. После приватизации в 1992 году акционерное общество стало именоваться «Акрон», это слово представляет собой аббревиатуру от обозначения *Азот Компания Россия Новгород* (эту информацию сообщила О.А. Александрова, которая руководила музеем «Акрона», по её словам, эти сведения есть в экспозиции музея).

Сегодня горожане воспринимают это имя как особое слово с неяс-

ным значением, но понятно, что обозначающее. Надо сказать, что оно звучит в городе многократно: помимо самого предприятия, слово имеет все его объекты инфраструктуры – Культурный центр «Акрон», Медицинский центр «Акрон», Санаторий-профилакторий «Акрон», Гостиница «Акрон», ФОК (физкультурно-оздоровительный комплекс) «Акрон», парк 45-летия «Акрона». То есть одно имя представлено в городской среде многократно. А больница в Западном районе обозначается в речи новгородцев «Азотовская», что показывает: первое имя комбината не исчезло из памяти.

Кроме того, предприятие – ньюсмейкер, о нём постоянно пишут новгородские медиа, в том числе о благотворительных акциях «Акрона». Всё это обеспечивает имени «Акрон» ключевое место в новгородском ономастиконе. В новгородском лексиконе есть и дериваты от слова *акрон*: *акроновцы*, *акроновский*; впрочем, последнее прилагательное входит в название события – традиционных конных забегов «Акроновские вёрсты».

Как уже указывалось при характеристике имён улиц Западного района, присутствие «Акрона» отражается в годонимах – ул. Химиков, Ломоносова, Зелинского, Менделеева; в городе есть Дворец спорта «Химик», так же называется корпоративная газета компании.

Новые производства сразу получили названия в «новом стиле»: преемник пивоваренного завода называется «Дека», что означает меру жидкости; мебельной фабрике дают имя фольклорной героини, дочери морского царя – «Волховá»; мясной комбинат берёт название как бы с новгородского торгового двора – «Мясной двор» (полное наименование – «Великоновгородский мясной двор»).

Итак, не перечисляя всех до одного производственных эргонимов города, можно сделать вывод, что производственная эргонимия Великого Новгорода показывает, как в 1990-е годы от советских номенклатурных наименований, максимально информативных, с посвящениями Комсомолу и съездам КПСС, перешли к лёгким, можно сказать, изящным именам, которые вошли в городской ономастикон, внося в него смыслы точной науки, космоса и отражая смену языкового вкуса. При этом в городском языке сократилось число инициальных аббревиатур, хотя в официальных документах их число увеличилось, так, например, название «Квант» в документах сопровождается аббревиатурой *ФГУП ПО*, но она известна только тем, кто читает и составляет документы.

Важно отметить, что среди новых названий-аббревиатур – *Трансвит*, *Акрон*, *Алкон* – практически нет инициальных, все они близки по

внешнему облику к естественным русским словам, что обеспечивает их вхождение не только в язык документации, но и в городскую речь.

В лингвистическом плане стоит отметить, что сократилось использование прилагательных, производных от урбонима *Новгород*, так как все советские наименования включали такое прилагательное, и аббревиатура *нов-* встречается только в названии производства прицепов «**Новтрак**». Обязательное присутствие прилагательного *новгородский* в каждом эргониме всё-таки было избыточным, хотя оно и сокращалось до буквы *Н* в аббревиатуре типа *НЗЛК*.

Осмыслить эти перемены, как показывает приведённый анализ, можно, если не просто фиксировать ныне существующее название предприятия, а учитывать его ономастическую биографию, которая у некоторых заводов оказывается многоэпизодной, при этом за каждым эпизодом стоят важные моменты истории предприятия, города и страны. При этом следует отметить, что перемена имени часто сопровождалась и переменной термина: *завод* на *компания*, как правило, – что в итоге повлекло расширение словаря терминов производственной эргонимии.

3.3.2 Имена учебных заведений, или образовательная эргонимия

Для имён учебных заведений не предусмотрен ономастический термин, однако их присутствие в городском ономастиконе безусловно, и в ономастическом портрете они должны занять своё место. Представляется достаточным квалифицировать этот круг имён как *образовательная эргонимия*.

Хорошо известно, что в советские времена все без исключения школы были пронумерованы, а очень редкие имели посвящения типа «имени Герцена». Такова была ситуация и в советском Новгороде. В перестройку некоторые коллективы не захотели остаться с прежним термином *школа*, и в городе появились *гимназии* и даже *лицей*, правда педагогический. Эта лексика вошла в городской ономастикон на волне возвращения к прошлому, которое ещё недавно было «проклятым царским» (кстати, на этой же волне появились областная и городская Думы, хотя в других областях – Законодательные собрания – здесь осталось разнообразие). Гимназии получили номера или брали себе имена собственные.

Таким образом, сегодня в городе более 30 школ, большинство из которых именуются по-прежнему «школа № ...» (если оставить в стороне аббревиатуры типа *МАОУ*).

Надо отметить, что в название трёх школ номер дополняется посвящением. Школа № 20 имени **святых равноапостольных Кирилла и Мефодия** реорганизована в 1998 году из центра христианской культуры имени Кирилла и Мефодия, сохраняет посвящение и православную направленность. Школа № 15 в Кречевицах носит имя **Сергея Павловича Шпунякова**, Героя Советского Союза, лётчика-истребителя, отец которого работал на Кречевицком аэродроме, после войны лётчик служил в разных городах, а в 1990-х годах жил в Новгороде.

Традиция посвящения в дополнение к номеру актуальна в Великом Новгороде, о чем говорит практика именования новых школ. Школа № 36 стала носить имя **Г. Р. Державина**, что объясняется ее расположением на улице Державина. Теперь в ней проводятся Державинские чтения, на которые приглашают университетских филологов, недавно во дворе школы поставили бюст поэта.

Следующая новая школа – № 37 – открылась в 2018 году и сразу получила имя героя войны Игоря Каберова [Перевай 2018], память о котором уже увековечена в названии улицы. Хотя оно выбиралось публично – с помощью ресурса «Вечевой колокол», и выбор был альтернативным – предлагались ещё «имена Кирика Новгородца, князя Дмитрия Пожарского, Александра Герцена, Игоря Каберова; а также нейтральные названия: „Перспектива“ и „Новое поколение“» [Там же], после торжественного объявления о том, что новая школа теперь носит имя героя, возникла конфликтная ситуация: выяснилось, что в гимназии № 4 есть музей Каберова, его личные вещи, ведётся поисковая работа, и, естественно, именно это учебное заведение считает логичным носить имя героя. Конфликт был быстро разрешён, власти города согласились с доводами гимназии и изменили решение (<https://www.adm.nov.ru/page/35392>), теперь на сайте значится «**Гимназия № 4 имени Героя Советского Союза, Почетного гражданина Новгорода И.А. Каберова**» (<http://gimn4vn.ru/сведения/>). Школа № 37 остаётся без посвящения. Ситуация показывает, насколько серьёзно относятся к этому в Великом Новгороде.

Из гимназий сохранили номера № 1, № 2, № 4. Последняя, как ясно из изложенной информации, прибавила к номеру посвящение герою Каберову, а название гимназии № 1 включает **посвящение В. В. Сороке**, первому ректору Новгородского университета, в городе её называют «сорокинской». Остальные гимназии именуются именами собственными – уже упоминаемая гимназия «**Квант**», далее «**Исток**», «**Гармония**», «**Эврика**». Особого замечания заслуживает гимназия «**Новоскул**», ко-

торая, реорганизовавшись из школы № 11, взяла в качестве имени окказионализм, соединяющий элементы русского и английского языков: первый из них намекает то ли на новизну, то ли на принадлежность Новгороду, а может быть, на то и другое одновременно; а второе – на то, что гимназия специализируется на изучении иностранных языков. Видимо, авторам этого окказионализма он казался остроумным и информативным, с позиций лингвистических он воспринимается как буквальное «смешенье языков: французского с нижегородским».

Новация в среднем образовании – открытие детского технопарка «**Кванториум**» (в здании бывшего филиала РГГУ), это заведение дополнительного технического образования, при котором направления называются квантумами, а весь технопарк – вместилищем квантумов, или кванториумом (слово, построенное по модели латинских слов, как *аудитория*, *акватория*, *территория*, которые утратили латинские окончания и склоняются как русские слова на *-ия*). Такие технопарки открыты уже в более чем 60 городах страны, и Великий Новгород оказался в их числе, а его ономастикон включил новую единицу – *Кванториум*.

Таким образом, образовательная эргонимия в Великом Новгороде демонстрирует разнообразие терминов (школа, гимназия, лицей), обозначение школы с помощью номеров, посвящений и имён собственных, последняя новация 1990-х сейчас не получает продолжения, в отличие от посвящений, которые продолжают присоединяться к номеру школы.

Ономастика профессионального, или среднего специального образования тоже пережила изменения, главным образом в отношении терминов. Так, если в советские времена профессиональное образование получали в училищах и техникумах, то после перестройки училищ не осталось совсем. Четыре учебных заведения сохранили термин техникум – **Гидромелиоративный, Агротехнический, Учетно-коммерческий** и **Торгово-технологический**. Интересно, что к ним присоединился **Химико-индустриальный техникум** с выразительной аббревиатурой НовХИТ, который до 2012 года был Профессиональным лицеем № 1, образованным из двух профтехучилищ. Остальные 9 учебных заведений избрали термин *колледж* – **Технологический, Политехнический, Строительный** и т. д., хотя колледжи в Англии и ряде других стран – учебные заведения высшего образования, но при заимствованиях часто случаются изменения в значении слова.

Таким образом, обозначения учебных заведений среднего профессионального образования обходятся номенклатурными названиями,

построенными по формуле «Новгородский + специальность + термин». При этом только один колледж имеет посвящение, это **Новгородский областной колледж искусств имени С. В. Рахманинова**. Кстати, память композитора увековечена именем улицы и памятником в Кремлёвском парке. Имен собственных у колледжей, в отличие от гимназий, нет.

Что касается имён заведений высшего образования, то в советском Новгороде как областном центре было три института – Педагогический (в здании Духовной семинарии в Антониевом монастыре), Политехнический (из филиала Ленинградского электротехнического института, который располагался в Дворянском собрании) и Сельхозинститут на Псковской. И так же, как в любом другом городе, в устной речи их называли *пед*, *политех*, *сельхоз*. В 1993 году их объединили в университет, и в том же году археологи, найдя личную печать Ярослава, князя новгородского, предложили назвать университет его именем. С тех пор единственным высшим учебным заведением в городе стал **Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого**, или НовГУ. А вошедшие в его состав институты так и остались институтами, их так же называют *политех*, *сельхоз*, а *пед* реорганизовался в два института, которые называют аббревиатурами *ИГУМ* (Гуманитарный институт) и *ИНПО* (Институт непрерывного педагогического образования).

С 1990-х годов в городе работали филиалы московских и петербургских вузов, но они постепенно закрылись. Так что эргонимия высше-

го образования сводится практически к одному имени с посвящением Ярославу Мудрому, что создает переключку с Ярославовым дворичем. Круг слов, производных от имени князя, в университете продолжен: «Ярославов день» – это праздник в годовщину появления имени Ярослава в названии университета, стал областным праздником образования; «Ярославна» – конкурс красоты и таланта; «Богатыри Ярослава» – студенческий турнир по силовым видам спорта; «Свеча Ярослава» – праздник университетской прессы и награда в виде керамического подсвечника. Нельзя исключать, что этот ряд имён собственных будет пополняться.

Образовательная эргонимия включает и названия детских садов как заведений дошкольного образования. Поскольку практически все детские сады были построены при советской власти, тогда же им были даны названия. При этом почти 30 детских садов отмечено только номерами, а 35-ти даны имена собственные, при этом все такие названия – однословные субстантивные имена. Первое, что бросается в глаза, – это преобладание диминутивных форм, что вполне объяснимо: диминутив – основная форма, которая используется взрослыми в речи с детьми. Детские сады называются «Ягодка», «Калинка», «Рябинка», «Тополёк», «Колосок», «Колокольчик», «Светлячок», «Мотылёк», «Журавлик», «Капелька», «Росинка», «Родничок», «Ручеёк», «Солнышко», «Зоренька», «Радуга», «Огонёк», «Маячок», «Кораблик», «Гнёздышко», «Полянка», «Теремок». Кроме того, есть наименования прямые: «Детство», «Малыш», «Катенька», «Улыбка». Название «Сказка» открывает ряд литературных имён – «Ладушки», «Золушка», «Чебурашка». Есть и вполне взрослые названия – «Надежда», «Мечта», «Дельфин». Характерно, что самый новый детский сад в Ивушках назвали «Планета детства», уходя от диминутивной традиции.

Особенность «детсадовской» эргонимии – неинформативность, названия несут только общую идею детскости, а никакой конкретной информации о заведении не сообщают: ни о его расположении, ни о специфике, если она есть. Наверное, в каждом из заведений есть какая-то история выбора имени, но она не прочитывается и потому не может считаться фактом городского ономастикона.

В целом «детсадовская» эргонимия вносит в ономастический портрет милые детские штрихи, особенно ощутимые для тех, кто связан с тем или иным детским садом биографически.

К образовательной эргонимии можно отнести и наименования библиотек. Главная новгородская библиотека, или, как её зовут новгород-

цы, *Кремлёвка*, носит номенклатурное наименование **Новгородская областная универсальная научная библиотека**. Среди других библиотек две включают в название посвящения – **имени Д. М. Балашова** и **имени В. Бианки**; две включают в название место в городском пространстве – **Колмовская городская библиотека** и **Библионика на Державина**; и три получили имена собственные – «**Классика**», «**Веда**» и «**Читай-город**» (это сеть библиотек, поэтому вывеску с этим названием можно увидеть в разных районах города).

Итак, образовательная эргонимия включает более 60 имён, составляя существенный фрагмент городского ономастикона, можно сказать, самый молодой, поскольку его знает и с ним связана молодёжь от детского сада до университета.

3.3.3 Имена лечебных заведений

Еще 30 лет назад все лечебные заведения – больницы и поликлиники – не имели имён собственных, а были пронумерованы. Заводские лечебные заведения назывались по своим заводам – «Волна» и «Азот», потом «Акрон». Собственно, эта традиция сохраняется и сейчас для государственных лечебных заведений, которые включают в название специализацию: стоматологическая поликлиника, онкологический диспансер и т. д. В официальных документах теперь к названиям больниц прибавлены аббревиатуры, невозможные для произнесения, типа *ГБОУЗ «НОКБ»* (это областная больница).

Но частные лечебные заведения непременно называются именем собственным. Какие смыслы оказываются актуализированы в таких названиях?

Прежде всего акцент делается на главную персону лечения – врача, который называется не *врач*, а «**Доктор+**», «**Добрый доктор**», «**Авиценна**» (это европейская огласовка имени средневекового врача Ибн Сины, который стал символом медицины), конкретнее – «**Дантист**». В ряде названий актуализирована идея медицины в целом, но она именуется иначе: «**НовМед**», «**Диамед**», «**Полимедика**», «**Альтернатива**», «**Дента Сервис**», «**Профстом**» (стоматология при профсоюзах), «**Лорис**» (от лор, или отоларингология). Связь врача и пациента подчёркивается в названиях «**Ваш стоматолог**» и «**Стоматолог и Я**». Включаются в название объекты лечения – «**Мистер Зуб**», «**Радикс**» (корень зуба), «**НовДента**». Часто в названии актуализируется результат лечебной деятельности – «**Здоровье**»; наиболее конкретны здесь стоматологи: они обещают, что итогом лечения будет – «**Новый стандарт 32**»,

«Жемчужина», «Линия улыбки», «Смайл», а офтальмологи – «Новое зрение». Место расположения лечебного заведения актуализируется в названии «Семейная клиника на Рахманинова» (имеется в виду улица), стоматология «Знаменка» на Ильине улице (название образовано от старого названия параллельной улицы); в уже приведённых названиях, включающих аббревиатуру *нов-*, означающий «Новгородский» – «НовМед», «НовДента». Некоторые клиники берут рекламные названия, содержащие позитивную оценку их заведения «Пять звёзд», «Секреты долголетия», «Формула улыбки». Одно название построено как название медикаментов – «Алоэ Форте», что актуализирует способы лечения.

Часть названий не связаны с ситуацией лечения, но включают позитивную оценочность: стоматологические клиники «Камея» (ювелирное украшение), «Вереск» (растение, известное своими красивыми цветами, мёдом, считается целительным). К ним примыкают названия, представляющие собой трансонимизацию женских имён: «Ульяна», «Эстер».

Как легко заметить, авторы названий лечебных заведений используют иноязычную лексику наряду с естественной для медиков латынью (*Дента, Радикс*), английский «White & Smile» ('белизна и улыбка», так можно перевести с английского вывеску-обещание отличного результата лечения зубов), «Helix» (по-английски «спираль» или «улитка?'), «Инь и Ян» (понятия китайской философии как знак восточной медицины). Нетрудно заметить, что активно используется такой способ образования названий, как аббревиация: «Ситилаб» и уже приведённые имена «НовМед», «НовДента», «Профстом», «Полимедика».

Как это ни странно, названия лечебных заведений оказались креативным штрихом ономастического портрета города. Это видно и из того, что приведено, но самые показательные в этом отношении – названия стоматологических клиник «АзураДент» и «Ладея». Понять их оказалось невозможным: о слове *Азура* в интернете можно узнать, что это ветхозаветное имя – дочери Адама и Евы, принцессы в компьютерных играх, что мало подходит к наименованию стоматологической клиники. Позвонив администратору, я смогла выяснить, что это такое слово, которое придумала главврач и никому не рассказывает, это её тайна. По поводу слова *ладея* было сказано, тоже в телефонном разговоре, что его придумала главврач, образовав от слова *ладный*. Оба эти случая показывают, что к вопросу наименования лечебных заведений их владельцы относятся с большим вниманием и креативностью.

Аптека – заведение, связанное с ситуацией лечения и одновременно с ситуацией торговли; некоторые такие заведения квалифицируют себя как «сеть салонов» или «центр», но большинство используют привычный термин *аптека*, который восходит к греческому слову «склад, кладовая» [Толковый 2008: 18]. Современные аптеки отличаются тем, что почти все они представляют сети, поэтому одно и то же название повторяется в городской среде неоднократно.

В семантическом плане среди таких наименований наиболее явно актуализируется смысл здоровья: «Здоровье», «Будь здоров!», «Формула здоровья», «Здоровый город», «Кладовая здоровья», «Планета здоровья», «Мелодия здоровья», «Здравушка», «36.6» (имеется в виду температура в градусах как симптом здоровья). В таких номинациях очевидна ориентация на покупателя, который приобретёт нечто, что делает его здоровым.

Некоторые заведения специализированы, и их названия информируют об этом. В этом отношении уже традиционны оптики, предлагающие предметы для исправления зрения. Они сейчас именуют себя *салонами оптики*, и некоторые имеют имена собственные, недалеко отходящие от термина, например, «Оптика 2000» или «Optika53», но есть и типичные эргонимы «Счастливый взгляд», «Новый взгляд», «Оптимист», в том числе иноязычные – на кириллице «Айкрафт» (марка очков, по-немецки буквально – 'сила глаза') и на латинице – «Look» (по-английски – 'взгляд'). Для слуха есть заведения «Академия слуха» и центр слухопротезирования «Аудиале». Таким образом, эргонимы сообщают, что зрение и слух обслуживаются в особых лечебно-торговых заведениях.

Ещё более очевидно на покупателя (но безотносительно к ситуации лечения) ориентированы названия аптек, в которых фигурирует обозначение покупателя: «Аптека для бережливых» (интересно, что сначала она открылась с вывеской «Экофарм», но быстро её сменили, видимо, как оказавшуюся непривлекательной), «Всенародная», «Народная», «Ваша аптека низких цен».

Из других элементов ситуации регулярно актуализируются медикаменты, субъекты и место. Медикаменты, которыми торгуют аптеки, как выяснилось, не часто актуализируются в названиях; показательно в этом отношении название «Панацея Н», в котором используется слово, восходящее к имени греческой богини *Panakeia*, что значит «всеисцеляющая», и означающее «средство от всего», в том числе не только от болезней [Толковый 2008: 610], а литера *Н* относит заведение к Нов-

городу; наряду с этим используется «детское» слово **«Витаминка»**. Субъектная ориентация ощутима в названиях **«Фармакор»**, **«Калина Фарм»**. Место актуализировано в названиях **«Новгород»**, **«Новгород-фармация»**, **«53 плюс»** (53 – автомобильный индекс региона); к ним примыкает название **«Невис»**, это аптека Санкт-Петербургской сети.

Не исключены здесь и слова, не связанные с ситуацией лечения – **«Ладушка»**, **«Надежда»**, **«А-мега»**. Кроме того, в Великом Новгороде есть аптеки **«Ригла»** и **«Рилай»** московской и тверской сети, эти эргонимы кажутся непонятными, их значение узнать не удалось, но они и не входят в состав собственно новгородских городских имён.

Ветеринарные клиники называют по той же логике, что и человеческие: в одних названиях актуализируется семантика субъекта-врача – **«Зоолог»**, **«Ветмастер»**, **«ВетАнгел»**, **«Айболит»**; в других актуализируются действия или отношения – **«Зооветсервис»**, **«Дружба»**, **«Спасение»**, **«Помощь»**; самая многочисленная группа имён обозначает пациентов с разной степенью конкретности – **«Природа»**, **«Фауна»**, **«Вита»** (по латыни – «жизнь»), **«9 жизней»**, **«Котонай»**, **«Котофеич»**; наконец, по одному имени с семантикой лечебного средства (**«Витаминка»**) и места (**«ВетХаус»**).

Итак, эргонимия лечебных заведений, составляющая почти 90 имён, отличается семантическим разнообразием, актуализируя разные элементы ситуации лечения. Как можно было увидеть, эргонимы получены разнообразными способами, включая иноязычные языковые ресурсы, что говорит о языковых вкусах имядателей и креативности.

3.3.4 Имена торговых заведений, или эмпоронимия

В советском Новгороде, как и любом другом городе, было не так много магазинов, при этом имена собственные были у единичных. Старожилы помнят, что на Софийской стороне были продовольственные магазины **«Вечевой»** (в шутку можно предположить, что постоянные очереди в нём напоминали вече) и **«Юбилейный»**, **«Зодиак»**; на улице Ленинградской – книжный магазин **«Прометей»**, кондитерский магазин **«Лакомка»** и такой же у Дома Советов – **«Чародейка»**, военторг **«Звездочка»** и, конечно же, как в любом областном городе, **«Детский мир»**. На Торговой стороне были магазины, названные по предлагаемым товарам, – **«Ткани»** и **«Бакалея»**, а в Западном – **«Великан»** и **«Универсам»**, где покупали продукты. Кроме того, был Универсам на улице Горького, где вся область покупала необходимое, если не ездил за этим в Питер (за уточнение этих данных благодарю профессора В. Г. Дидковскую).

Сегодня интернет сообщает, что в Великом Новгороде более 1000 магазинов (<https://zoon.ru/vn/shops/>), но имён, конечно, существенно меньше, прежде всего потому, что современная торговля сосредоточена главным образом в сетевых магазинах, и их названия можно встретить в городе десятки раз: **«Магнит»**, **«Пятёрочка»**, **«Лента»**, **«Верный»**, **«Красное и белое»**, **«Настоящий вологодский продукт»**, **«Великолукский мясокомбинат»**. Ушли из городского пространства сети **«Дикси»**, **«Полушка»**, **«Квартал»**, **«Вольный купец»**, который, прежде чем исчезнуть, превратился в **«Разницу»**. Из всех этих сетей новгородские – **«Осень»** и **«Лактис»**. Последняя сеть специализирована на молочных продуктах; **«Великолукский мясокомбинат»** – на мясных, остальные сети – продовольственные, но их реальный ассортимент довольно широк.

Несетевые магазины отличаются специализацией, иногда довольно узкой, их можно охарактеризовать, если иметь в виду, что ситуация торговли складывается из таких элементов и участников – продавец, покупатель, бенефициент (для кого покупают), товар, место торговли. Вообще говоря, практически не актуализируется семантика ‘покупатель’; самый актуализируемый смысл – ‘товар’ (типичные названия магазинов **«Продукты»**, **«Ткани»**, **«Овощи фрукты»**); достаточно часто – ‘бенефициент’ (типичный **«Детский мир»**, **«Товары для женщин»**), редко актуализируется локальная семантика (**«Вокзальный»**).

Магазины в современном Великом Новгороде специализируются в двух направлениях – в отношении товара и бенефицианта. Так, товары можно представить ключевыми смыслами ‘человек’, ‘дом’ и ‘техника’. В первую группу входят магазины продовольствия, в том числе кулинарии, кондитерские; далее магазины одежды и ткани для неё, цветов, сувениров, фейерверков. Во вторую группу входят магазины мебели, штор, бытовой техники. Магазины техники включают автомобильные салоны, магазины мотоциклов, велосипедов.

Магазины, специализированные в отношении бенефицианта, – это магазин для детей, новобрачных, спортсменов, охотников и рыболовов, садоводов, рукодельниц, наконец, для животных. Конечно, нельзя предполагать, что всех магазинов в городе «поровну» и что они именуется по одним принципам, но, что важно заранее отметить, в названии могут присутствовать несколько элементов ситуации, например, товар и место, как в случае **«Продукты из Белоруссии»**. Для ономастического портрета города важно не перечислить все эмпоронимы, а показать их характерные черты, поэтому представляется целесообразным оставить

в тени названия магазинов для дома и техники, остановившись подробно на названиях магазинов, которые условно можно назвать «всё для человека», среди них противопоставляются эмпоронимы «съестные» и «вещные».

«Съестных» эмпоронимов не так много, потому что они потеснены сетями. Кстати, уже нет, но был магазин с названием «Естный», и существовала «Съестная лавка». Нынешние съестные магазины в основном не обнаруживают больших ономастических амбиций, ограничиваясь вывеской «Продукты», то есть обходятся без имени собственного. Но есть и магазины с названием: «Домашняя еда от Степаныча», «Околица», «Муравей».

Специализация в отношении товара может быть и более узкой: название «Рыба Fish» становится именем собственным за счёт перевода на английский язык, не совсем понятно, для кого из новгородцев предназначенного; эмпороним «Сыр и не только» подкупает своей разговорностью. К продовольственным магазинам относятся кулинарии, которые выбирают привлекательные домашние имена – «Ладушки», «Шарлотка». В последнее время появились магазины чая и кофе с простыми названиями «Новгородский чайный двор», «Заварка» и выразительными «Море чая», «5 o'clock». Последнее название – это не просто часть английского выражения *five o'clock tea*, а культурная цитата, отсылающая к старинному британскому аристократическому обычаю пить чай в пять часов пополудни [Смицкий 2017]; конечно, в названии чайной лавки и аристократизм, и пять часов пополудни нейтрализованы, актуализирован только смысл 'чай'. Помимо чая, в таких лавках, как

сообщает реклама ВКонтакте, есть «зерновой кофе, сладости, посуда и незабываемые стильные подарки для любого праздника или события», то есть чай – заглавный товар.

Названия мясных магазинов используют разные виды мотивации: от продавца – «Лавка Кулика», «Добрый Тим», до товара – «Наш мясной», «Парное мясо», «Новгородский бекон», при этом смысл 'товар' может соединяться со смыслом 'место' – «Индейкино подворье». Для эмпоронимов этого типа характерна мотивация «отпроизводителя» – «Новсвин», «Великоновгородский мясной двор», «Ермолино», «Весёлая ферма», «Утро на ферме», «Дымная кухня». Таким образом, номинативная ситуация расширяется, включая нового участника.

Не чужда «мясным» эмпоронимам языковая игра, так, вывеска со словом «Каприз» намекает на присловье «Любой каприз за ваши деньги» (?); название «Мяскомъ» с использованием буквы Ъ (*ep*) намекает на архаичность, а в названии обыгрывается омонимичность диминутива *мяско* в выражении, например, «побаловать мяском» и советских аббревиатур типа *местком*, *профком* с аббревиатурой *ком* = *комитет*. Интересно название «Шинколюбово», образованное как ойконим с основами *шинка* в значении 'мясной деликатес' и *любить*. Игра с предложениями, характерная для современной эргонимии, представлена среди мясных эмпоронимов названиями «У Назара Мясо Есть» и «Есть Вкусно». Языковые игры выходят и за пределы русского языка: эмпороним «Beefstory» сразу же вызывает в памяти *lovestory*, и смысл этого креативного названия понятен – особая мясная история + английский язык + креативность; мы же по-английски знаем не только любовные истории, но и *бифстроганов*, и «ростбиф окровавленный» хотя бы в «Евгении Онегине».

Кондитерские, число которых не так велико, называются, именуя собственно заведение – «Кондитерская № 1», производителя – кондитерский цех «Волховец», сеть «Счастливая пекарня»; товар – «Корица», «Трюфель», «Бриошь». Последнее название имеет в виду французскую сдобную булочку особой формы [Крысин 2007: 143], кстати, в Москве это название пишется, как правило, без мягкого знака – «Булочка Бриош» (<https://foxtime.ru/news00121.html>). Есть, как и среди других эмпоронимов, названия, не мотивированные элементами ситуации торговли или производства товара – «Купава» (водная лилия), «Анея» (имя женщины, связанное с именем Анна).

Магазинов алкоголя в городе гораздо больше, но названий не так много, потому что все они – сетевые. Так, вывеску алкомаркета «Градусы» можно найти в любом районе города, так же, как и «Эконом». Хорошо знают новгородцы вывески «АлкоХолл», «Алкомаркет», «Три бочки», «Эмилия», «Август», «Пятница», «АлкоНовТорг», «Зелёный» (у последнего есть омоним – садовый магазинчик «Зелёный»). Информировать о производителе вывески «Алкон», «Магазин винзавода Millstream» (находится на Таманском полуострове). Удивительно название магазина «Бутлегер» – американское слово, возникшее во времена сухого закона, обозначает тех, «кто занимается незаконным ввозом и продажей спиртных напитков», в нем соединяются слова ‘сапог’ (*boot*) и ‘нога’ (*leg*): первоначально бутлегеры проносили через границу бутылки с вином, пряча их за голенищами сапог [Крысин 2007: 148]; магазин предлагает товары для самогонарения, виноделия, пивоварения, семантически его можно интерпретировать как предложение стать бутлегерами всем, то есть название адресатно-ориентированное.

Соотносятся с разными элементами ситуации винопития и виноделия названия магазинов «Виноград», «Солод», «Штопор». Названия этих прозаических магазинов актуализируют имена античной культуры – «Бахус», «Дионис» и претендуют на глобальность – «Градусы всего мира». И тут не обошлось без женских имён – «Любава».

Особое место среди таких торговых заведений занимают недавно появившиеся магазины разливного живого пива. Одни из них называются просто, предъявляя свой товар – «Пиво», «Разливное пиво», «Живое разливное», «Живое пенное»; его конкретную марку – «Жигули», «Чешский лев» (*Český Lev*); или в странном сочетании – «Кофе & пиво».

Характерно при этом, что в представлении товара используется как русское слово *пиво*, так и английское, в том числе написанное на языке оригинала – «Бирлэнд», «Blonder Beer», «Bierstube», «BeerGrad», «Beer Break», а несколько лет назад были ещё «Beerлога», «Beer Harbour». Такое распространение англо- и немецкоязычного наименования пива, и не только в Великом Новгороде, конечно, обсуждался в научно-популярной статье, где выражалось сожаление не столько по поводу «иноязычия» пива, сколько по поводу его обилия [Шмелева 2010].

Здесь только однажды актуализируется семантика производителя – «Мануфактура Дёмкиных». Место торговли обозначается на вывесках «Пивной магазин», «Пивной дворик», «ПиваСница», «Отправная точка отдыха».

Специфичны для пивных эмпорнимов имена, мотивированные объёмами напитка – «Бочонок доброго пива», «Большая кружка», «Кружка пенного», «Пинта», «Лит. Ра». Как цель ситуации употребления пива прочитывается имя пивной лавки «Хмель». Один из таких магазинов получил имя морячка из американских мультфильмов – «Папай» (может быть, владельцы не захотели расставаться с любимым мультяшным героем детства?)

Итак, алкогольные эмпорнимы (более 40 имён) занимают существенное место в городском ономастиконе, они весьма разнообразны и иногда даже креативны. Следует заметить, что этот вид торговых заведений соединяет черты магазинов и «распивочных», что отражается в их терминах, чаще всего это *магазин-бар* или *магазин-паб*.

В целом «съестные» эмпорнимы представляют гастрономический репертуар новгородцев и в ономастическом портрете занимают важное место. Их число из-за прессинга сетевых супермаркетов уменьшается, но тип небольшого съестного магазина, а значит, и съестного эмпорнима из современной городской среды не исчезает.

Магазины вещей тоже разнообразны: одежда, ткани, сувениры, фейерверки и цветы. Первые нужны всегда, а потребность в последних возникает в определённых ситуациях: сувениры вручают, как правило, гостям города, фейерверки и цветы нужны в ситуации праздника – общего или семейного. Поэтому «вещные» эмпорнимы лучше зафиксировать в ономастическом портрете в соответствии с ранжированием вещей.

Магазины одежды и обуви иногда обходятся без имён собственных, ограничиваясь вывеской «Магазин одежды и обуви», и наряду с этим выбирают названия, мотивированные различными элементами ситуации торговли вещами:

товар: «Нужная вещь», «#моявещь», «Гардероб от а до я», «Планета одежды и обуви», «МегаМир одежды и обуви», «Парад одежды», «Три носка», «Носочки», «Всегда радуга тканей», «Ивановский текстиль»; уже установилась традиция обозначать одежду по брендам модной одежды с международной известностью – «Gerry Weber», «Modis», «O'STIN», «Sela», «Zolla», «oodji» (российская компания, кстати); товар может быть представлен по тому, откуда его достали – комиссионный магазин «Сундучок»;

цены и деньги: «Смешные цены», «Urban Outlet», «Малина Outlet» (если знать, что аутлет – это продажа брендовых вещей со скидками), «Мегахенд» (если догадаться, что это большой магазин секонд-хенд), «Кошелек», «Все по карману»;

покупатель: «Заходи».

Естественно, что наряду с «мегамиром одежды и обуви» есть магазины, специализированные на одежде, например, для холодных сезонов – курток, пальто: «Сезон», «Арктика», «Northwestfur» (это, кстати, российская компания, как удалось уточнить в её офисе, название – аббревиатура из английских слов, восходит к названию «Северо-Западная меховая компания»), «Volero»; к ним примыкают магази-

ны меха и дублёнок с названиями «Мягкое золото», «Босфор», «Золотой Овен». Среди этих магазинов есть и такие, которые выбирают названия безотносительно к характеру товара: «Petroff», «Елена», «Респект для тебя».

С другой стороны, магазины специализируются на вещах, сделанных из определённого вида ткани:

лён – «Русский стиль», когда-то был «Русский лён»;

трикотаж – «Трикотажные истории», «Ивановский трикотаж», «Иван-да-Марья», «Размер», «Тривел» (трикотаж великолукский – не только мясом радуют новгородцев Великие Луки);

джинсовая ткань – «Магазин джинсовой одежды», «Джинсы Плюс», «Джинсовый рай», «Max Jeans», «Jeans House», «Gloria Jeans», «Denim», «Whitney Club», «Ковбой», «Mustang».

Активное использование в городском ономастиконе слов *джинсы*, *деним* и производных требует объяснения их происхождения. Оба названия хлопчатобумажной ткани происходят от названий европейских городов: *первое* – это американское произношение топонима *Генуя* (через старофранцузский) [Крысин 2007: 249], а второе – французская конструкция *из Нима* – города на юге Франции. Первое слово освоено русским языком, оно приняло форму, характерную для слов типа *штаны*, *брюки*, а ведь ещё в 1960-е годы их называли описательно: *...сестра присылала ему рисунки причесок, яркие рубашки и тexasские штаны с заклепками и молниями* (Вл. Орлов. Солёный арбуз // Юность. № 9 / 1963) [Крысин 2004: 154]. Несмотря на освоенность вещи и слова, оно и сейчас воспринимается в американском контексте, недаром среди эмпоронимов – *ковбой* (как носитель джинсов) и *мустанг* (дикая лошадь, которых приходилось ловить ковбоям). О различиях этих тканей можно прочитать на специализированных сайтах, см., например, «Деним или джинс?» (<http://textilprofi.ru/denim-ili-dzhins/>), однако в речи горожан их отличия не существенны.

Как и во всех других случаях, «вещные» эмпоронимы могут быть семантически не связаны с ситуацией торговли: «Континент», «Домовенок», «Белоснежка», «Калинка», «Мистерия». Иногда связать название с характером магазина трудно. Так, почему для магазина одежды выбрано имя «Сквончи»? Это, как выяснилось, антропоморфное кошачье существо из мультсериала «Рик и Морти».

Магазины «KuKusiki», вывески которых производят впечатление японских, остаются загадкой. С помощью интернета удалось найти фирму с таким названием в Краснодаре, но она производит семечки и близкие товары. Можно было бы воспользоваться толкованием слова на белорусском женском форуме «Velvet»: «*Вычислить кукусику среди обычных мужчин довольно просто: его отличают необычная инфантильность, зашкаливающее чувство собственной важности, а также непоколебимая уверенность в том, что ему все вокруг должны. Кукусизм начинает проявляться лет после 25-ти, после 30-ти он уже оче-*

виден, а в 40 лет – самый расцвет» (<https://www.velvet.by/articles/stilzhizni/obshchestvo/vy-znaete-kakikh-belorusov-nazyvayut-kukusikami>). Но наши магазины специализируются на женской одежде. Звонок в фирму тоже не дал результатов: работники уверяют, что название ни к чему не привязано, просто название магазина.

Обувные магазины в основном берут понятные названия – «Обувь», «Наша обувь», «Удобная обувь», «Белорусская обувь», «Европейская обувь», «Обувной дворик», «Обувной перекресток», «Обувайка», «Черевички», «Сапожок», «Фаворит», «Виктори Плюс», «Находка», «Пятый сезон». Вывеска «Саламандра» отсылает к названию немецкого бренда.

Не обходится среди «обувных эмпоронимов без иноязычия. Так, в 2006 году открылся небольшой магазин с названием «Шуз» с рекламным слоганом «Движение без обуз», что стало сюжетом одной из публикаций, где пришлось вспомнить словечко из молодежного сленга – *шузы*, обозначающее модные ботинки [Шмелева 2006]. Магазин быстро исчез, а сегодня в другой части города есть вывеска «StopShoes».

Интересный случай представляет собой название магазинов, одноимённых с фирмой «Zenden», которое производит впечатление европейского. В аналитической статье делового издания узнаем, что её владелец Андрей Павлов вырос в деревне Заручевье Поддорского района Новгородской области, в армии служил в Москве, после этого не поступил на футбольную кафедру Великолукской государственной академии физкультуры и спорта, вернулся в Москву, где с друзьями занялся мелкой торговлей, из которой и сложилась фирма. «Название Павлов придумал в обычной для того времени логике, чтобы привлечь покупателя „заграничностью“, Отчасти названием компания обязана голландскому футболисту Будевейну Зендену (Павлов остаётся большим любителем

футбола)» [Левинская 2017]. В статье не говорится, известно ли голландскому футболисту о том, что его имя носит одна из самых мощных в России обувных компаний. Получается, что название иностранное, хотя взял его для своей фирмы наш соотечественник и даже земляк. К вопросу о мотивах выбора эмпоронима: как выясняется, владельцы обращаются к ценным для них понятиям и персонам.

Наряду с общими магазинами одежды в Великом Новгороде, как и в других городах, есть, так сказать, гендерно специализированные – для мужчин и для женщин.

Названия мужских магазинов – «Мужской стиль», «Оскар», «Константин», «Сокол», «Берлин», «ШКАФ» (шоу-рум мужских костюмов), «Truvor». Как можно заметить, маскулинность эмпоронимов создаётся явным указанием на мужчин, использованием мужских имён, привлекаются к наименованию магазинов и такие смыслы, как место создания товара и место его хранения. Особого замечания требует последний эмпороним: он как будто бы отсылает к имени одного из братьев Рюрика – Трувора и Синеуса, с которыми, согласно легенде, князь прибыл на Русь, двинувшись в Новгород, Трувору достался Изборск, а Синеусу – Белоозеро. Но это будет не совсем верный ход, так как в данном случае имеется в виду торговая марка мужских костюмов, которая принадлежит Псковской швейной фабрике «Славянка» и имеет хорошую репутацию.

Женские одежные эмпоронимы разнообразнее. Здесь феминность создаётся прежде всего женскими именами (традиционный способ) – «Галина», «Марина», «Евгения», «Анастасия», «Дарина», в том числе иностранных, изображаемых с помощью кириллицы и латиницы – «Милен», «Николь», «Dalida», «Elisabetta», «Natali», «Vicky», «Делла»... Мотивированность эмпоронима женским именем можно считать косвенной, а прямо она выражается в названиях «Мир женщин», «Для милых дам» и «Всё для тебя». К именам присоединяются престижные обозначения женщин – «Миледи», «Леди Икс» (это деликатное обозначение полных женщин, товарами для которых торгует магазин), ироничное «Miss Kapris» (магазин нижнего белья) и комбинированное «Обаяшка» (магазин одежды и бижутерии).

Второй круг эмпоронимов женских магазинов одежды соотносится с понятиями моды, стиля, бренда и имиджа – «Модный дом», «Модный рай», «Trend», «Имидж», «Новый образ», «Style», «ShinelBrend», «Glance». Естественны здесь и известные бренды, например, «La Danza».

При обозначении товара для женских магазинов характерно указание на то, откуда они: «Польская одежда», «Польская мода», «Белорусская одежда», «Хорошенькие платья из Прибалтики», «Vesta» (одежда из Прибалтики). Магазины нижнего белья, кроме вывески «Miss Kapris», предпочитают слова «Гипюр», «Грация», указывающие на материал, из которого шьют бельё, и эффект, который с его помощью достигается. Другая специализация в продаже женской одежды обходится без имён собственных – «Магазин женских брюк».

Из элементов ситуации торговли в наименования женских магазинов попадают «Ассортимент», «Этикетка», «5 манекенов» (где действительно пять манекенов, проверено).

Вне ситуации торговли в названия женских магазинов вовлекается лексика, служащая сигналом «сладкой жизни»:

«Карета», «Лайм», «Malina». Латиница призвана усиливать эффект «дольче вита».

Владельцы женских магазинов практически не используют наименования по месту расположения заведения в городе, тем не менее есть салон женской одежды «На Власьевской» (улица в центре города).

Необходимо отметить, что магазины женской одежды используют для терминологического обозначения своего заведения не только остающийся самым популярным термин *магазин*, но и всё чаще – *салон* и *шоу-рум (showroom)*.

К женским торговым заведениям относятся и магазины сумок, которые выбирают адресатные названия типа «Твоя сумка» и (чаще) претенциозные типа «Империя Сумок», «1000 и одна сумка», «Элита». Намёк на то, что сумки нужны для путешествий, содержится во французском названии небольшого магазина «Voyage».

Скорее к женским принято относить ювелирные магазины, которые получают названия простые – «Ювелирный» или «Ювелирторг». Непретенциозными выглядят «ювелирные» эмпоронимы, мотивированные обозначением товара, – «Золото», «Русское золото», «Фамильное золото», «585 Золотой», «Серебро», «Аквамарин», «Кристалл», «Корона». Обращаются и к иноязычной лексике и необычным сочетаниям: «Адамас» (так по-гречески называют алмаз, на вывесках ювелирных магазинов означает российскую фирму, имеющую торговые точки во множестве городов), «Инфинити» (новгородская фирма, взяла себе в название английское слово со значением ‘бесконечность’, правда в кириллическом написании), «Серебряное настроение», «Золотой лотос», «Линии любви». Не обошлось и без латиницы – для написания русского слова «Skazka» и иноязычных – английских – «Jewerlystore» (‘ювелирный магазин’), «Diamond» (‘бриллиант’), «Sunlight» (сеть ювелирных магазинов, буквально – ‘солнечный свет’); особо стоит эмпороним «Pandora» (датский ювелирный дом, слово из древнегреческой мифологии, имя девушки, созданной Гефестом из земли и воды, известна тем, что из любопытства открыла ящик всех человеческих несчастий – ящик Пандоры) [Крысин 2007: 560].

Магазинов цветов в городе, как сообщает интернет, больше ста, но имён, как уже понятно, меньше, хотя не так мало.

Разнообразна и терминология торговых заведений – *магазин цветов* или *цветочный магазин*, но есть и варианты – *магазин-салон*, *салон цветов*, *киоск по продаже цветов*, *цветочный арт-салон*, *гипермаркет цветов*, *цветочная лавка*, *цветочная мастерская*, *флористический салон*, *студия букетов в иляпных коробках*, *бутик интерьера*; присоединяется к ним термин-название «Цветочка» – как можно понять, торговая точка, где продают цветы; эта неожиданная аббревиатура встречается в разных городах, но пишется иначе.

В обозначение ситуации торговли цветами включены прежде всего обозначение тех, кто выращивает (поставщик), продаёт (продавец), покупатель и тех, кому предназначены цветы (их редко покупают для себя); наконец, повод для дарения цветов.

Таким образом на вывесках появляются «ЦветНовТорг», «Флорист.ру» и «Цветочница»; «Юбилей», «Семейные традиции», «Праздничная мозаика».

Чаще всего в названиях цветочных магазинов, как и следовало ожидать, появляются лексема *цветы* и «Цветы», «Цветы 53» (индекс региона), «Цветы 24 часа», «Цветы.ру», «Цветы.Про», «Флора», «Флора 53», «Люксфлор». Среди цветочных эмпоронимов есть названия, которые можно было бы представить формулой «цветы +»: «Цветы Зелёного хозяйства» (+ поставщик),

«Цветы у Анны» (+ продавец), «Маруся цветики» (+ неясные отношения), «Цветы за полцены» (цена как элемент ситуации торговли цветами обычно деликатно опускается), «Говорящие цветы» (+ характеристика, причём необычная), «Дари цветы» (+ императив и расширение ситуации). Особый тип таких названий «цветы + пространство их обитания»: «Мир цветов», «Цветочный мир», «Цветочный город», «Цветочный дворик».

Естественны для таких названий ботанические термины – «Хризантема», «Кактус», «Азалия», «Жасмин», «Амариллис», «Лаванда», «Иван-да-Марья», «Ирис», «Глориоза», «РозаРио», «Амелия» и «Белая Амелия» (это сорт роз, как мне объяснили по телефону сотрудники салона), «Игуана» – это не маленький дра-

кончик, как можно сразу подумать, а тоже сорт роз. Интересно сочетание ботанического термина с этикетным словом – «Дон Пион».

Конечно же, магазины цветов «говорят» не только на русском языке и пишут не только на кириллице. Так, кириллически обозначаются латинское название подснежника «Галантус», итальянские слова – урбоним «Флоренция» (кстати, на латыни значит ‘цветущая’) и женское имя «Флоранс» (в том же значении), «Беллиσιμο» (‘прекрасно в высшей

степени’); испанская «Фiesta», французское «Арабески» (если это орнамент, а не немецкая поп-группа). На языке оригинала присутствуют английские цветы с разными «добавками» – «Bflowers», «Flowers_Bant», «Opaz-Flower», немецкий «Edelweiss», французский горшочек с цветами, записанный почему-то в транскрипции «Pot-e-fleur» (по-французски пишется *pot-et-fleur*), итальянские цветы и флора «Amore + Fiori», «Diva Flora», название столицы Каталонии «Barcelona», армянский бренд торговли цветами на латинице «Brabion».

Есть, конечно, и «смешение французского с нижегородским», например, «Royalrose & Бутони»: английская часть переводится в слогане «Цветы, достойные королевы!», под звёздочкой – буквальный перевод ‘королевская роза’; а *бутони* – это

русское слово *буто́н*, но на французский лад, как мне объяснили в салоне; правда, ударение не на последнем слоге, но это потому, что покупатели стали читать с ударением на втором слоге, а кто с ними спорит.

Среди обозначений цветов легко встретить прецедентные имена: «Миллион роз», «Аленький цветочек», «Семицветик». Обычно в названии магазина и слово *букет* – «Русский букет», «Модный букет», «Трибукета».

Как и в любом фрагменте эмпоронимии, среди названий цветочных магазинов есть внеситуативные, это прежде всего женские имена – «Натали», «Милага», «Аня», «Вера, Надежда, Любовь», «Мария» – и слова, которые относятся к лексикону женщин – «Каприз». Можно считать, что это косвенное обозначение тех, для кого покупают цветы, учитывая их капризы. Но это будет слишком вольная интерпретация.

Итак, цветочные эмпоронимы представляют заметный и интересный фрагмент ономастического портрета города, внося в него эстетический момент – прежде всего названия цветов на разных языках, они украшают город словесно и визуально.

Возвращаясь к специализации вещной торговли, рассмотрим названия, ориентированные на особых бенефициентов – детей. О них прямо говорят вывески таких магазинов: «Дети», «Мир детства», «Империя детства», с помощью идиомы – «Мал-Мала-Меньше».

Грамматический способ выражения семантики «малости» – диминутив, которому присуща экспрессия детскости [Шмелева 2009], который используется и в названиях детских садов, как уже указано, обычен и для детских магазинов – «Магазинчик», «Василек», «Смайлики» (хотя эти милые рожицы используют в письме взрослые, в них есть что-то детское).

Кроме того, семантика детства выражается предикативной единицей «Растём вместе», английскими выражениями «KIDDY CLUB», «PlayToday». Так же, как для называния взрослых магазинов, для детских используются имена, например, «Ксения», чаще в таких формах, которыми обращаются к детям – «Настенька», к ним примыкает и эпитет, которым называют непосед, – «Егоза». Из мира детства в круг детских эмпоронимов включены такие слова, как «Карамельки», «Карусель». Оказывается, мир детства невозможно представить и без сказочной страны «Лимпопо», героев мультфильмов («Том и Джерри») и животного мира («Лисенок», «Стрекоза»), животные выбираются и большие («Жираф», «Кит»).

Интересно, что основной детский магазин назван «Шнурки» – словом, обозначающим самую маленькую часть ботинка. Такая же маленькая деталь одежды – голубая пуговица – мотивирует название

бренда «Button Blue» (<http://gudmoda.ru/articles/brendy-na-bukvu-b/istoriya-brenda-button-blue/>), магазин которого есть и в Великом Новгороде (наверное, по-русски это была бы «Голубая пуговка»).

Таким образом, диминутивная семантика «малости» поддерживается в детских эмпоронимах целым рядом имён – от *магазинчика* до *шнурков*, включая *лисёнка*. Это можно считать главной тенденцией наименования детских магазинов.

Если вернуться к взрослым бенефициентам, то, судя по эмпоронимии, для новгородской торговли наиболее важны новобрачные, спортсмены, рыболовы, садоводы и рукодельницы.

Свадебный салон – довольно новое заведение для российского города, постсоветское. В Великом Новгороде есть уже классические свадебные салоны, которые носят простые и понятные названия: «Свадебный мир», «Свадьба 53», «Для тебя», «Ты и я», «Важная дата»,

«Любовь», «Кадриль» (как эмблема веселья). Чтобы отойти от сложившегося стандарта, называют заведение иначе, но вполне понятно – «Салон Свадебных Нарядов».

Может быть, не всем понятно, но известно из классической русской литературы «Комильфо»: это французское выражение *comm eil faut*, означающее буквально ‘как нужно’, использовали как критерий соответствия светским требованиям внешнего вида и поведения; в «Евгении Онегине» Пушкин так характеризует Татьяну как светскую даму: «*Всё тихо, просто было в ней, / Она казалась верный снимок / Di comm eil faut... (Шишков, прости: / Не знаю, как перевести)*». Хотя и мы не можем перевести его на русский язык, это выражение воспринимается как модное, и его использует свадебный салон, что можно интерпретировать примерно так: у нас всё как надо, современно выражаясь, на уровне.

Другие подобные заведения эксплуатируют в своих названиях семантику «нездешности»: «Фея», «Версаль», «Андромеда»; странно при этом выглядит в этом ряду «Золушка», но ассоциации с героиней сказки, видимо, не смущают владельцев и клиентов. Фраза по-английски в названии свадебного салона «Marryme», означающая ‘выходи за меня’, как бы фиксирует события, следующие за предложением.

За каких-нибудь двадцать пять лет от магазина свадебных платьев пришли к свадебной индустрии и множеству заведений, её обсуждающих. Это прямо отражается в названии «Студия Свадебных событий». Оформление событий обеспечивают такие заведения, как «Муркины безделушки» (свадебные аксессуары, бижутерия, приглашения на свадьбу), студия дизайна «Испира» (название дизайнерской бумаги), «Свадебная мастерская», «Центр свадебной моды и дизайна».

Тенденцию не ограничивать возможности надеть красивое платье свадьбой отражает название «Салон свадебной и вечерней моды Wedding Gallery».

Магазины спортивной одежды называются «СпортАктив», «Лидер», «Boston», «Золотая шайба».

Рыболовам предназначены магазины с названиями о них самих – «Рыболов», «Рыбак», «Рыбачок», «Фишман шоп», «Щукарка», «Мечта рыбака», «Рыбомания»; и о рыбе – «Большая рыба», «Леш», «Судачок», «Окушок», «Малёк», тут же почему-то «Пирания» и «Пеликан» (совсем не рыба, но ловец рыбы). Ситуация рыбалки разворачивается в названии «Клевое место» (уже закрыт) и обозначении инструментов – «На крючке» и «Квок» (приспособление для ловли сома). Большая удача, видимо, связывается с названием «Шок» (или неудача).

Было бы неправильно не заметить такого бенефицианта, как домашние животные, товары для них покупают в магазинах, в названии которых фигурирует зоо-: «Зоомагазин», «Зоо-ника», «Зоомир», «Континент Зоо», «Зоомагия», «Зоотовары», «Зоолог» (это сеть со множеством магазинов) и обозначение рода занятий – «Аквариумистика».

Большая часть иных названий связана с обозначением животных – «Четыре лапы», «Белый Бим», «Хаски», «Котопёс», «Золотая рыбка». Появляется в названии обозначение товара – «Корма для животных», хозяйка – «Дама с собачкой».

И уже традиционно не обходится без иноязычия – «Petshop», что в переводе с английского значит «магазин для питомцев».

Итак, новгородские эмпоронимы вносят в ономастический портрет города разнообразные штрихи, отражая жизнь горожан в самых тонких деталях, показывая их вкусы и культурные предпочтения, и при этом связывая Великий Новгород с десятками российских городов именами сетевых магазинов. Практически все виды эмпоронимов включают иноязычие и написание на латинице, очевидна при этом тенденция к оригинальности и связь с русской культурой.

3.3.5 Имена заведений еды, или трапезонимия

Трапезонимы как имена заведений еды (и питья, конечно) появились в Новгороде едва ли не первыми из городских имён. Так, в 1900-х годах в местных газетах упоминался расположенный на Легощей улице (ныне Людогоща) трактир «Ладога», который стали называть «Старая Ладога» после того, как на Завальной улице появился трактир «Новая Ладога» [Кириллов 2018: 40]; в 1910–1911 годы на Чудинцевой улице был трактир под названием «Орёл» [Там же: 61].

На фоне этого скромного списка современный Великий Новгород, как сообщает интернет, располагает более чем 300 заведениями еды и питья. Прежде всего следует отметить, что эти заведения пользуются другой терминологией: хотя совсем недавно был один трактир «Ленком» (в этом трапезониме парадоксально сочетались дореволюционный термин и советское название), но считать этот термин популярным не приходится. Наиболее употребительны термины *кафе, ресторан, бар, паб*, в последнее время возродились и сразу размножились *кофейни* и *столовые*. Есть уникальные термины – *траттория, чайхана, гастробар, ресторан быстрого питания*, на английском языке – *FoodHouse & MixBar*; но в основном в ходу приведённые в начале списка. Как уже отмечалось при описании магазинов разливного пива, многие из них соединяют торговлю с возможностью там же испить напиток, отсюда гибридные термины типа *магазин-бар*, которые пополняют терминологию как эмпоронимов, так и трапезонимов.

Ситуация еды предполагает таких участников, как субъект – тот, кто кормит (владелец, или, как сейчас принято говорить, ресторатор; повар, официант) и клиент. Кроме того, здесь важны сама еда (блюда или то, из чего их готовят), инструменты еды, а также место приготовления еды – кухня, это слово становится и характеристикой еды («прекрасная кухня», «русская кухня», «итальянская кухня»), и местом заведения в городе. Существен и результат еды – состояние сытости. Практически все эти элементы ситуации оказываются мотивирующим началом для новгородских трапезонимов.

Как легко предположить, главным мотивирующим моментом в ситуации еды оказывается сама еда; в новгородских трапезонимах она отражается в таких названиях: столовая «Борщи», кафе «Варенье», «Два перца», «Лазанья», «Огурец», «Изюм», «Кинза. Еда с акцентом», ресторан «Нурма». Иносказательно обозначается кофе в названии кофейни «Чёрный континент». Как видно из этого списка, мотиваторами выступают названия блюд и растений, используемых в еде, а также место, где их выращивают.

И очевидно противопоставление экзотических и «родных» блюд и растений, чуждость первых подчёркивается написанием на латинице и добавлением к названию кафе «Кинза». Можно считать, что к этим названиям относится и англоязычное FoodHouse&MixBar «**All Ready**», поскольку «всё готово» говорится прежде всего о еде. Ставшие необыкновенно популярными суши обозначаются на вывеске кириллически наряду с термином заведения: «**Сушишоп**», «**Сушимаркет**», «**Суши-бар**», «**Центр Суши**», «**Сушихауз**». Название не менее популярной пиццы тоже обычно включается в название заведения – «**Пиццерия**», «**ДодоПицца**», «**ПиццаФабрика**».

Наконец, стоит назвать самую демократичную еду из популярной среды новгородцев – шаверму. Здесь надо напомнить, что российские города разделились на те, где произносится и пишется «шаверма», и те, где – «шаурма». Этот момент региональных языковых различий отражает особый указатель в Валдае, расположенном между Москвой и Петербургом: на одной его

стороне (к Москве) написано «шаурма», а на другой – «шаверма».

Великий Новгород именно в этом ареале, и обозначение блюда фигурирует как название десятков небольших заведений «**Шаверма**», в том числе «**Шаверма № 1**», кроме того, прибавляет автомобильный индекс региона «**Шаверма 53**», уточняет технологии «**Шаверма на углях**», принимает урбоним, переводя название блюда в «жанр» заведения – шаверма «**Великий Новгород**»; «**Шаверма Senior**» придаёт себе испанский лоск; самое остроумное из таких названий – «**ShauRoom**», пародирующее модный среди магазинов одежды термин *шоу-рум* в английском написании.

Так еда получает разнообразное отражение на вывесках заведений – от шавермы до изюма. А из напитков наиболее последовательно проявляется пиво, прежде всего в терминах заведений – «своём» *пивбар* или заимствованном из британской культуры *паб*; изобретением оказывается *магазин-бар*, о котором уже шла речь; а затем – в названиях пивных заведений, которых оказывается не так много, потому что пиво подают везде, но всё-таки есть – «**Впиве**», «**Жигули**», «**Пивная гавань**», «**Beer&food Мануфактура**». Из напитков, обозначенных на вывеске заведения, нельзя не отметить «**Абсент**» – это название полынь-

ной настойки [Крысин 2007: 29], известной у нас скорее из литературы, например, Ремарка.

Субъекты ситуации еды проявляются, хотя и не прямо, в названиях по-русски – кафе «**Жарим мясо**», фастфуда «**КручуВерчу**» и по-английски – Restaurant&Brewery «**Brewmen**» (это искусственное слово, буквально «пивной человек», «пивовар» по-английски – *brewer*), «**McDonalds**» со значением «основатель компании» (в молодёжном сленге «Мак» и «Макдак»). К ним можно присоединить и названия «**Шкипер**» и «**Адмираль**», формирующие представления о символических хозяевах заведения, названия которых вынесены на вывеску.

Обозначение клиента непопулярно в новгородских трапезонимах, его можно увидеть в названиях-предложениях «**Хочу торт**» и «**Хочу шаверму**», которые воспринимаются как реплика, предшествующая реализации желания и походу в соответствующее заведение.

Из инструментов еды популярна ложка: столовая «**Большая ложка**», кафе «**Чайная ложка**»; наряду с ними популярны палочки для суши: суши-бар «**Хаси-студия**». Инструменты приготовления пищи отражаются в наименовании кофеен «**Кофемолка**» (здесь важно, что и сама форма этих заведений напоминает кофемолку, двойное обозначение – вербальное и визуальное) и в трапезониме «**Суши Wok**» (здесь обозначение блюда соединено с инструментом).

Прямым обозначением кухни мотивировано англоязычное название «**My Kitchen**». Более распространено обозначение кухни через географические координаты,

так, понятно, что в ресторане с названием «**Napoli**» (Неаполь считается родиной пиццы) – итальянская кухня и пицца подается непременно; так же, как и в траптории «**Тепло**», где итальянскость создаётся не именем, а термином заведения.

Место в городе и за его пределами фиксируется в названиях кафе «**На Сенной**», «**Столовой на Великой**», ресторанов «**У ЗАГСа**» и «**Юрьевское Подворье**».

Для внеситуативных трапезонимов выбирается лексика с позитивной оценочностью – «**Белые ночи**», «**Ваниль**», «**Дом коромыслом**», «**Счастье**», «**Адреналин**», «**Буги Вуги**». Активно привлекаются слова с коннотациями русской традиционной культуры, фольклора: «**Сказка**», «**Скатерть-Самобранка**», «**Застолье**», «**В Гости**», «**Суда**

рушка», «Лада», «Три желания», «Золотая рыбка», «Колобок», «Золотой ковш», «Подкова», «Папоротник», «Ивушка», в том числе новгородской – «Садко», а также литературы и кино – «Три толстяка», «Малиновка».

Почерпнутое из зоолексикона название «Лисья нора» сменило «Белую сову», есть ещё паб «Losь», бар «Павлин», но вообще-то названия такого рода в городе не популярны. Эффектно выглядит цитата из повседневного красноречия в названии гастробара «Наффига козе баян?!» с включением латинских букв.

Профессиональные предпочтения ощущаются в трапезонимах «Компас» (в том же доме – организация архитектурно-строительного проектирования «Альфаплан»), «Лимузин» (находится у таксопарка), «Авторай» (омонимичный магазин запчастей находится совсем в другом районе города).

Одни заведения не ищут собственного названия, а именуются по зданию, в котором находятся, как ресторан «Диалог» (ойкодомоним становится и трапезонимом). Другие сохраняют память об истории города, так, купеческий ресторан русской кухни «Дом Берга», как сообщается на их сайте, воспроизводит фамилию Эмилия Ивановича Берга, купца второй гильдии, которому до 1922 года принадлежал этот дом, один из самых красивых в городе, в нём была аптека и сдавались квартиры; ресторан прямо указывает на свои установки представить современному клиенту образцы купеческой культуры дореволюционного Новгорода (<https://domberga.ru/>). Недавно появившееся кафе «Телеграф» поддерживает память о телеграфе в этом здании, куда вплоть до 1990-х годов новгородцы приходили, чтобы дать телеграмму и поговорить по телефону со своими близкими в других городах, в нижней части фасада название кафе повторяется особым телеграфным шрифтом, который помнят

только пожилые люди. Лофт-бар «Дом быта» напоминает о существовавшем тут в советские времена типичном для того времени заведении Доме быта «Волхова», где решались многие бытовые вопросы, кстати, и сейчас там есть столовая, где в обеденное время питаются горожане. Вывеска бара «Чародейка» появилась на заведении в центре города, которое какое-то время пустовало, до этого называлось кафе «Хорошие люди», затем на нём появилась скромная надпись «Beavers» без перевода, но знатоки догадались, что это по-английски «бобры», и увидели тут обыгрывание фамилии владельцев – Бобрышевых (их отец был предыдущим мэром города). Новая вывеска вызывает приятные воспоминания у пожилых новгородцев, ведь именно здесь размещался и именно так назывался кондитерский магазин, как вспоминают горожане (да и жители области), тут продавались самые лучшие конфеты, московских кондитерских фабрик в том числе.

Эта небольшая часть трапезонимов, связанных с новгородской историей, противостоит ориентированным на западную культуру, при этом малая их часть изображается кириллически, как «Вояж», «Хэппи лэнд», «Баскин Робинс», «Камелот», основная же – латиницей: «Caffe Perfetto», «Coffee Land», «Premium», «Dinonna», «Jungle», «Jazz & Blues», «La chatte», «Le Chocolat», «Bonape», «Lucky Star», «May», «Mycroftpub». Среди этих имён есть ряд заграничных топонимов, которые изображаются как латиницей, так и кириллицей – «OldHam», «Café Valentia», «Casablanca», «Бавария», «Белград», «Нью-Йорк».

Некоторые из таких названий оказываются культурными цитатами. «Красный лев» – типичное название британских пабов, отсылает к культуре питья пива в Англии. «Greensleeves» как название паба (первый ирландский паб Великого Новгорода, как они сообщают о себе в группе ВКонтакте) оказывается ещё интересней. Буквальный перевод этого названия – «зелёные рукава» – ничего не даст для понимания названия, если не узнать, что это слова рефрена знаменитой песни, которую использовал в своих пьесах ещё Шекспир. Её стихи переводил на русский язык С. Маршак, десятки ее версий существуют на разных языках. Наверняка многим известна песня Новеллы Матвеевой «Девушка из харчевни» («Любви моей ты боялся зря...»), где процитирован фрагмент мелодии.

Некоторые заведения, изображая своё название на латинице, дублируют его и по-русски, получая как бы двуязычное название: «Terraza / Терраса», «Иль-де-Франс / Pe-de-France». Другие же изображают русские слова латиницей – полностью или частично: «Zavodbar», «Republic», Lounge Bar «БегиMOD», «Барин», «Losь», «Персона / Персона», «Зазеркалье / Зазеркалье».

Самое интересное, что новгородские имядатели придумывают квазииностранные слова, например, – «**Gourmetto**» и уже упомянутое «**ShauRoom**», которые явно коррелируют с понятными русскому человеку *гурманством* и *шавермой*, а в то же время несут приметы иноязычия.

Итак, новгородские трапезонимы, составляющие значительную часть эргонимии (почти 120 лексем), представляют названия заведений еды, ориентированные как на ситуацию еды, так и шире – на культуру и географию. В этом фрагменте эргонимии, как видно из приведённых названий, наибольшая масса иноязычия и инографичности. Эти факты отмечались ранее при изучении латиницы в городской среде [Шмелева 2009а], при этом иноязычие и инографичность не совпадают: слова зарубежной культуры часто изображаются по-русски, а русские слова типа *завод* и *лось* пишутся латиницей. Это важный штрих ономастического портрета города, который ощущает себя в пространстве как родной, так и мировой культуры. Этот штрих, кстати, опровергает миф о безоглядной приверженности современной массовой культуры американским стандартам: наряду с американизмами трапезонимы демонстрируют черты германской, британской, ирландской, итальянской, восточной (одни суши чего стоят!) культур.

3.3.6 Имена гостиниц

Гостиницы в Великом Новгороде, как и трактиры, стали именоваться именами собственными в самом начале прошлого века. Так, известно, что слева от входа в Кремль на Софийской площади стояла гостиница, которая носила название «**Софийская**», её в народе именовали «**Софийкой**» [Кириллов 2018: 78–79]; в довоенное время её здание использовалось как поликлиника, а полуразрушенное во время войны, оно было разобрано [Там же: 85]. На Чудинцевой улице была гостиница «**Москва**», которая пользовалась дурной славой, в 1913 году ею владел уже другой человек, и она именовалась «**Екатеринославль**» [Там же: 54] (так до революции назывался город Днепропетровск, который недавно переименован в Днепр). Итак, известны три имени гостиниц до-революционного Новгорода.

Современная ситуация характеризуется прежде всего расширением терминологического словаря, помимо термина *гостиница*, теперь в ходу термины, которые используются в русском и английском вариантах: *отель*, *бутик-отель*, *мини-отель*, *гостиньий дом*, *апартаменты*, *апарт-отель*, *хостел*, *автокемпинг*, *cozyapartment*, *hotel apartment*. Имен отелей почти 80.

Классические советские *гостиницы*, построенные ещё при восстановлении Новгорода после войны – «**Волхов**», «**Садко**». Более поздние «**Россия**» и «**Интурист**» изменили свои характеристики: первая теперь представляется как «**Россия Амакс Отель**», а «**Интурист**» стал *апарт-отелем*; гостиница «**Береста Палас**» стала называться «**Park Inn**», никто не понял почему (сменился хозяин, и гостиница вошла в сеть ParkInn). Интересно, что появилась гостиница «**Welcome Inn**», стало понятно, что *Inn* – это значащая частица; действительно, это староанглийское слово со значением ‘постоялый двор, гостиница’. Гостиницами остались или стали «**Новгородская**», «**Ганза**», «**Три клёна**», «**Вернисаж**», «**Ламбада**», «**Речная 8**» (это адрес), «**65home**», «**Myroom**». Даже этот перечень показывает, что названия не связаны с ситуацией гостеприимства, выбираются привлекательные, по мнению владельцев, имена, и английский язык – один из располагающих моментов.

Несколько иначе называются заведения, избравшие для себя термин *отель*, некоторые из них выбирают для наименования важные для города понятия, фамилии, топонимы: «**Рахманинов Отель**», «**Веряжский**», «**Отель на Прусской**», «**Роза ветров**», «**Радуга**» и «**Sofia**», «**Gracehotel**», «**Dilizhans**». Наряду с отелями есть *мини-отель* «**Дом Майера**» и *апарт-отели* – «**Интурист**» и «**Неревский**», наконец, *бутик-отели* «**Truvor**» (не забывают про брата Рюрика) и «**Халява Мёд**».

Гостевые дома – это менее уважаемые заведения, в своих названиях они учитывают новгородские реалии («**Добрыня**», «**Кожевники**», «**Орловский**» – отсылает к названию улицы), но и могут и не ограничивать себя этим («**Три кота**», «**Берлога-сити**», «**Альянс**», «**Валерия**», «**Эврика**», «**Берген**», «**Береза**», «**Аист**»).

Новинкой в индустрии гостиничного сервиса стал демократичный *хостел*, заведения этого типа выбирают актуальные для Великого Новгорода названия – «**Ганзейский двор**», «**Великий**», «**Ярослав**», «**Академ ВН**», «**Береста**», «**Home 53**», «**VM Hostel V. Novgorod**», «**Lyubava**», «**On Belova**»; и такие, которые могли бы появиться в любом городе – «**История**», «**Лайк**», «**Рэстап**», «**Круиз Большая ель**», «**Sleep & Go**», «**JamHostel**», «**Madagaskar**».

Новинкой оказываются и *апартаменты*, под этим красивым названием имеются в виду обычные квартиры, приспособленные для туристов. Поэтому только некоторые из них имеют имена собственные – «**Берлога**», «**Яркое местечко в центре города**», «**Комфортная квартира**», «**Уютная квартира на набережной**», «**LikeHome**»,

«Ivushki», «CentralApart»; остальные пишутся по-английски по формуле «*Apartamenton...*», а далее названия новгородских улиц – Мерецкова-Волосова, Тимура Фрунзе–Оловянка, Прусская, Октябрьская. Правда, для такого заведения на Чудинцевой добавлено «*CozyApartament*», что значит ‘уютная, удобная’ квартира.

Единственный *автокемпинг* называется «Криз».

Итак, гостиничный сервис внёс в городской ономастикон более 70 имён, при этом часть из них ориентированы на новгородские реалии и исторические факты, другие свободны от этого; и те, и другие представляют своё заведение на английском и используют английские слова, в том числе модное *Inn*. Приверженность новгородским реалиям позволяет увеличить число городских имён, связанных с Софией, Рахманиновым. Надо сказать, что терминологические определения гостиничных заведений не строги, их можно увидеть в интернете под разными терминами.

3.3.7 Имена заведений красоты

Заведения красоты в современном городе – это многочисленные «предприятия сферы услуг», нацеленные на красоту как результат обслуживания. Это парикмахерские, салоны красоты, нейл-индустрия, солярии – всё, что связано с культом здоровья, молодости и красоты, характерным для нашего времени. Эти заведения стремятся к выразительным названиям, создавая в городе особую «словесность красоты». Впервые эта часть ономастического портрета была рассмотрена в [Шмелева 2014], здесь внесены некоторые уточнения и новые данные.

Ещё лет двадцать – двадцать пять назад традиции давать имена собственным этим заведениям не существовало. Обычно их носили одна-две элитные парикмахерские в городе, и это были пафосные названия типа «Чародейка». Сегодня число таких заведений выросло невероятно. Так, парикмахерских Великого Новгорода около 200, что представляется достаточным для выявления тенденций наименования. При этом «парикмахерский ономастикон» составляют 170 лексем, потому как часть заведений по старинке обходится без собственного имени, их более двух десятков, а некоторые имена повторяются.

Что касается терминологии этого типа эргонимов, то исходным оказывается неуклюжий термин *парикмахерская*, производный от слова *парикмахер*, то есть ‘мастер париков’ по-немецки. В советскую эпоху он практически исчерпывал терминологический словарь этого фраг-

мента языка города. Мотивированный словом *парик*, обозначающим предмет повседневности, давно ставший архаизмом, этот термин впервые зафиксирован в словаре Ушакова. Это приводит к мысли, что тут мы имеем дело с результатом словесного творчества советских бюрократов, считавших оптимальными для именования учреждений субстантиваты женского рода, которых много было в языке советского города: *прачечная, столовая, пирожковая,пельменная, сосисочная, вареничная, рюмочная*. Остаётся удивляться тому, что в качестве производящей избрана лексема с семантикой профессии (почти всегда в таких словах – предмет) и при этом отвергнуты слова *куафёр* и *цирюльник* соответственно французского и польского происхождения. Тем более что последнее давало производное с локальной семантикой *цирюльня*, которое в словаре Ушакова объясняется кратко – «парикмахерская» – и сопровождается пометой «устар.».

Сегодня парикмахеры явно не в восторге от этого термина и предпочитают ему *салон, студия, центр*. При этом *салон* может добавляться к термину *парикмахерская*, видимо, повышая его шансы на престижность, а может выступать самостоятельно с уточняющими словами: *салон причёсок, салон красоты, салон красоты и здоровья, салон красоты и релаксации*. Аналогично *студия* сопровождается уточнением: *студия красоты, студия красоты и причёсок, студия красоты и обучения, творческая студия причёсок, визаж-студия, студия-магазин*. Или *центр – центр красоты и здоровья*. Одно заведение именуется *стиль-клуб*. В последнее время появились заведения, терминологически пересекающиеся с трапезонимами – *beautybar* и *beautycafe*, поскольку они редки, то выступают без имени.

Конечно, заведения, именующие себя не *парикмахерской*, предлагают «широкий спектр услуг», как пишут в рекламных изданиях: услуги нейл-индустрии, солярий / студию загара, коллагенарий, SPA, шугаринг и др. Но основной их работой оказывается стрижка и уход за волосами, что и объясняет их присутствие в реестрах парикмахерских. Кроме того, следует отметить, что *парикмахерская* всё чаще встречается с уточнителями, чаще всего «клиентской» семантики: *детская парикмахерская* (она же в других списках – *студия детской красоты*), *мужская парикмахерская, женская парикмахерская*. Новация в терминологии – *барбершоп* – мужская парикмахерская, где ухаживают не только за волосами, но и за бородой (английское слово, буквально ‘борода + магазин’); если первая мужская парикмахерская обозначала себя *цирюльня*, то теперь уже в городе как минимум пять барбершопов.

Характерно в этом отношении, что на Торговой стороне появляется «Салончик красоты» – небольшие размеры заведения не позволили прибегнуть к слову *салон*, а *парикмахерской* становиться не захотелось, как можно предположить. Если здесь видим согласование между термином и размерами заведения, то в других случаях очевидно согласование между термином и онимом, например, в таких парах – **парикмахерская «Sveta» и студия красоты «Flash».**

Стоит отметить, что различие терминологической и ономастической составляющей в наименовании заведений красоты не стоит абсолютизировать. Так, уже было сказано, что многие заведения обходятся без онима, довольствуясь термином. Другие, напротив, «переводят» в термины то, что годилось бы в имя собственное: так, изысканное обозначение заведения «**Резиденция красоты**» вполне годится быть онимом, но оно дополняется французским топонимом «**Versaille**» в оригинальном написании.

Таким образом, заведения красоты в Великом Новгороде располагают терминологическим словарём объёмом более полутора десятков единиц. Непривычный термин, по мнению авторов номинации, повышает привлекательность заведения. Тенденция к разнообразию терминологии, комбинированию привычных и экзотических номинаций, в том числе восстановлению в правах ушедших в пассив, – видимо, это общая черта языка современного города.

Имена парикмахерских и салонов красоты опираются на *ситуацию достижения* красоты, которая включает: *субъект* (мастер) – *объект воздействия* (клиент) – *действия мастера* (стрижка, завивка) – *инструменты и средства воздействия* – результат его действий (стрижка, причёска и её элементы) и *эффект действий* (красота, стиль, имидж). Ситуация, естественно, локализуется в определённом помещении (*локатив*) и в городской среде, получая адрес в системе городских координат.

Субъектные номинации актуализируют синонимическое гнездо слова *парикмахер*: это «**Куафёр**» и «**Цирюльник**», представленные единичными заведениями в городе. Как своеобразная лингвокреативная полемика с основным термином воспринимается имя студии причёсок «**Парикмагик**» (иначе – «ПарикМагик») с рекламным слоганом «Ваши волосы загрузили? Добавьте своей причёске немного ВОЛШЕБСТВА»; преобразование исходного термина выявляет в нём «магический» элемент, прочтение которого подкрепляет рекламный слоган. Понятно, что языковая игра в данном случае направлена на рекламный

эффект. Его трудно не увидеть и в откровенно оценочной номинации **салон красоты «Профи».**

Из публикаций в медиа известно, что субъектной оказывается номинация «**Цирюльня Щеголь**». Однако здесь имеется в виду не столько мастер, сколько владелец: его фамилия – Щеглов; написание онима, как и локатив, несут заряд архаики. Немногочисленность таких имён в ономастиконе нашего города говорит, видимо, об их нехарактерности для парикмахерских Великого Новгорода.

Объектные, или клиентские номинации более распространены. Минимальной в содержательном плане оказывается вывеска салона причёсок «**Он и она**». Рядом с местоименными обозначениями клиента располагаются и существительные самой общей семантики и общего рода – «**Особа**» и «**Персона**». В других случаях семантика конкретизируется, например, в гендерном отношении – парикмахерская «**Для Мужчин**» или «**Леди Н**». Но чаще используются оценочные номинации «опережающего характера» – таким клиент станет после посещения заведения: салоны красоты «**Красотка**», «**Богиня**», «**Цаца**» (интересно, что этим словом, которое в словарях помечено как «прост., пренебр.», назван ещё салон модных платьев); парикмахерская «**Кокетка**» и парикмахерская для детей «**Воображуля**». Нет сомнений, что в такие имена вкладывается рекламный смысл. Барбершопы обозначают свой объект внимания иначе: во-первых, по-английски, а во-вторых, строго – «**Мен**» (то есть ‘мужчины’), «**OldBoy**» (‘старина’).

В ономастиконе парикмахерских больше сорока женских имён – от «**Анастасии**» до «**Юлии**». Не очень понятно: тут имеются в виду женщины вообще, подчёркивается гендерная специфичность заведения или владелица выносит на вывеску заведения своё имя. Иначе говоря, женские имена в названии заведения красоты не позволяют сказать, это объектное или субъектное имя.

Безусловно объектные имена с использованием местоимений: «**Для тебя**», «**Для вас**», а также «**Твой стиль**» и «**Твой шоколад**». Показательно в этом отношении название салона «**Свои люди**», декларирующее «свойские» отношение субъекта и объекта.

Таким образом, субъектно-объектная линия в именовании парикмахерских обеспечивает привлечение более полусотни лексем, среди которых самое большое место занимают женские имена.

Действие мастера в наименовании заведений, как это ни странно, практически не культивируется. Из единичных примеров можно привести парикмахерские «**Услуга**», «**Стрижка**» и «**Стайлинг**», как его

толкуют в женском журнале «In Flora.ru»: «создание укладки, при помощи специальных фиксирующих средств, которые сохраняют волосы в нужном положении определенное количество времени» (<http://www.inflora.ru/cosmetics/cosmetics249.html>). Там же, кстати, отмечают, что «это новомодное словечко, заимствованное из английского языка, прочно вошло в наш обиход лет десять тому назад». Используют для обозначения действий и слово из компьютерной лексики «Upgrade» (в переводе с английского значит ‘усовершенствование, обновление’). К таким именам можно отнести название «**Стришкин дом**», где намеренное нарушение орфографической нормы соотносит название с выражением «стришкин кафтан» (?).

Инструментальные номинации тоже не распространены, хотя некоторые вывески сопровождаются изображением ножниц, что можно рассматривать как элементы предметного письма и пиктографии. Среди новгородских вывесок находим название, представляющее собой метонимическое обозначение инструментов, – «**Бигуди**» (это новое название, предыдущее было малоосмысленным «АНИЗ» – по непроверенным данным, аббревиатура инициалов владельца). К этой линии номинации следует отнести и название парикмахерской «**Бриолин**» – специальное средство, придающее волосам блеск, что ценилось в середине прошлого века в стиле рок-н-ролл (слово использовано в названии ставшего знаменитым фильма, что ввело его в словарь культуры).

Результативные названия с упоминанием стрижки или причёски немногочисленны: «**Локон**», «**Букля**». Последнее слово даётся в словарях во множественном числе и пометой «устар.», современный человек воспринимает его в самом общем смысле как элемент старинной причёски, завиток волос, практически синоним слова *локон*. Они, кстати, заимствованы из разных языков: первое – из немецкого, а второе – из французского [Крысин 2007: 144, 444].

Достигнутый эффект отражается в номинациях, составляющих самый большой массив онимов, что вполне соответствует тенденции переосмысления парикмахерских из предприятий бытового обслуживания в заведения индустрии красоты. Мотив красоты, как уже было сказано, встречается в терминах типа *салон красоты, студия красоты* и в онимах «**Территория красоты**», «**Формула красоты**», «**Философия красоты**», «**Красивая студия**», «**Студия красоты М**», «**Эстетик Спа**», «**Марафет**», «**Beauty Top**», «**Beauty BAR**», «**Belle**», «**Nice**». В этот ряд включаются более низкое по стилю «**Шик**», окказионализм «**Шиколад**».

«Эффектные» имена, связанные со стилем и модой, представлены рядом «**Стиль**», «**Икона стиля**», «**Глянец**», «**Fashion**», «**Классик**», «**Классика**», «**Модерн**». Важный момент эффекта – «**Новый образ**», «**Имидж**», «**Имидж+**», «**Рандеву имидж**».

Локальная семантика включается в названия заведений красоты редко, но все-таки такое имя можно привести – парикмахерская «**На Бережной**».

Интересно, что семантика красоты реализуется символически через имена героинь литературы, мифов и фольклора, ставшие своеобразными эталонами красоты: «**Афродита**», «**Аэлита**», «**Жизель**», «**Златовласка**», «**Кармен**», «**Леди Мэри**», «**Маргарита**». К кинематографу отсылает название салона красоты «**Изуми**» – имя одной из героинь японских аниме; и «**Руки-ножницы**», цитирующее название американского фильма и одновременно имя его главного героя «Эдвард Руки-ножницы». Ряд таких имён отражают новгородскую специфику – «**Лучана**» (на улице Новолучанской) и «**Берегиня**».

Известным символом красоты считаются цветы, однако соответствующих лексем привлекается к наименованию парикмахерских не много: «**Мак**», «**Роза**», «**Сакура**», возможно, «**Айва**». Эффект «нездешней красоты» создают экзотические топонимы «**Александрия**», «**Прованс**», «**Ривьера**», «**Рио-де-Жанейро**», «**Фиджи**», «**Manhattan**», «**Versaille**», «**Дели**» и, как ни странно, анимализмы «**Фламинго**», «**Какаду**», «**Butterfly**».

Итак, анализ новгородских онимов, обозначающих заведения красоты, показывает, что основной номинативной стратегией именования оказывается ориентация на ситуацию обслуживания; при этом из её элементов наиболее активно «эксплуатируются» объект и эффект, что вполне объяснимо.

Нельзя не заметить, что в фрагмент ономастикона, который составляют имена заведений красоты, как и в другие, вовлекается лексика, которую невозможно соотносить с рассмотренной ситуацией: «**Априори**», «**Арлекино**», «**Антураж**», «**Брусника**», «**Виразж**», «**Реверанс**», «**Релиз**», «**Элегия**», «**Соната**», «**La casa**» (по-итальянски ‘дом’)... Несомненно, что для имядателей эти слова и обозначаемые ими понятия обладают позитивностью и привлекательностью. Выяснение реальных мотивов номинации могло бы внести в исследование интересную информацию. Интересно также было бы выяснить, насколько такие имена импонируют горожанам, при том что они составляют 30 % городских названий.

Хотя салон красоты оказывает, как было сказано, «широкий спектр услуг», маникюр и педикюр можно сделать и в особых заведениях, терминологически обозначаемых по-старому (*маникюр, студия маникюра и педикюра, маникюрный цех*) и по-новому (*студия ногтевого сервиса, ногтевая студия*).

В онимической части таких названий присутствует прежде всего английское слово *nail*, которое теперь уже знают все, в том числе и в выражении *нейл-индустрия* – «**Master Nail**», «**Lucky Nails**», «**Kris Nails**». Кто-то называет своё заведение полностью по-английски – «**Nails Guseva Studio**». Нельзя не обратить внимания на оним «**Komilfonail**», за которым стоит наивное представление, что всякое иностранное слово просто записывается латиницей на слух (о том, как пишется и что значит это французское выражение, шла речь в разделе о свадебных салонах).

Завершая рассмотрение этого фрагмента городского ономастикона, нельзя не отметить, что в нём, так же, как и в лечебных и торговых заведениях, есть имена заведений красоты для домашних животных – «**Йоррик**», «**Баскервиль Холл**».

Выводы.

Ономастический портрет: предварительные итоги

Итак, стоит подвести первые итоги создания ономастического портрета Великого Новгорода.

Развивая метафору портрета, можно сказать, что его основные контуры создаются фрагментами ономастикона: топонимией и онимией городского пространства, в нём располагаются ойкодомонимия и эргонимия. Каждый из этих фрагментов, как показывает содержание второй и третьей главы, тоже фрагментирован, что создаёт эффект пространств в пространстве, или мозаичности ономастикона. При этом нельзя настаивать на том, что эти фрагменты разграничены безусловно, часто они «наезжают» друг на друга, например, аптеки – по существу торговые заведения, но и лечебные, что отражается в именах типа «Ваша аптека низких цен» и «Здравушка», «Будь здоров!»; магазины разливного пива позволяют не только унести товар, но и тут же им воспользоваться, отсюда их терминологическое обозначение *магазин-бар*.

Каждый фрагмент ономастикона заполняется штрихами конкретных городских имён, которые ложатся друг к другу при сходстве или контрастируют при несходстве. Рассмотрение, в этом случае буквально – рассмотрение, раз-глядывание – каждого фрагмента ономасти-

кона оказывается лингвистическим поиском и тщательным анализом не только соотношения имён, их объединений – русская / иноязычная, архаичная / современная, общерусская / новгородская, но и судьбы каждого имени с выяснением его выбора или создания (если это аббревиатура, а их немало), а главное – как они соотносятся с ситуацией, в которую включён объект ономастической номинации. Как показала масса таких микроисследований, выбор многих имён оказывается связан с культурными привязанностями и даже сокровенными смыслами владельцев (характерны в этом отношении названия магазина разливного пива «Папай» и компании торговли обувью «Zenden»).

Надо отметить, что в создании ономастического портрета Великого Новгорода не было задачи обозначить все до одного урбанонимы, так, за кадром остались заведения различного сервиса – от автосервиса до остекления лоджий. Представляется, что в любом портрете какие-то фрагменты оказываются непрорисованными, незаштрихованными, что не изменяет всего портрета и его общего впечатления. Кстати, часть таких имён может появиться в дальнейших характеристиках ономастикона, и они будут включены в описание.

Главное впечатление от ономастического портрета Великого Новгорода – диалектика архаичного и актуального. Это именно диалектика, а не простое сосуществование: архаичная лексика именуется не только элементы городского пространства, что вполне естественно, она появляется и на вывесках самых новых заведений, как бы продолжая и поддерживая древность города. Так, в 1980-е годы в его центральной части на улице Ленинградской возводится современный для того времени универсам (одни эскалаторы чего стоят!), и ему даётся имя «**Русь**» [Лебедева 2012]; сегодня это торговый дом, и его логотип хорошо виден и знаком новгородцам.

В 2009 году создаётся Центр развития туризма «**Красная изба**» (https://www.visitnovgorod.ru/about/krasnaya_izba.html) – архаизация имени очевидна: и *изба* – явный историзм, и слово *красный*

используется не в современном колористическом значении, а в древнерусском – оценочном. Офис центра строится на Сенной площади в соответствии с его названием, что визуально подчёркивает архаизированность.

В 2017 году по инициативе губернатора создаётся туристический офис, которому даётся название «Русь Новгородская», искусственный историзм (история не знает такого термина) сопровождается нелепыми слоганами «**Жива Ж Земля Новгородская**» и «**Мы Ж Новгородцы**», которые и архаичными не назовёшь.

Факты показывают, что архаизация городских названий входит в официальную политику новгородской власти – что советской, что современной, эксплуатация древности города работает на его уникальность и привлекательность.

Диалектика архаичного и нового подтверждается тем, что и владельцы частных заведений охотно используют архаичные номинации, создавая противоречие между новизной заведения и его «старым» именем, при этом в городской ономастикон вводятся как реальные историзмы, так и искусственные архаизированные номинации. Так, аптека использует уже упомянутое здесь название «Здравушка», «Ладушка»; стоматологическая клиника – «Ладея», библиотека – «Веда», магазин «Ладушки», кафе «Сударушка», ресторан «Садко», парикмахерские «Куафёр» и «Цирюльник», «Лучана», «Берегиня». Создают эффект архаичности названия, заимствованные из ономастикона Торга: «Великоновгородский мясной двор», «Рыбный двор», «Рекламный двор», «Хлебная горка», «Швейный ряд». Возвращаются ещё недавно казавшиеся устаревшими термины *кофейня, пекарня, лавка, подворье, цирюльня*, внося в язык города эффект старины. Все эти имена пронизывают городскую ономастикон, оттеняя иноязычие одних названий и новизну других.

Конечно, диалектика архаичного и актуального – не единственная характеристика новгородского ономастикона, но, как представляется, весьма важная, связанная не только с историей города, но и с сознанием новгородцев. Кажутся важными и такие характеристики, которые выявляются при изучении двух других сторон ономастикона – стилистической и семиотической, которым посвящена следующая глава монографии.

Литература

Алексеева Т. Новгородский киноцентр: «Сдаваться мы не собираемся» // Новгород.ру. 30.11.2016. URL: <https://news.novgorod.ru/articles/read/637.html>.

Антипов И.В., Яковлев Д.Е., Ядрышников В.А. Владычная (Грановитая) палата // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. С. 106–110.

Великий Новгород. История и культура XI–XVII веков: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. 552 с.

Волкова В.Я., Лекарева Л.А., Храпченкова И.И. Экклезионимы объектов Псковской школы архитектуры. русско-немецкий глоссарий // PHILOLOGY. №2 (8). 2017. С. 87–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28804880>.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1989. 699 с. Воспроизв. издание 1880–1882 гг.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 556 с. Воспроизв. издание 1880–1882 гг.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 684 с. Воспроизв. издание 1880–1882 гг.

Дьяченко Гр. Полный церковнославянский словарь (репринт). М.: Отчий дом, 2006. 1120 с.

Зайцев И.А., Кушнир И.И. Улицы Новгорода: справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Лениздат, 1980. 184 с.

Запольская О.В., Моисеев С.В. Улицы Великого Новгорода. Великий Новгород, 2010. 192 с.

Каргер М.К. Новгород Великий. Архитектурные памятники. Л., М.: Изд-во «Искусство», 1966. 310 с.

Кириллов А.Н. Синема у стен кремля. В саду у Садовникова // Новая новгородская газета. 23.09.2015.

Кириллов А.Н. Лики губернского города. Книга первая. Великий Новгород, 2018. 404 с.

Кириллов А.Н. Знаменская фабрика и ее бояре // Новая новгородская газета. 19.06.2019.

Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с. (StudiaPhilologica).

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2007. 994 с.

Кузьмина Е. В здании бывшего завода «Богемия» В Великом Новгороде будет гостиничный комплекс // Новгородские ведомости. 14.01.2019. URL: <https://novvedomosti.ru/news/economy/51965/>.

Лаврова О. Н. Сойдет ли с рук собственнику уничтожение новгородской «Богемии»? Комментирует глава региона // 53новости. 20.10.2017. URL: <https://53news.ru/novosti/33600-sojdet-li-s-ruk-bezotvetstvennomu-sobstvenniku-unichtozhenie-novgorodskoj-bogemii.html>.

Ласковский В. П. Путеводитель по Новгороду. Софийская сторона. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Адаптированное и иллюстрированное издание на основе книги Новгородского общества любителей древности 1910 года. СПб.: Алаборг, 2007. 160 с. 150 илл.

Ласковский В. П. Путеводитель по Новгороду. Торговая сторона. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. Адаптированное и иллюстрированное издание на основе книги Новгородского общества любителей древности 1910 года. СПб.: Алаборг, 2008. 128 с. 125 илл.

Лебедева Л. Стояние на Гзени: утопят ли универмаг «Русь» в «шоколаде» – а заодно и памятник ЮНЕСКО? // Ваши новости. 5.09.2012. URL: <https://vnnews.ru/actualno/27926-stoyanie-na-gzeni-utopyat-li-univermag-rus-v-shokolade-a-zaodno-i-pamyatnik-yunesko.html> (воспроизведение статьи из «Новой новгородской газеты». № 36).

Левинская А. Атака Павлова: почему основатель сети Zenden шьет обувь в Крыму и Сирии // РБК. 15.03.2017. URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2017/03/15/8a2eb259a7947f49a0d2de8>.

Михайлова Е. Ф. Кожевенное производство в Новгороде во второй половине XIX века // Новгородский архивный вестник. Вып. 8. Великий Новгород, 2009. С. 204–205.

Перевай Д. Новая школа получила имя героя войны Игоря Каберова // Ваши новости. 2.09.2018. URL: <https://vnnews.ru/gizn-goroda/68644-novaya-shkola-poluchila-imya-geroia-vojny-igorya-kaberova.html>.

Поспелов Е. М. Географические названия России: топонимический словарь: более 4000 единиц. М.: АСТ, Астрель, 2008. 523 с.

Секретарь Л. А. Дома, события, люди. (Новгород. XVIII – начало XX вв.). Великий Новгород: Кириллица; СПб.: Типография № 1 ВО «Наука», 1999. 252 с.

Секретарь Л. А. Губернские Присутственные места // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. С. 121–122.

Секретарь Л. А. Воротная башня Гостиного двора // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014а. С. 214–217.

Секретарь Л. А. Кордегардия (застава) // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014б. С. 291.

Сиротинина О. Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи: Сборник научных трудов / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 247–253.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 Безпристрастный – Вейэр / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л.: Изд-во «Наука», 1985. 248 с.

Смицкий С. Чай без слона: что такое настоящий английский 5 o'clock // Elle.ru. 4.10.2017. URL: <https://www.elle.ru/stil-zhizni/food/chto-takoe-nastoyaschiy-5-o-clock/>.

Сорокин А. Н. Торг // Великий Новгород: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 455–456.

Строгова В. П., Секретарь Л. А. Древние топонимы Великого Новгорода и его окрестностей. Великий Новгород, 2012. 92 с.

Струкова Ю. Н. Новгородский пивомедоваренный завод «Богемия» // Новгородский архивный вестник. Вып. 8. Великий Новгород, 2009. С. 206–213.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

Трифорова А. Н. Площадь Победы // Новгородский архивный вестник. Вып. 7. Великий Новгород, 2008. С. 244–266.

Фабричнина Т. Завода нет, но «цеховая спайка» осталась // Портал 53: новгородский спектр мнений. 9.02.2016. URL: <https://portal-vn.ru/pisma/zavoda-net-no-cehovaya-spayka-ostalas>.

Филиппова Л. А. Алексеевская (Белая) башня // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. С. 131–133.

Хорошев А. С. Евфимий II Лисицкий // Великий Новгород: энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 168.

Хохлов И., Волхонский В. Дом с пестрой родословной // Новгородские ведомости. 20.02.2016. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/city-history/39338/>.

Хохлов И., Волхонский В. «Бом-двысь!», или «Добро пожаловать!» – в переводе с караульного на русский // Новгородские ведомости. 27.02.2016а. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/city-history/50746/>.

Хохлов И., Волхонский В. Стопку за галстук – и в синематограф! // Новгородские ведомости. 19.03.2016б. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/city-history/39633/>.

Хохлов И., Волхонский В. На задворках «дворянского гнезда» // Новгородские ведомости. 15.05.2019. URL: <https://novvedomosti.ru/articles/city-history/51026/>.

Шмелева Т.В. ШУЗ для тех, кто носит трузера // Новая новгородская газета. 20.08.2006. (рубрика «Город в лингвистических зеркалах»).

Шмелева Т.В. Диминутив как экспрессивное средство // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сб. науч. работ, посвященный 80летию д-ра филол. наук, проф. А.П. Сквородникова / Сибирский федер. унт; под ред. Г.А. Копниной. Красноярск, 2009. С. 357–370.

Шмелева Т.В. Латиница в ономастическом ландшафте современного российского города. Великий Новгород // Кириллица – латиница – гражданка. Коллективная монография / отв. ред. Т.В. Шмелева / НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009а. С. 175–179.

Шмелева Т.В. Простое русское слово *бир* // Новая новгородская газета. 4.08.2010. (рубрика «Город в лингвистических зеркалах»).

Шмелева Т.В. Как называют парикмахерские в Великом Новгороде // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / отв. и науч. ред. проф. Б.Я. Шарифуллин. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. Вып. 5. С. 69–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21483532>.

Ядрышников В.А. Звонница Софийского собора // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. С. 102–104.

Ядрышников В.А. Лихудов корпус // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014а. С. 115–116.

Ядрышников В.А. Часозвоня на Владычном дворе // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014б. С. 111–112.

ГЛАВА 4. НОВГОРОДСКИЙ ОНОМАСТИКОН: СТИЛИСТИКА И СЕМИОТИКА

4.1 Стилистика ономастикона

Термин *стилистика* относят прежде всего к художественной литературе и ораторской прозе, в последнее время всё более последовательно – к языку медиа. В настоящем разделе главы речь пойдёт не о стилистике как науке, а о стилистике как механизмах, обеспечивающих решение различных коммуникативных задач с помощью языковых средств. При этом оказывается важным противопоставление стилистики различий и стилистики приёмов.

Вопрос о стилистике имён собственных ставился в теоретических работах по ономастике, правда, рассматриваются эти вопросы на примере антропонимов [Суперанская 1973: 305–319], что относится к стилистике социальных различий. Обращаются в теории имени собственного и к таким стилистическим приёмам, как метонимия (*река Волга – автомашина «Волга»*), синекдоха (*Красная Шапочка*), но общий вывод заключается в том, что «в именах собственных они могут присутствовать лишь в момент первичного наименования как их мотивировка» [Там же: 243–244].

Новый материал городской ономастики ставит проблему стилистики иначе. Понятно, что она не интересуется словами, которые воспринимаются как первичные онимы, например, топонимы *Волхов*, *Ильмень*, *Колмово*. Интерес к первичным онимам удовлетворяет этимология, поиск языка-источника. Стилистику же интересуют имена, вторичность которых очевидна, такие слова явно «не на своём месте», при этом возникает вопрос, как они попадают на это место и какими приёмами это достигается.

Разумеется, среди городских имён есть такие, в которых можно увидеть стилистику различий, так, ряд новгородских улиц, как уже показано, имеют варианты названия типа *Большая Санкт-Петербургская / Питерская*, *Державина / Державка*, *Менделеева / Менделюха*; их различия очевидны: первые онимы в парах официальные, они означены в адресах, справочниках, вторые – звучат в устной речи, чаще молодёжном сленге (и пожилые новгородцы иногда уверяют, что не только не используют их, но даже не слышали). Однако круг таких онимов невелик.

Гораздо более существенна, в первую очередь для эргонимии, стилистика приёмов, которые позволяют использовать лексику не так, как

ей положено в соответствии с её значением и грамматикой, иначе говоря, рассматривать тропы и фигуры. Стилистический приём – это всегда нарушение языковых правил, которое в разных сферах имеет различные эффекты, в ономастике – это прежде всего эффект включения в систему городских имён. Многие исследователи городского ономастикона обращали внимание на такие «неправильности», однако обычно их квалификация сводится к понятию «языковая игра» [Голомидова 2012; Иванова 2013; Иссерс 2014; Коган, Козловская 2006; Щербакова 2014]. Это понятие, однако, представляется слишком обширным, чтобы характеризовать разные случаи вовлечения лексики в городской ономастикон. Стилистические приёмы выявлены и терминологически обозначены ещё древними греками в риторических трудах, хорошо известны исследователям поэтики и риторики.

При этом для городского ономастикона важно, что здесь работают механизмы, которые квалифицируются как стилистика кодирования и стилистика декодирования [Баженова 2003]: имядатель закладывает в оним некий смысл и одновременно правила его прочтения, горожанин по этим неписанным правилам и с опорой на свой языковой и культурный опыт понимает смысл имени. Конечно, такая идеальная ситуация складывается не всегда, что рассмотрено специально в Главе 2, например, не все горожане настолько хорошо знают лексику иностранных языков, чтобы понимать, что означает хотя бы *хаси-студия*. Надо сказать, что в большинстве случаев «закодированное» слово оказывается не термином, а названием, и, хотя горожанин догадывается, что это за заведение, у него остается раздражение и ощущение культурного дискомфорта от того, что в своём городе он не все вывески может понять (эта проблема подробно рассмотрена в [Шмелева 2008]).

Настоящая часть главы построена как описание стилистических приёмов в том порядке, который определяется их популярностью в новгородском ономастиконе, о чём говорит количество городских имён, полученных с использованием того или другого приёма.

4.1.1 Метонимия

Метонимия, как известно, – один из тропов, фигурирующий в числе средств «украшения речи» со времён античной риторики. Сегодня она присутствует в словарях терминов и рассматривается прежде всего в поэтических текстах [Квятковский 1966: 158–159]. Рассматривают её и как ресурс многозначности и пополнения лексикона [Гак 1977: 283–284; Сквородников 2003; Матвеева 2010].

В последнее время сфера изучения метонимии расширяется, её интерпретируют как общий языковой механизм [Емельянова 2005], изучают, в частности, в медиасфере [Хазагеров 2019]. При этом практически всеми отмечается, что метонимия, в отличие от метафоры, лишена креативности, «она, как было замечено ещё в школе А. А. Потебни, прежде всего сокращает речевую цепь» [Там же: 780].

Разновидностью метонимии обычно считают синекдоху, однако их различия состоят в том, что метонимия предполагает самые разные отношения смежности, а синекдоха отношения в рамках множества – видовое понятие вместо родового или наоборот; часть вместо целого; единственный предмет вместо множества и наоборот [Емельянова 2005a].

Городская ономастика, как показано в [Шмелева 2020a], использует метонимию активно. В новгородском ономастиконе, точнее, в той его части, которая именуется городское пространство, можно найти множество примеров классической метонимии: имя реки переносится на хороним (*Малый Волховец* → *Волховец*), название предприятия переносится на поликлинику и стадион (*завод «Волна»* → *поликлиника «Волна»* и *стадион «Волна»*); название монастыря переносится на улицу (*Десятинный* → *Десятинная*), метонимически именуются остановки городского транспорта – *Школа*, *Поликлиника*, *Торговый центр*, *Вокзал* (эти имена не рассматриваются в работе, хотя они заслуживают внимания). В таких случаях объекты номинации соположены в физическом пространстве, и имя первого переносится на второй: и перенос, и смежность налицо. Такие – пространственные и ведомственные – метонимические переносы легко прочитываются горожанами и никогда не вызывают трудностей понимания.

Что касается эргонимии, то здесь работают разные виды метонимических переносов. Названия магазинов используют скорее синекдоху.

Так, магазины разливного пива используют на вывесках «меры» пива, хотя понятно, что ими дело не ограничивается: «**Бочонок доброго пива**», «**Кружка пенного**», «**Большая кружка**», «**Пинта**». В двух последних случаях нет даже упоминания напитка, потому что кружками у нас пьют только пиво (особыми пивными кружками), а пинта – это британская мера жидких и сыпучих веществ [Крысин 2007: 591], которая в нашей культуре воспринимается как мера именно пива (0,568 л), то есть объект измерения инкорпорирован в семантику слов *кружка* и *пинта*.

Магазины обуви – одни используют вывески без стилистики типа «**Обувь**», «**Удобная обувь**», а другие прибегают к синекдохе: вместо

множества «обувь», на вывеске оказывается название одного представителя этого множества – «Сандаль», «Сапожок» – или даже его части – «Каблучок», «Шпилька», «Шнурки». Следует отметить при этом, что такая смежность не наблюдаема, она носит умозрительный характер, иначе говоря, размещается не в реальном пространстве, как в предыдущих случаях, а в голове имядателя, при этом он рассчитывает, что и в голове читателя и потенциального покупателя легко формируются ряды от общего к конкретному (и частичному) и в обратном порядке: обувь – сапог – каблук; обувь – туфли – шпилька; обувь – ботинок – шнурки. И решение этой задачи оказывается доступным всем.

На основе синекдохи строятся названия магазинов одежды, выносящие на вывеску онимы типа «Носочки», «Три носка», которые представляют множество «трикотажа». Магазин строительных и отделочных материалов называется «Квадратный метр» – классическое представление одного вместо всех квадратных метров, составляющих квартиру или дом. Зоомагазин называется «Четыре лапы» – части тела обозначают домашних животных.

Синекдоха лежит в основе названий магазинов канцелярских товаров – «Скрепка» и «Кнопка». Неизвестны случаи буквального понимания таких названий и удивлений по поводу того, что в магазине есть что-то, кроме обозначенного на вывеске. Видимо, читатели городских имен уже готовы к тому, что их надо читать по формуле, которая используется в названии одного магазина – «Сыр и не только», а под «не только» понимать товары этой категории. Вряд ли в магазине будут скрепки и... кровати, топоры, чулки...

Метонимия, которую можно назвать ситуативной (она рассмотрена в [Шмелева 2020а]), используется и в новгородской эргонимии. Так, ситуация еды, которую составляют едок, тот, кто его кормит, собственно еда, инструменты – столовые приборы, посуда, результат – сытость и удовольствие. Заведения еды, в которых осуществляется такая ситуация, получают названия прежде всего обозначением еды – столовая «Борщи» (и не только!), кафе «Варенье», «Два перца», «Лазанья», «Огурец», «Изюм», «Кинза. Еда с акцентом», ресторан «Hurma». Конечно, этот ряд неоднороден: его составляют слова с семантикой блюд (борщ, лазанья, варенье) и растений, из которых еду готовят или ис-

пользуют в еде. Кстати, «два перца» могут быть в той и другой позиции, и в трапезониме это не уточняется. Удивительно, но такой простой способ обозначения заведений еды сегодня в моде, он воспринимается как привлекательный, как показано на материале разных городов в [Шмелева 2019]. Это означает, что языковой вкус нашей эпохи уже не требует камуфлировать заведения еды названиями типа «Уют», «Весна» и под.

На основе такой же реалистической ситуативной метонимии в названиях заведений еды оказываются её инструменты – столовая «Большая ложка», кафе «Чайная ложка», суши-бар «Хаси-студия» (хаси – палочки, которыми едят суши). Из инструментов приготовления еды в трапезонимы оказываются перенесенными кофемолка и wok – китайская сковорода с круглым дном, как мы знаем из китайских фильмов; в итоге в городе есть кофейня «Кофемолка» и суши-бар «Суши Wok», в названии которого видим двойную метонимию из ситуации еды – сама еда + инструмент её приготовления.

Ситуативная метонимия используется в названиях магазина рукоделия «Иголочка»; парикмахерских «Локон», «Букля», «Бигуди»; магазина алкоголя «Штопор», фирмы шиномонтажа «Колесо», то есть охват городских заведений довольно широкий.

Ситуация для метонимии может пониматься и не так буквально, как ситуация еды, шиномонтажа или рукоделия, это подтверждают названия магазинов джинсовой одежды «Ковбой» и «Mustang», о чём подробно говорится в Главе 3, где подчёркнуто, что ситуация давно стала фактом истории, но эксплуатируется в представлении одежды из джинсовой ткани.

Метонимия и синекдоха могут быть подключены одновременно, как это видно в названии кондитерской «Бриошь»: название французской булочки как одной разновидности представляет все кондитерские продукты, а они в ситуации еды представляют эту ситуацию. Такое сочетание двух метонимий наблюдается везде, где на вывеске появляется название одного товара, а продаётся, как пишут в рекламе, «широкий ассортимент»: магазин «Bolero» (болеро – короткая безрукавка, первоначально часть народного испанского костюма [Крысин 2007; 136]) торгует куртками и пальто всех видов.

Наиболее интересной со стилистической точки зрения оказывается метонимия реплик, что в речи бывает редко, например, в характеристике актёра «Кушать подано»: типичная реплика становится эпитетом, говорящим о скромном амплуа актёра. В городском ономастиконе эта стилистическая инновация была рассмотрена в [Шмелева 2017], новый

материал и его интерпретация в плане поиска новых средств и эффектов введен в оборот [Вепрева 2019].

Новгородский ономастикон оказался в тренде, и такие трапезонимы-реплики представлены в Главе 3. Интересно, что эти реплики идут со стороны субъекта – «Жарим мясо», «Кручуверчу», «У Назара Мясо Есть» – и как бы со стороны потенциального клиента – «Хочу торт», «Хочу шаверму», в последнем случае о том, что это стилистический приём, говорит то, что и меню построено по формуле «хочу то-то»: хочу шаверму в лаваше, хочу хот-дог в пите, хочу самсу и т.д.; к таким случаям относится и название фирмы юридических услуг «Help Me», которое предполагает, что юристы отзываются на просьбу о помощи. Охвачены метонимией и объективные умозаключения, например, «Есть Вкусно» и «Супкаксуп» (лексикализация суждения подчёркивается написанием без пробелов, что типично для таких эргонимов).

Хотя это новое стилистическое явление отмечено для заведений еды, в новгородском ономастиконе оно ими не ограничивается, о чём говорят названия аптеки «Будь здоров!», цветочного салона «Дари цветы», шавермы «Готовим в тандыре», бюро финансовых решений «Пойдём!», магазина одежды «Заходи!», агентства по защите должников «Закрой кредит»; турфирм «Слетать.ру», «Связаться с нами».

Итак, в стилистике городского ономастикона одно из важных мест занимает метонимия, на основе которой создаются названия разных городских заведений.

4.1.2 Метафора

Одно из самых изученных в стилистике средств – метафора – в заголовке этого раздела использовано в единственном числе неслучайно. При разнообразии уже выявленных и описанных метафор, не только в поэтической, но и в политической русской речи [Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001], в новгородском ономастиконе используется одна – пространственная метафора.

Прототипом её стало название «Детский мир», украсившее семиэтажное здание магазина для детей, открытое в 1957 году в Москве.

Позже магазины с таким же названием появились в столицах областей и краёв, в том числе и в Новгороде. Метафора мир как особое пространство стёртая настолько, что это толкуется как одно из значений слова *мир* в словарях: «5. Отдельная область жизни, явлений, предметов. *М. животных, растений. М. звуков. Внутренний м. человека. М. увлечений*» [Толковый 2008: 450]. Казалось, это уникальное название магазина остаётся единственной реализацией метафоры.

Но в 1990-е годы на волне онимического взрыва оказалось, что эта метафора подходит для обозначения магазинов всего. В Великом Новгороде есть «Мир женщин» (это в смысловом отношении близко к «Детскому миру», хотя отличается формой), чаще всего позицию определителя при слове *мир* занимают существительные со значением не бенефицианта, а объекта торговли, или товара: «Мир офисной мебели», «Мир красок», «Мир антенн», «Мир инструмента», «Мир окон», «Мир стекла» и «Мир стекла Чехии», «Мир стекла и зеркал», «Мир паркета», «Мир растений», «Мир колготок», «Мир расходных материалов», «Мир открыток», «Мир кожи», «Мир света», «Мир соблазна» (магазин белья), «Мир увлечений» (садоводческий центр), «Ароматный мир» (это магазин алкоголя), «Книжный мир», «Деловой мир», «Свадебный мир», «Компьютерный мир», «Цветочный мир», «Мир цветов».

Слово *мир* в этом множестве вывесок можно не читать, всё понятно по второму слову: мир паркета = паркет и т.д. Превращение этого слова в служебный элемент привело к тому, что оно стало морфемой в сложных словах, которые иногда пишутся через дефис, что странно: «Автомир», «Светомир», «Игромир», «Книгомир», «Орто-мир».

Нельзя не обратить внимание на избыток подобных названий, это заметно в городской среде такого небольшого города, как Великий Новгород. Как уже давно заметили журналисты, миры можно увидеть в огромном количестве во всех городах. «Что бы мы ни захотели купить, мы окажемся в магазине с названием «Мир чего-то». «Мир немеряно. Мир стал тесен», – заключает журналистка и делает вывод: «В клонировании этого слова <мир> читается некий код нашего житья-бытья. Оно нагляднее любого соопроса свидетельствует о том, что за последние 20 лет мир для множества наших граждан стал сугубо *вещным*, наше общество – „как весь цивилизованный мир“ – обществом потребления, уложенным Мишелем Уэльбеком в формулу „мир как супермаркет“» [Игрунова 2007].

Представляется, что такие выводы из множества *миров* – слишком глубокие, ведь это только названия магазинов, за которыми можно ви-

деть желание владельцев найти название попроще, не затруднять себя долгими поисками, а формула «мир чего-то» всегда под рукой и кому-то кажется вполне подходящей. Но обеспокоенность журналиста понятна: если метафора была стёртой, то теперь она затёрта до полной изношенности.

Как же уйти от привычной формулы наименования? Как это происходит в новгородском ономастиконе? Прежде всего, можно прибегнуть к другим словам с пространственной семантикой, так появляется магазин «**Страна дверей**», салон красоты «**Территория красоты**», юридическая компания «**Территория права**», салон цветов «**Цветочный город**». Минимализации пространства позволяет достичь лексема *дворик*, активно используемая в Великом Новгороде: «**Пивной дворик**», «**Цветочный дворик**», «**Табачный дворик**» – это всё эмпоронимы; когда-то был трапезоним «**Винный дворик**», сейчас неподалёку от того места – «**Грузинский дворик**». Минимализация метафорического пространства создаёт эффект интимизации, уюта. Едва ли не чаще приходится наблюдать увеличение масштабов пространства, когда в эргонимы вовлекаются слова с пространственной семантикой – *континент*, *планета*, *империя*; в этих случаях возникает эффект гиперболы, о которой пойдёт речь в следующем разделе.

4.1.3 Гипербола

Хорошо известная фигура речи, гипербола состоит в чрезмерном преувеличении, своими гиперболами прославились Гоголь, Маяковский [Квятковский 1966: 87–88].

В новгородском ономастиконе этот стилистический приём эксплуатируется в названии магазинов, владельцы которых хотят представить свой товар в невероятном количестве и разнообразии, а также заведений, которые подчёркивают множественность и разнообразие своих услуг. Гипербола в таких эргонимах реализуется одним путём: название магазина строится по формуле «гиперболический показатель + название основного товара в родительном падеже». В роли гиперболических показателей выступают слова пространственной семантики, которые ассоциируются с громадными пространствами, это в первую очередь субстантивы *империя* и *планета*.

Магазин «**Империя сумок**» и автосервис «**Империя масел**» не исчерпывают список таких гиперболических названий. Есть места скопления империй, так, в Торговом доме «Сплав», открытом в 2016 году,

практически все магазины называются гиперболически – «**Империя мебели**», «**Империя косметики**», «**Империя детства**»; для оздоровительного центра избрано имя «**Галактика**». Очевидно, что общий замысел имядателей амбициозный, или таков их вкус – «чтобы с размахом».

Размах ощущается и в названии магазина товаров для животных «**Континент Зоо**».

Популярно среди любителей гиперболических названий слово *планета*, в городе есть «**Планета одежды и обуви**», «**Планета игрушек**», «**Планета приколов**».

Слово *море* в количественном значении даёт гиперболические названия – магазин «**Море чая**» и турфирма «**Море солнца**».

В 1990-е годы в городской ономастикон вошло слово *рай* и его синонимы *парадиз* и *эдем*. Когда они выступают сами по себе, то гиперболичности не возникает, она появляется при соединении с прилагательным, образованным от обозначения товара, возникает ощущение преувеличения не потому, что в слове *рай* есть смысл количества: «там есть всё, что только можно представить». Именно это значение реализуется в названиях магазинов «**Джинсовый рай**», «**Пуховый рай**» (подушки, одеяла, пледы) и «**Авторай**», туристической фирмы «**Эдем**» (как обещание неземных удовольствий в путешествии).

Таким образом, новгородской эргонимии не чужды гиперболы. Конечно, многочисленные *империи* и *планеты* на вывесках становятся привычными, их гиперболичность стирается, не производит запланированного эффекта, но с позиций стилистики этот факт необходимо отметить.

4.1.4 Аттракции – омонимическая и паронимическая

Парономазия, или паронимическая аттракция хорошо изучена в стилистике поэтических и медийных текстов, описана в справочниках, например, в [Сковородников 2005]. Суть этого стилистического приёма состоит в преднамеренном сближении паронимов, которое даёт особый смысловой, а значит, и стилистический эффект. Если вслед за исследователями риторических приёмов использовать более общее понятие *аттракция* [Копнина 2009: 414], то можно говорить о преднамеренном сближении не только паронимов, но и других слов, которые связаны парадигматическими отношениями или им эти отношения навязываются преднамеренным сближением.

Надо отметить, что исследователи чаще всего рассматривают случаи, когда результаты аттракции представлены в тексте, например, *Ге-*

нерал Ермолов *дерзал* в бою и *дерзил* царю [Сковородников 2005: 215]. Между тем аттракция как стилистический приём может выводить в текст только одно из преднамеренно сближаемых звеньев, второе возникает в сознании читателя, и таким образом достигается стилистический эффект, в том числе иронии, как в заголовке статьи о посещении Путиным парка развлечений «Остров мечты» – «И Dream Отечества нам сладок и приятен» (Коммерсантъ. 28.02.2020): паронимическая аттракция *дым/dream* и отсылка к «Горю от ума» создаёт эффект лёгкой иронии, причина которой раскрывается в статье. Такую аттракцию можно назвать имплицитной, так как одно из её звеньев оказывается неявно присутствующим в тексте. Следует особо отметить, что здесь преднамеренно сближаются слова разных языков, которые обнаруживают звуковую близость.

Понятно, что в городском ономастиконе может использоваться только имплицитная аттракция, поскольку её результаты должны быть представлены на минимальном пространстве вывески. Омонимическая аттракция рассмотрена на материале разных городов в [Шмелева 2014]: это названия магазинов «Точка суши» (омонимия русского слова *суши* и японского *суши*); на отдельные случаи паронимической аттракции указано в [Шмелева 2017], где наиболее выразительный пример – название магазина строительных материалов «Мел Гипсон»: русские слова *мел* и *гипс* преднамеренно сближены с именем голливудского актёра Мела Гибсона.

Что касается новгородского ономастикона, то названные стилистические приёмы могут быть продемонстрированы небольшим количеством городских имён.

Так, омонимическая аттракция представлена в названии мебельного магазина «*СтолБери*»: оно производит впечатление сложного

слова, обе части которого легко опознаются – первая как субстантив *стол* и вторая – как императив глагола *бери*, актуального для ситуации покупки (можно вспомнить присловье «Будем брать»). Но нельзя не заметить, что императив оказывается омонимичным английскому слову *berrie*, которое значит «ягода» и входит в качестве второй части в название ряда торговых марок, в том числе интернет-магази-

на «*Wildberries*», вывески которого расположены в разных местах города. Понятно, что в этом случае речь идёт об омофонии, так как написание этих слов на разных языках не совпадает.

на «*Wildberries*», вывески которого расположены в разных местах города. Понятно, что в этом случае речь идёт об омофонии, так как написание этих слов на разных языках не совпадает. Паронимическая аттракция, вообще-то не так часто используемая в разных сферах речи, в новгородском ономастиконе представлена названием мастерской художественнойковки «*Skovalli*», в котором сближается форма прошедшего времени множественного числа русского глагола *ковать* и вымышленная итальянская фамилия, итальянский эффект которой подчёркивается изображением на латинице и двойной согласной *l*;

На основе этого же приёма потсроены имена мини-бара «*АлкоХолл*» с эффектом респектабельности и кафе быстрого питания «*ShauRoom*» с эффектом, как было сказано в Главе 3, пародии на приобретающее популярность обозначение магазинов одежды английским словом *showroom* (кстати, в этой аттракции использовано не популярное в Великом Новгороде, но вполне узнаваемое название блюда *шаурма*). Паронимическую аттракцию можно увидеть и в названии кафе «*Торт в рот*», это единственный случай, где оба звена аттракции присутствуют, обнаруживая их почти палиндромные отношения.

Таким образом, омонимическая и паронимическая аттракции в новгородском ономастиконе актуализируют средства русского и других языков, что говорит о креативности новгородцев.

4.1.5 Персонификация, или олицетворение

Стилистический приём персонификации, или олицетворения, достигается в поэтической речи применением к предметам глаголов, характерных для человека, как у Тютчева – «*Пьют деревья*», или обращением к ним, как в народной поэзии – «*Вы не дуйте, ветры, на лесочки*». Языковые возможности персонификации разнообразны [Квятковский 1966: 183].

логотипе рестораника «Донна Пицца».

Название магазина «Miss Kapris» обходится без изображения, но персонификация ощущается, хотя утверждается, что стоматологические клиники выбирают серьёзные названия и языковой игрой не увлекаются [Иссерс 2018], в Великом Новгороде есть стоматологическая клиника «Мистер Зуб», на логотипе которой изображается довольно весёлый мистер.

оборудованием балконов и лоджий, «Mr. Balcon» создаёт впечатление респектабельного джентльмена, с которым можно иметь дело. Отметим, что мистер Зуб изображается, так сказать, в полный рост, а мистер Балкон представлен портретно.

Как и месье Рокфор в названии сырного бутика, с той разницей, что месье изображается метонимически – усами и поварским колпаком, который одновременно обозначает сыр (вспоминаются шутки про сыр и дырки).

Итак, персонификация используется в названиях разных городских заведений – от стоматологической клиники до сырного бутика. Каков эффект этого стилистического приёма? Можно его квалифицировать как фатический: он как бы организует встречу клиента и персонажем, и это способствует налаживанию комфортных отношений, с долей юмора, которая заключается в такой персонификации.

В городском ономастиконе используется один из способов: к именам неодушевлённым прибавляются этикетные слова, характерные только для людей, при этом они берутся из других языков.

Название цветочного салона «Дон Пион» создаёт образ гордого идалго, который на вывеске визуально не проявляется, а на логотипе изображается весьма условно, как и на

4.1.6 Говорящие фамилии

Этот чисто литературный стилистический приём сформировался в рамках классицизма и с завершением его стал считаться примитивным, слишком прямолинейным.

В городском ономастиконе уже в текущем веке возникло увлечение говорящими фамилиями, иначе говоря, названиями заведений в виде фамилий, образованных от слова, обозначающего характер заведения [Шмелева 2019: 122–123].

нев».

Интересно, что принцип говорящих фамилий распространился в новгородском ономастиконе и на отчества, так появился мебельный магазин «Алла Дивановна» (теперь на его месте другая вывеска, а ВКонтакте магазин представлен логотипом, на котором изображается только диван, а не какая-нибудь Алла). Можно предполагать, что это «говорящее» отчество появилось под воздействием реальных отчеств на вывесках магазина строительных материалов «Петрович» или кондитерских «У Палыча».

Интересно называются кузнечные мастерские, которых становится всё больше. Их имена «Металл и Ков», «Стальков» напоминают русские фамилии, а мастерская художественнойковки «Skovalli» – итальянскую (к тому же эта «фамилия» обнаруживает паронимическую аттракцию с формой русского глагола ковать, что рассмотрено в соответствующем разделе, где приведено и изображение логотипа).

Таким образом, интересный стилистический приём, выработанный в рамках литературы классицизма, неожиданно вышел в просторы городской среды и стал элементом стилистики городского ономастикона. Интересно при этом, что визуально на таких вывесках и логотипах изображаются не люди, а те объекты, которые мотивируют фамилию, иными словами, содержание в таких названиях важнее, чем форма, в роли которой выступает фамилия, создавая игровой эффект.

В целом вопрос о стилистике городского ономастикона важен, как представляется, не только для его изучения, но и для понимания стилистики в её современных проявлениях, которое характеризуется расширением сфер её действия.

4.2 Семиотика новгородского ономастикона

В уже представленных аспектах ономастического портретирования Великого Новгорода городские имена рассматривались «по одиночке» или объединялись по принципу соотнесённости с подобными объектами номинации – будь то монастыри или магазины товаров для домашних животных. Но в реальном городе они существуют не только при своём объекте номинации, но и составляют общий городской текст, постоянным читателем которого оказывается горожанин (с этой точки зрения город рассмотрен в [Шмелева 2012]). В каждодневном чтении городские имена отсылают друг к другу, связываются друг с другом, образуя цепочки – смысловые и графические, которые лингвисты называют культурными кодами [Толстая 2008: 334–335]. С этой точки зрения городской ономастикон представляет собой поликодовый феномен, что обосновано в общем виде в [Шмелева 2019с]. Новгородский ономастикон можно охарактеризовать и в плане графических кодов, и в плане смысловых. В этой части главы представлено описание смысловых кодов, а графические охарактеризованы с опорой на понятие *каллиграфии*.

4.2.1 Персонный код

Для новгородского ономастикона важнейший, как представляется, – персонный код, то есть отражение в городских именах людей, значимых для города. Персонный код вовлекает в городскую среду множество существительных личной семантики, что позволяет увидеть различные субкоды [Толстая 2008] персонности, к которым можно отнести посессивный, меморативный, игровой. Описание удобнее построить от типов имён.

Антропонимы в новгородском ономастиконе имеют давнюю традицию: годонимия средневекового Новгорода была преимущественно деантропонимной, образованной от дохристианских имён [Васильев 2005: 337]. Годонимы *Данславля*, *Розважа*, *Людогоща*, *Редятина* – притяжательные прилагательные от мужских имён Данслав, Розвад, Людогост, Редята [Там же: 338–339, 342, 348–349]. Эти годонимы, представлен-

ные в Главе 2, присутствуют в ономастиконе и современного Новгорода, хотя часть названий улиц утрачена. Чьи это были имена, уже непонятно, история не сохранила сведений об этих персонах, но сами имена хранятся в годонимии и, что важно для ономастического портрета, подтверждают, что персонный код – традиционен для новгородской ономастики. Они дают основание утверждать, что первым из субкодов персонности реализовался субкод посессивный, конечно, посессивность нельзя понимать буквально – как имущественные отношения, прилагательное фиксирует некую связь носителя имени и улицы.

Так, годоним *Людогоща*, возвращённый на карту Новгорода в 1991 году в своём первоизданном виде, прямо указывающем на производность от имени *Людогост*, в разное время, начиная с 1230 года, фиксировался как *Людьгоща*, *Людгоща*, *Люгоща*, *Лугоща*, *Легоща*, *Лягоща* [Васильев 2005: 342]. В устной стихии годонимы существовали довольно долго: идея фиксировать названия улиц на табличках появляется в конце XVIII века, сначала только в Петербурге, затем в Москве.

В этом же веке появляются вывески на городских заведениях, прежде всего торговых. Во всяком случае, для этого столетия отмечено слово *вывеска* в значении «Изображение, надпись над входом в лавку, мастерскую, трактир и пр.» [Словарь 1988: 197]. На вывесках фигурируют надписи типа «Лавка купца Парамонова», то есть главными оказываются фамилии. Однако стоит отметить, что такие надписи представляли собой не онимы, а своеобразные адреса – сведения о владельце заведения. Тем не менее в средневековом городе были и городские имена с семантикой группы персон. Так древние новгородские хоронимы отражают их население – *Плотники* и *Кожевники*, *Гончарный* конец тоже информирует о занятиях его жителей, как и улица *Конюхова*. Имя *Чудинцевой* улицы отсылает не к этнониму *чудь*, а к антропониму *Чудинец*, носители которого могли быть выходцами из северных (чудских) мест или просто странными людьми (чужими) [Васильев 2005: 354–355]; название *Прусской* улицы, известное с 1185 года, обозначает направление «к прусам», то есть реализует пространственный код (как путь «из варяг в греки»).

Полностью «перенастроила» персонный код российских городов и, естественно, Новгорода советская власть. Так, в 1919 году в Новгороде прошла первая кампания переименования улиц, и в городской ономастикон, как уже было показано в Главе 2, вошли имена *Либкнехта*, *Урицкого*, *Чернышевского*, *Бибеля*, *Свердлова*, *Толстого*, *Желябова*, *Розы Люксембург*, *Максима Горького*, *Володарского*, *Луначарского*,

Шмидта, Лассала, Нахимсона, Маркса. Это были фамилии не владельцев домов или заведений, а революционеров, которых надлежало знать и помнить. Так сформировался меморативный субкод персонного кода, который вытеснил другие субкоды. Сегодня ни одного из этих имён в городском ономастиконе нет, но память о некоторых улицах сохраняется, например, на Прусской улице, которая ранее носила имя Желябова, сейчас находится автомойка «*Желябово*», напоминая о советском имени улицы.

Позднее список фамилий, подлежащих включению в городской ономастикон, пополнялся фамилиями деятелей советского государства, а после войны – именами героев, погибших в боях с немецкими захватчиками, что подробно рассмотрено в Главе 2, и писателей от Горького и Толстого до Достоевского, которые рассматриваются в рамках кода русской словесности.

Значимость меморативного субкода для новгородцев подтверждается, когда они принимают за меморативные топонимы названия, не имеющие отношения к этому коду, например, Чудинцева улица до сих пор порождает вопросы «Кто такой Чудинцев?» и «Чем он лучше Толстого?», так как смену имён многие воспринимают как требование помнить новую персону, подвергнув забвению предыдущую. До сих пор меморативность воспринимается как обязательное свойство улиц, а город – как большой мемориал. И до сих пор многие горожане воспринимают именование улицы фамилией заслуженного человека как лучший и едва ли не единственный способ увековечить его память. Поэтому различные организации требуют называть улицы в память об их ушедших коллегам.

Наряду с фамилиями персон, которых необходимо помнить, в советском городе фигурировали названия групп лиц по политической принадлежности и социальному статусу, которых следовало почитать: улица *Большевиков, Ветеранов, Воинов-интернационалистов, Нардовольцев, Новаторов, Новосёлов*. В разное время в городе улицы именовались прилагательными: *Комсомольская, Красноармейская, Крестьянская, Пионерская, Молодёжная*. Эти коллективные имена улиц отличаются от средневековых, поскольку не информируют о жителях улицы, а предписывают почитать такие профессии и объединения. Такая форма почитания сохраняется и в современном городе (ул. *Рабочая*), хотя это воспринимается как дань советскому прошлому.

В 1990-е годы, когда фамилии персон, предназначенных для вечной памяти, были «изгнаны» с уличных табличек, в городскую среду начи-

нают включаться *имена*. Некоторые из них напоминают дореволюционные владельческие обозначения, например, автозапчасти «*У Миши*», другие становятся знаком неофициальности, основанном на противопоставлении фамилии и имени, особенно в неофициальной домашней форме: так называют заведения красоты – «*Анастасия*», «*Юлия*», «*Анюта*». Эти имена для горожанина обозначают просто женщину / девушку, а не персону, которую надо помнить и чтить.

Интересно, что наряду с именами в городской ономастикон стали входить отчества как неофициальное обозначение человека в дружеском кругу – магазин строительных материалов «*Петрович*» или кондитерские «*У Палыча*».

На вывесках «*Лавка купца Ванина*», украшающих несколько торговых заведений в городе, фигурирует реальная фамилия, такие же можно найти и на вывесках «*Кузнечной мастерской Симанова Сергея*», «*Школы гусельника Антония*», салона красоты «*Style Studio Левченко Татьяны*». Эти факты говорят о возвращении имён и фамилий владельцев в городской ономастикон, как это было до революции.

Наряду с этими фамилиями фигурируют такие, которые можно назвать прецедентными. Так, рюмочная «*Менделеев*» украсила ненадолго улицу Студенческую; и это читалось как отсылка к известному мифу о том, что Менделеев вывел формулу водки, тем более это должны были знать студенты, проходившие мимо. Салон красоты «*Раневская*» отсылает читателя к известной фразе, произносимой артисткой в фильме «*Весна*» и ставшей её визитной карточкой, – «*Красота – это страшная сила*». Конечно, здесь можно увидеть и намёк на мемориальность, желание напомнить об актрисе, но очевидно, это не главная цель наименования. Логичнее в таких наименованиях видеть *прецедентный* субкод персонного кода, отсылающий к культуре в широком смысле и связи именуемой персоны с наукой или кино, как в рассмотренных случаях.

Прецедентные имена во множестве присутствуют в современном Великом Новгороде – «*Афродита*», «*Аэлита*», «*Жизель*», «*Кармен*», «*Маргарита*»... При этом важно отметить, что владелец заведения, выбирая для него, например, имя Маргарита, мог иметь в виду свою мать, жену, дочь, любимую женщину, себя, наконец, но горожанин, прочитав вывеску, соотнесёт её с героиней романа М. Булгакова и воспримет как имя прецедентного субкода персонного кода, он не обязан выяснять у владельца мотивы его наименования, он видит имя в городском и культурном контексте. Источники персонных имён разнообразны: это и фольклор – «*Иван да Марья*», и мировая литература – «*Гулливёр*»,

и кино, в том числе зарубежные мультфильмы – «Папай». Именно они соединяют персонный код с кодами русской словесности, кино, музыки, которые далее рассматриваются отдельно.

Наконец, персонный код составляют имена **квазиперсон** – обозначений, полученных с помощью персонификации и говорящих фамилий, как это показано в 4.1.5 и 4.1.6 – «Мистер Зуб», «Мадам Шторкина» и др.

В целом персонный код создаёт в городе особое семиотическое «население», которое составляют герои войны (Панкратов, Черемнов, Телегин, Бредов), деятели науки и культуры (Ломоносов, Попов, Рахманинов), писатели (Державин, Достоевский), а также персонажи литературных и кинематографических произведений (Белый Бим, Гулливер, Изуми, Папай) и, наконец, квазиперсоны, придуманные создателями эргонимов (Алла Дивановна, Дон Пион, Мистер Зуб, Мистер Балкон). Это семиотическое «население» создаёт культурный фон города, связывает его с историей и культурой.

Для понимания поликодовости новгородского ономастикона важно отметить, что персонный код пересекается со многими другими; так, имена православных святых, или агионимы (Георгий, Николай, Филипп, Федор Стратилат), создают пересечение персонного кода с православным, который рассматривается в следующем разделе; ранее он проанализирован в [Шмелева 2020б].

4.2.2 Православный код

Кто бывал в Великом Новгороде хотя бы один день, не мог не заметить, как солидно представлено в нём православие: каждая улица упирается в купол храма, доминанту кремля составляет Софийский собор, и он там не единственный храм, на Ярославовом дворище, где обязательно побывает гость города, глаза разбегаются от храмов, поражает их число. Новгородцы же знают, что наш город – центр православия, один из первых городов, где построен Софийский собор, а затем выросло множество храмов и монастырей. Их названия звучат языковым аккомпанементом к архитектурному проявлению кода православия и увертюрой – к текстовому. Таким образом, православная часть городского ономастикона связывает разные «носители» православного кода русской культуры как она представлена в Великом Новгороде.

Городские названия церквей и монастырей, как уже отмечено, отличаются от официальных: если официальное название храма – Бориса и Глеба в Плотниках, то в городской речи оно звучит без топонима (тем более что такой храм в городе один); если официальное название, напи-

санное на воротах монастыря, – Свято-Юрьев монастырь, то горожане называют его Юрьев.

Представляя объём этой части словаря города, следует сказать, что её составляет более 120 имён; это около полусотни имён храмов и почти три с половиной десятка производных от них годонимов и эргонимов; больше десяти монастырей и два десятка производных от их наименований городских имён (годонимы, хоронимы, дромонимы). В городе, где более 200 улиц, сотня с лишним имён – весьма значительная часть городского ономастикона. Это убеждает в значимости православных имён, которые представляют собой четыре типа названий – обозначения Христа в его разных ипостасях, событий евангелической истории, святых и икон, что позволяет рассмотреть каждый из этих типов.

Из ипостасей Христа важнейшей в Новгороде оказалась Святая **София** Премудрость Божия, которой посвящён собор, построенный в 1045–1050 гг. [Архитектурное наследие 2014 – *далее все даты строительства выверены по данному каталогу*], ныне кафедральный собор и архитектурная доминанта кремля. Как уже отмечено, представление о Святой Софии вошло в культуру новгородцев настолько прочно и глубоко, что она стала восприниматься и как символ города. Другая ипостась Христа – **Троица**, ей в Великом Новгороде посвящена церковь недалеко от кремля, построенная в XIV веке. Имя этой церкви широко известно вне церковной сферы, поскольку рядом расположен Троицкий раскоп, в котором более 40 лет ведутся археологические работы и уже найдено более 1000 берестяных грамот. В XVI веке строятся Троицкая церковь в Духовом монастыре и Троицкий собор в Клопском монастыре. Неразрывно связан с Троицей **Святой Дух**, которому посвящён Свято-Духов монастырь (горожане называют его Духов), созданный в XII веке, и его главный собор Святого Духа, построенный в XIV веке. Во имя Всемилоственного **Спаса** в начале XIX века построен собор в Юрьеве монастыре.

Троицких и Спасских церквей в России много, Софийских соборов меньше. Построенная в первый век христианства на Руси, София воспринималась как «цитата» константинопольской Ай-Софии и служила символом принадлежности «греческому» христианству и в то же время независимости от Константинополя. Новгородская София, построенная через семь лет после Киевской, подтверждала значимость Новгорода.

Интересно отметить, что «присвоение» представлений об ипостасях Христа как ключевых идей православия было характерно для русских городов. Так, Псков стал «домом Троицы», а Тверь – «домом святого Спаса» [Дьяченко 2006: 645]. Это означало выдвижение «при-

своеенного» понятия в центр православного словаря города и архитектурное закрепление его в главном храме. Разумеется, это не означало, что другие православные представления исключены для пространства этого города.

Таким образом, обозначения ипостасей Христа становятся знаковыми для русских городов, а София – символом Великого Новгорода. В дальнейшем её присутствие в городском пространстве подкрепляется наименованием части города – Софийская сторона, главной площади города – Софийской, а в последнее время это имя становится названием ряда городских институций, самая близкая из которых – отель «Sofia».

События евангельской истории, память о которых поддерживается церковными праздниками, тоже отражены в названиях новгородских храмов. Так, в начале XII века в Антониеве монастыре построен собор **Рождества Богородицы**, ставший архитектурной доминантой обители и сохранившийся до наших дней; в конце века княгиня Елена, жена Ярослава Владимировича, строит церковь Рождества Богородицы в Михалицком монастыре, храм сохранился (он стоит на Молотковской улице), монастырь – нет. Не сохранился одноимённый собор, построенный в XIV веке в Десятинном монастыре.

Успению Богородицы посвящены храмы на Торгу (построен в 1135 году Всеволодом Мстиславичем и епископом Нифонтом); в Колмовском монастыре (построен в XVI веке); на Волотовом поле (построен в XIV веке) и в Деревяницком монастыре (построен в XVIII веке).

Благовещение звучит в названии церкви на Рюриковом Городище, она построена в начале XII века князем Мстиславом Владимировичем по случаю рождения его сына Всеволода, который был крещён Гавриилом, а именно Гавриил принес благою весть Богородице; так же названа церковь на Михайловой улице, построенная в 1361–1362 гг.

Рождество Христово – такое название носит храм на Красном поле, современным новгородцам известный как «на Воскресенском кладбище», построенный в XIV веке.

Сретение Господне запечатлено в названии церкви в Антониеве монастыре, построенной в XVI веке и служащей сейчас университетским храмом.

Входу Господню в Иерусалим посвящена церковь в кремле, построенная в XVIII веке на деньги, пожалованные императрицей Елизаветой Петровной; этот редкий для Новгорода образец провинциального барокко используется сейчас для проведения публичных мероприятий.

Воскресение Христово звучало в названии одной из церквей кремля – надвратной Воскресенской церкви, построенной в конце XIII века и давшей название Воскресенской башне кремля и воротам, которые сегодня служат главным входом в кремль; звучит в названии главного храма Деревяницкого монастыря, который был построен в XVII веке, сохранился до наших дней, но не используется церковью. Так же называется церковь (по другим данным, – Уверения Фомы в Воскресение Христово) Воскресенского монастыря на окраине Новгорода, который упразднён ещё в XVIII веке, два его храма оставались приходскими, но сейчас архитектурные памятники.

Спаса Преображение оказалось излюбленным эпизодом у новгородцев, поэтому такое название носит серия храмов: церковь Спаса Преображения на Ильине улице, в Хутынском монастыре, на Ковалёве, на Нередице (два последние тоже были монастырскими храмами, теперь они, восстановленные после войны, одиноко возвышаются на высоком берегу Малого Волховца за границами города).

Вознесение Христово служит наименованием церкви в Сырковом монастыре, построенной в конце XVII века.

Кроме того, в Новгороде есть храмы, в названии которых запечатлён эпизод из истории Константинополя, когда город спас **Покров Богородицы**, явившейся Андрею юродивому, который молился со своим учеником Епифанием во Влахернском храме [Дьяченко 2006: 447]; праздник Покрова Богородицы установлен на Руси Андреем Боголюбским и с тех почитается наряду с праздниками, в основе которых лежит память о евангельской истории. Имя Покрова носила и надвратная церковь в кремле, которая дала название Покровской башне; так называется церковь XII века и пристроенный к ней Покровский собор конца XIX века в Зверинском монастыре.

Таким образом, в городской среде Великого Новгорода можно найти храмы, посвящённые основным православным праздникам, а это значит, что в ономастиконе присутствуют их названия, это и составляет основу православного текста. Указания на время строительства храма показывают, что этот текст формировался начиная с XI века. Конечно, какие-то храмы разрушались, унося с собой и имена, но в целом отражение новгородским ономастиком основных православных праздников остаётся неизменным.

Из **святых**, которым посвящались новгородские храмы и приделы, следует назвать имена пророка Илии, Иоанна Предтечи, Симеона Богоприимца, Михаила Архангела, Лазаря, апостолов Филиппа, Петра и

Павла, Николая Чудотворца, святого Никиты Мученика, великомучеников Федора Стратилата и Андрея Стратилата, Георгия, Параскевы Пятницы, священномученика Власия, великомученика Димитрия Солунского, Климента Римского; и русских святых – благоверных князей Бориса и Глеба, преподобных Сергия Радонежского, Никиты Новгородского, Варлаама Хутынского, Антония Римлянина, Тихона Задонского... Церковь Двенадцати апостолов хранит в своём названии память об апостолах в их единении. Кроме того, имена улиц хранят память о святых, которым были посвящены исчезнувшие храмы, – Косме и Дамиане, Иакове, Мине...

Из храмов, посвящённых **иконам**, надо назвать величественный Знаменский собор, посвящённый иконе Богородицы Знамения, почитаемой как спасительница Новгорода с XII века; собор Сретения Владимирской иконы Божией Матери в Сырковом монастыре; церковь Тихвинской иконы Божией Матери, о которой напоминает название улицы Тихвинской.

Итак, православный код новгородского ономастикона создают и поддерживают в городе четыре группы имён, связанных с обозначением Христа в его разных ипостасях, православных праздников, святых и икон. Благодаря их присутствию, город оказывается «населённым» (постепенно за сотни лет) небесными покровителями новгородцев, которые становились участниками их жизни. О них говорили «пойти к Илье», «крестили у Филиппа», «помолиться у Антония Римлянина», «полюбоваться Параскевой Пятницей»... Эта духовная часть словаря, постоянно звучащая в городе названиями церковных праздников, которые становились и городскими ориентирами во времени, создавала особую православную атмосферу, объединявшую Новгород со всеми русскими городами и в то же время выделявшую его из них своей особой насыщенностью.

Понятно, что в советские времена было сделано всё, чтобы этот код городской культуры приглушить, если не совсем уничтожить. Церкви и монастыри закрывались, в них размещались разные производства, конторы и даже жильё, но они оставались в городе, их названия знали советские поколения горожан, в их сознании имена оставались. Сейчас, когда во многих храмах возродилась церковная жизнь, православный код новгородского ономастикона и новгородской культуры звучит всё более ощутимо.

4.2.3 Исторический код

Важнейшим для Великого Новгорода оказывается его исторический код, который создаётся самим существованием города, его обликом, архитектурными памятниками. Что касается ономастической составляющей исторического кода, то её формируют прежде всего средневековые имена улиц, которые производят сильное впечатление на гостей города, да и новгородцам не дают забыть о средневековой истории. Имя улицы Славной – не от *славы*, от топонима *холм Славно*; Людогоста – от имени *Людогост*, Редятина – от имени *Редята*, Чудинцева – от названия *чудинцы*... Средневековые имена оказываются явными свидетельствами древности города. Эти имена хранят память о дохристианских именах вместе с годонимом **улица Волосова**, полуостров **Перынь**, строительная фирма, студия художественнойковки и фирма, торгующая сварочными аппаратами, **«Сварог»** (видимо, кто-то думает, что *сварог* – производное от слова *сварка*, неслучайно так называются и сами аппараты); производственная компания **«Сварожич»** (что значит ‘сын Сварога’), парикмахерская **«Лада»**. Сюда включаются и искусственные образования – **«Лучана»**, **«Берегиня»**, **«Ладея»**, **«Здравушка»**. Архаичность может создаваться и формой имени, как в названии фирмы **«Данилкины двери»** (*Данилка* – типичная древнерусская форма имени, да и прилагательное от него не выглядит современно).

Эффект древности поддерживается серией наименований – торговый дом **«Русь»**, туристический инфоцентр **«Русь новгородская»**, турфирма **«Русский мир»**, они вносят свой вклад в исторический код. В советские годы и слово *Россия* казалось устаревшим, оно было редким в качестве наименования кинотеатра, теперь киноцентра **«Россия»**, тоже создавая эффект старинности. *Кремль* – конечно, старинное слово, но новгородский кремль называется *Детинец*, что окружает его дополнительным ореолом старинности. Даже магазин антиквариата **«Старина»** не только указывает на характер своего товара, но и вкладывает свою лепту в старинность города.

Советское время уже стало предметом памяти, но ономастикон Великого Новгорода в начале 1990-х годов был освобождён от советизмов.

Остаются визуальные знаки – памятники Ленину, изображения на некоторых зданиях, старые имена улиц – проспект Ленина, проспект Маркса, Советская – иногда слышны в устной речи. Безотносительно к идеологии, но информативно по отношению к городскому быту оказывается название кафе **«Телеграф»**, расположенное в здании бывшего телеграфа.

Уже нет в городской практике такого заведения, как Дом быта, а его название сохраняет лофт-бар «Дом быта». Бар «Чародейка» напоминает о лучшем кондитерском магазине с таким же названием в том же месте. Таким образом, неидеологические советские городские имена сохраняются, именуя другие заведения.

Исторический код города поддерживают имена, мотивированные обозначениями реалий, которых уже нет в городской среде: улица **Набережная реки Гзень** напоминает о реке, которую ещё помнят новгородцы старшего поколения; улицы **Яковлева**, **Козьмодемьянская**, **Тихвинская**, **Предтеченская**, **Михайлова** и др. напоминают о храмах, которых уже нет.

Таким образом, исторический код новгородского ономастикона поддерживает память об истории города и нашей страны.

4.2.4 Географический код

В новгородском ономастиконе отражается география, которую в начале прошлого века составляли буквально несколько имён – от гостиниц «Москва» и «Екатеринослав» до завода пивоварения «Богемия». Современный географический код можно схематически представить как ряд концентрических окружностей.

Самая близкая к центру окружность – география самого Новгорода и его окрестностей: кинотеатр «Новгород», гостиница «Волхов», ресторан «Ильмень», Кремлёвский парк и магазин, улицы **Донецкая** (напоминаю: от гидронима Донец, приток Волхова), **Парковая**, **Десятинная**, название магазина «Ермолино», названия монастырей **Юрьева**, **Хутынского**, **Вяжищского**... Это зеркальная часть ономастикона, отражающая сам город.

За ним следует окружность, в которой оказываются отражения областных онимов – улицы **Шимская**, **Чудовская**, **Батецкая**... Надо сказать, что часть таких топонимов исчезли в результате возвращения средневековых имён улиц: Боровичская стала **Нутной**, Мстинская – **Андреевской**, Солецкая – **Каберова-Власьевской**, так что географический код города в этой части несколько потерял, уступил историческому.

Следующая окружность открывает новгородский ономастикон в пространство нашей страны. Это прежде всего главные улицы сторон – **Большая Московская** и **Московская** – в сторону Москвы, **Большая Санкт-Петербургская** – в сторону Петербурга, **Псковская** – в сторону Пскова. Активность этих топонимов как бы ежеминутно подчёркивает

связь Великого Новгорода со страной. Она фиксируется и эргонимией – сеть магазинов «**Московская ярмарка**», «**Великолукский мясокомбинат**» (Великие Луки – это Псковская область), магазин трикотажа «**Тривел**» тоже напоминает об этом городе, сеть магазинов «**Настоящий Вологодский продукт**», магазин «**Ивановский текстиль**»; магазин зимней одежды «**Northwestfur**» говорит о том, что живём на Северо-Западе России.

Наконец, последняя окружность открывает новгородский ономастикон в мир. Эту часть кода составляют топонимы разного масштаба: «**Планета**» (завод и турфирма), «**Континент**» (магазин), «**Чёрный континент**» (кофейня), «**Азия**» (чайхана), «**Арктика**» (магазин зимней одежды), «**Хорошенькие платья из Прибалтики**»;

затем страны и их провинции: «**Мадагаскар**» (турфирма), «**Café Valentia**» (кофейня), «**Бавария**» (кафе), «**Иль-де-Франс / Pe-de-France**» (ресторан);

наконец, названия городов: «**OldHam**» (паб), «**Casablanca**» (бар), «**Белград**» (ресторан), «**Нью-Йорк**» (лаундж-бар), «**Brooklyn**» (кафе), «**Малибу**» (турфирма), «**Рио-де-Жанейро**» (салон красоты), «**Берлин**» (магазин мужской одежды);

кроме того, на географический код новгородского ономастикона работают названия пролива «**Босфор**» (магазин кожи) и побережья на юге Европы – «**Ривьера**» (парикмахерская).

Помимо топонимов, используются производные от них прилагательные в названиях магазинов – «**Европейская обувь**», «**Белорусская обувь**», «**Польская одежда**», «**Польская мода**»; и кафе – «**Грузинский дворик**».

Кстати о трапезонимах, которых в географическом коде немало: они не столько отражают географию, сколько намекают на кухни соответствующих стран и континентов, тем не менее горожанин прочитывает названия кафе в первую очередь как географические.

Помимо топонимов и производных от них, географический код поддерживает лексика с сильными географическими коннотациями, например, *ковбой* и *мустанг* как знаки американских смыслов, которые были рассмотрены в Главе 3; названия блюд в роли трапезонимов – *пицца*, *васаби*, *хачапури* – все эти фактически интернациональные блюда сохраняют связь с Италией, Японией, Грузией. Эффект «зарубежности» создаётся и терминами городских заведений типа *таверна*, *паб*, *маркет*, и даже изображение имён заведения латиницей рассчитанно на лёгкий эффект заграничности.

Итак, географический код новгородского ономастикона представляет город как в координатах реальной географии страны, точнее Северо-Запада её Европейской части, так и в символическом пространстве мира, с которым новгородцы связывают разные стороны жизни. В целом географический код городского ономастикона постоянно напоминает, что мы живём не только в своём городе, но в мире, и мир присутствует в нашем городе множеством своих географических названий, культурных цитат и языков с их письменностями.

4.2.5 Код русской словесности

Этот код городского ономастикона создаётся именами писателей и персонажей произведений фольклора и литературы.

Имена писателей стали появляться в городском ономастиконе при советской власти. Можно сказать, что в фундаменте кода литературы заложено имя **Горького**, которое было дано одной из улиц Новгорода ещё в 1919 году, когда писатель был жив, но мемориализация его фигуры как «буревестника революции» началась [Шмелева 2018a], Чудинцовская улица, как она тогда называлась, стала улицей **Льва Толстого**: на ней находился частный музей Толстого в усадьбе толстовца В. А. Молочникова. Обе улицы, как уже было сказано, переименованы в 1991 году: первая превратилась в две улицы – Газон и Розважу, а вторая – в Чудинцеву.

В дальнейшем в 1945–1946 годах на волне «усиления русского начала» появились улицы **Пушкинская**, **Лермонтова**, **Некрасова**. Правда, после возвращения средневековых имён улиц в 1991 году осталась только Пушкинская, которая была переименована в Лубяницу, а затем в 1999 году ей возвращено прежнее имя. Улица Лермонтова стала Стратилатовской, а Некрасова – Предтеченской (все данные здесь и далее проверены по [Запольская, Моисеев 2010]). Переименование этих улиц до сих пор вызывает сожаление новгородцев, и люди старшего поколения продолжают их называть старыми именами.

Код русской словесности был поддержан в 1970 году, когда новая улица получила имя **Державина**; это имя мотивировано тем, что улица ведёт к дороге на Хутынский монастырь, где похоронен поэт. Правда, тогда монастырь стоял в руинах, а могила Державина находилась в Кремле, но в 1990-х годах монастырь начал восстанавливаться, и могилу перенесли на прежнее место. Державин связан с Новгородом не только тем, что похоронен в Хутынском монастыре, последние годы своей жизни он провёл в имении Званка на берегу Волхова неподалёку

от города (теперь это Чудовский район). Правда, после войны от имени ничего не осталось, но память о «державинских местах» жива.

Имя **Достоевского** носит Драматический театр, оно присвоено ему в 1997 году; а немного ранее, в 1995 году, имя писателя получила улица в Деревяницах (надо сказать, она мало кому известна). Ежегодно в городе проходит фестиваль спектаклей по произведениям Ф. М. Достоевского, куда приезжают театры разных стран, включая Японию, и имя великого русского писателя буквально не сходит с уст и первых полос медиа.

К коду русской словесности, безусловно, относятся имена **Кирилла и Мефодия**, которые носит одна из школ города, но более важным является традиция отмечать Дни славянской культуры и письменности, которые иначе именуются Днями памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кстати, именно в Новгороде появилось первое скульптурное изображение Солунских братьев – на памятнике Тысячелетию России в 1862 году.

Из персонажей русской словесности в городском ономастиконе лучше других представлен герой новгородской былины **Садко** – его именем названы гостиница, фестиваль народного искусства. Кроме того, его образ визуализирован в виде скульптуры в Кремлёвском парке, это изображение приводилось. Имя стоящей рядом с ним в скульптурном комплексе дочери морского царя **Волховы (Волхвы)** носил Дом быта, сейчас так называется турфирма. Общие фольклорные персонажи отражают названия магазина **«Иван да Марья»**, кафе **«Колобок»**. Литературные персонажи неожиданно появляются в названиях магазинов, торгующих товарами для домашних животных, – **«Золотая рыбка»**, **«Дама с собачкой»**, **«Белый Бим»**; трапезонимах – **«Золотая рыбка»**, **«Три толстяка»**.

Стоит добавить, что этот код обогащается именами мировой литературы, как в названии продовольственного магазина **«Гулливер»**, кафе **«Робинзон»**, столярной мастерской **«Папа Карло»**, парикмахерской для животных **«Йорик»** и салона красоты для них же **«Баскервиль Холл»**. И эти персонажи убеждают в том, что следует отдельно рассмотреть инокультурные коды новгородского ономастикона.

4.2.6 Инокультурные коды

Собственно, в рамках географического кода возникает присутствие не только далёких стран, но и иных культур. Их «дыхание» ощутимо и в коде словесности. Всё это говорит о том, что инокультурность – свойство городского ономастикона, которое заслуживает особого рассмотрения. В этом разделе в качестве таковых представлены коды античной, итальянской и восточных культур.

Античный код новгородского ономастикона

Античная культура – общечеловеческое достояние, которое составляют, как известно, греческие и римские элементы, отражается и в городском ономастиконе. Новгородский ономастикон включает почти полсотни имён с коннотациями античной культуры, что даёт возможность говорить о латинском и греческом субкодах античного кода.

Латинский субкод создаётся, как следует ожидать, прежде всего в именах медицинских заведений и юридических, ведь обе эти сферы продолжают использовать латынь в профессиональной коммуникации.

И действительно, в городе есть стоматология «**Радикс**» и аптека «**Вита**». Первое название означает ‘корень’, в этой ситуации надо понимать как корень зуба, известно русскому языку в производном от него – *радикальный*, которое толкуют через прилагательное *коренной*, например, «коренные перемены»; в выражении

радикальные взгляды связь с корнем уже не так ощутима, но этимологически она есть: радикальные взгляды предполагают решительные, коренные перемены в обществе [Крысин 2007: 646]. Возможно, и этот смысл вкладывается в название «стоматологической клиники современных технологий», предпочитающей радикальные решения, но всё-таки основное значение, что подчёркивается визуальным компонентом вывески, – это корень зуба. Наверняка значение решительных перемен вкладывается в название компании юридических услуг «**Радикал**» (хотя нельзя не признать такое название рискованным, учитывая коннотации, которые возникли у этого слова в политической сфере).

Название аптеки «Вита» означает ‘жизнь’, как и в предыдущих случаях, само это слово в русском языке отсутствует, но ощущается в словах *витализм*, *вита́льный* и даже общеизвестном *вита́мин* [Крысин 2007: 167–168], а также в известном выражении *дольче вита*, бук-

вально ‘сладкая жизнь’ из итальянского, самого близкого наследника латыни. Кстати, само это выражение используется в Великом Новгороде в качестве названия кондитерского магазина (*сладкая* здесь толкуется буквально), свадебного салона и салона красоты, что поддерживает знание слова *вита*.

Хотя юристы пользуются латынью не так активно, как медики, в новгородском ономастиконе юридических названий на латыни больше: юридическое агентство «**Де-факто**» (это наречие со значением ‘фактически, на деле’, хотя ожидается «Де юре», что значит ‘юридически’ [Крысин 2007: 246, 248]); «**Легат**» (значит ‘посол, выполняющий юридические поручения’ [Там же: 429]); «**Консалтум**» выглядит как искусственный латинизм от английского *консалтинг*, потому что в исходном латинском слове *consultatio* ‘совещание, рассмотрение, запрашивание совета’ [Там же: 388] не может быть *a* после *s*, а может быть только *u*, как в названии другой юридической фирмы – «**Консультант**» (что тоже приходится признать словом с латинской историей). «**Альтер-эго**» – буквально ‘второе я’, так говорится о друге, единомышленнике [Бабкин, Шендецов 1981: 72], как, видимо, хотят представлять себя юристы по отношению к потенциальным клиентам. Характерно, что это широко известное латинское выражение восходит к текстам греческого историка Диогена Лаэртского, который приписывает его философу Зенону [Там же: 73], что подчёркивает связь латинской и греческой культуры. Привлекательным для юридической компании показалось название «**Гемма-плюс**», *гемма* – латинское слово, означающее резной камень с изображениями, в древности такие использовались как печати и знаки собственности [Крысин 2007: 186]. Производит впечатление искусственным латинизмом и название юридической фирмы «**Дуалекс**», в котором легко узнать слово *lex*, означающее ‘закон’, из знаменитого афоризма *Duralex, sedlex* (Закон суров, но это закон) [Бабкин, Шендецов 1981: 371]; но что может означать *дуалекс* – два закона? Как можно убедиться, с латынью юристы обращаются довольно свободно.

Наиболее близкими к латыни сферами её использование не ограничивается. К латинским словам относится название производства молочных продуктов «**Лактис**», которое можно увидеть во многих районах города на фирменных киосках. Самого этого слова в значении ‘молоко’ в русском языке нет, но производные от него *лактация*, *лактометр*, *лактоскоп*, *лактоза* в словаре иностранных слов присутствуют [Крысин 2007: 424], хотя понятно, что это специальная лексика. К этому слову примыкают латинизмы, которые называют вещества и известны

из таблицы Менделеева, что и позволяет их вводить в городской ономастикон: это компания, принимающая металлолом, а также занимающаяся уборкой города и вывозом мусора, «**Феррум**» (железо) и ювелирный магазин «**Аурум**» (золото).

Кроме того, латинский субкод поддерживают слова, которые вошли в русский язык, но их латинское происхождение ощущается. Это название кредитного потребительского кооператива «**Кредо**», слово, кстати, представляет собой форму первого лица единственного числа латинского глагола *credere* ‘верить’ – ‘верю’, ‘верую’, но в русском языке примыкает к существительным среднего рода, хотя остаётся несклоняемым [Крысин 2007: 406]. А производное от этого латинского глагола – существительное *creditum* со значением ‘ссуда’ – через французское *credit* стало русским словом (вполне склоняемым) *кредит* [Там же: 405–406], которое входит в название ряда финансовых учреждений в Великом Новгороде: «**Хоум кредит**», «**Ренессанс кредит**», «**Партнер кредит**», «**Общедоступный кредит**». Телекоммуникационная компания взяла себе в качестве названия латинское слово «**Максима**», это философское понятие, означающее логический или этический принцип, выраженный в краткой форме [Там же: 456]. Названия фирмы недвижимости «**Глория**» и магазина джинсовой одежды «**Глория Джинс**» напоминают о латинском слове со значением ‘слава’ [Бабкин, Шендецов 1981: 525], впрочем, тут может иметься в виду женское имя. Этот список пополняют названия мебельной фирмы «**Сенатор**»; ювелирного магазина «**Консул**»; сауны «**Акватория**»; все эти слова вошли в русский язык и не нуждаются в объяснениях, но их латинское происхождение стоит подчеркнуть. Нельзя не вспомнить название одного из пивных ресторанов (паба) «**Гаудеамус**», который находился на пути к университету: хотя оно не относится к культуре Древнего Рима; это первое слово старинной студенческой песни, сочинение которой приписывают студентам Гейдельбергского университета в XIV веке, естественно, на латыни [Бабкин, Шендецов 1981: 511–512], хорошо известной современным студентам, особенно филологам, которые при изучении латыни заучивают её наизусть.

Греческий субкод античного кода новгородского ономастикона проявляется в юридической сфере, где есть юридические компании «**Фемида**» (в греческой мифологии богиня правосудия и олицетворение правосудия [Крысин 2007: 819]) и «**Эгида**» (мифологическое понятие, первоначально означающее щит Зевса и Афины, символа покровительства богов [Там же: 901]), в русском языке это слово используется толь-

ко в предложно-падежной форме *под эгидой*, поэтому именительный падеж производит оригинальное впечатление.

Другие сферы охотно используют греческие мифологические представления и имена соответствующих персонажей. Имя **Афродиты** – богини любви и красоты [Там же: 103] – становится названием салона красоты; **Гефеста** – бога огня и кузнечного дела [Там же: 196] – именем кузнечной мастерской; **Гермеса** – бога скотоводства, торговли и покровителя путников [Там же: 193] – именем турфирмы «**HermesTravel**»; имя **Галатеи** – прекрасной Нереиды, воспетой в романе Сервантеса, её образ вдохновлял Рафаэля и других живописцев [Словарь 1994: 119] – становится названием магазина женской одежды и фитнес-клуба; имя **Пегаса** – крылатого коня Зевса, от удара копыта которого забил чудесный источник, дающий вдохновение поэтам, символа поэтического вдохновения [Крысин 2007: 576] – становится названием турфирмы «**Пегас-туристик**» (видимо, способность крылатого коня летать показала имядателям более важным, чем его связь с поэзией); кроме того, так называется клуб любителей маломерного транспорта в Кречевицах.

Не совсем понятно, почему названиями турфирм стали имена **Деметры** – древнегреческой богини плодородия и земледелия [Там же: 238], **Орфея** – певца, который своим голосом очаровывал не только людей, но и диких зверей, деревья, скалы, реки [Там же: 550]. Так как прямой связи между мифологическим персонажем и характером заведения установить не удаётся, остаётся предположить, что здесь дело в привлекательности древнегреческой культуры.

Зато понятно, почему имя **Диониса** – бога растительности, вина и веселья [Там же: 258] – легко принимает магазин алкогольных напитков, как и его другое имя – Вакх, в латинской версии – **Бахус**. Хорошо понимали новгородцы, почему книжный магазин, недавно исчезнувший, ко всеобщей печали, называли «**Прометей**», ведь этот титан отнял у Зевса огонь и принёс его людям [Словарь 1994: 464], в этом случае имелся в виду свет знаний, заключённый в книгах; а имя его брата **Антея** носят юридическая фирма, строительная компания, студенческий стройотряд и даже товарищество собственников жилья.

Как можно убедиться, некоторые имена составляют контекст, выступая парами. Воспринимаются в паре и названия магазина товаров для рукоделия «**Золотое руно**» и кафе «**Арго**»: ведь это аргонавты на своём корабле «Арго» вернули в Грецию золотое руно – шкуру золотого барана – из Колхиды, куда его доставили дети Нефеды [Словарь 1994: 44, 216].

Некоторые названия оставляют в недоумении. Так, **Пандора** – в древнегреческой мифологии девушка, созданная Гефестом из земли и воды, известная тем, что из любопытства открыла ящик человеческих несчастий, поэтому выражение *ящик Пандоры* известно больше, чем она сама [Крысин 2007: 560]. Назвать её именем ювелирный магазин кажется рискованным, но так называется датская компания, магазин которой есть в Великом Новгороде.

Таким образом, имена персонажей греческой мифологии активно включаются в городской ономастикон. Кроме них, в него входит слово «**Эврика**», которое является именем гимназии, магазинов женской одежды, канцелярских товаров и гостевого дома. Это хорошо известное существительное восходит к греческому возгласу «Я это нашёл!», который приписывают Архимеду, открывшему закон гидростатического взвешивания, сидя в ванной; с тех пор это означает возглас радости при разрешении трудной проблемы [Словарь 1994: 646]. Образование предполагает множество таких ситуаций, да и в магазине можно воскликнуть «**Эврика!**», так что приведённые городские имена можно считать мотивированными.

Итак, античный код новгородского ономастикона представлен разнообразными именами из греческой мифологии, науки, римской политики, юриспруденции и науки; он включает город в контекст мировой культуры.

Итальянский код

Словесные знаки связи с Италией без труда можно найти и в городской среде Новгорода – это имена, связанные с Антонием Римлянином, прибывшим в самом начале XII века в Новгород из «ветхого Рима» и основавшим монастырь, который впоследствии стал носить его имя. В XIX веке от названия монастыря был образован ряд имён, несущих отсвет «итальянскости»: **Антониевская слобода**, **Антониевская улица**, **Антониевская набережная** и **Антониевский перевоз**. Сегодня набережной и перевоза нет, улица получила название Студенческой, но для этого названия нашли другую улицу и переулок. А Антониевская слобода превратилась в **Антоново** – один из лучших микрорайонов города. Кстати, это имя носит и инновационный центр НовГУ, о чём говорят буквы перед корпусом Гуманитарного института, сочетающие в себе визуальные и словесные знаки.

Кроме этих старинных имён, в городской среде можно увидеть и современные словесные знаки итальянского кода, уже не связанные с Антонием Римлянином.

В первую очередь в этой связи надо назвать «**Napoli**» – название ресторана на бывшей Антониевской улице (ныне Студенческой) с его

рекламным слоганом «Попробуй Италию на вкус». Название интересно прежде всего тем, что составляющее его имя итальянского города, который в русском узусе принято называть Неаполем, оказывается морфемным аналогом Новгорода и воспринимается как его тёзка. Этот факт отмечен

не только лингвистами, но и обсуждается журналистами, например, в спецпроекте сетевого издания «53новости», где, в частности, отмечено: «Историческая гордость – часть идентичности и неаполитанца, и новгородца» [Сабельский 2014].

Наряду с этим эргонимом, цветочные эмпоронимы привлекают в городскую среду итальянский топоним «**Флоренция**», женское имя «**Флоранс**», выражение прекрасного в высшей степени «**Беллиσιμο**» и конструкции на итальянском языке «**Amore + Fiori**», «**Diva Flora**», означающие «Любовь и Цветы» и «Божественная флора», что тоже о цветах. Название знаменитого римского сооружения используется для обозначения магазина керамической плитки «**Колизей**». Среди заведений еды есть «**Caffe Perfetto**» («совершенный, идеальный, образцовый»), а среди заведений красоты – парикмахерские «**DolceVita**» (всемирное известное обозначение сладкой или, как у нас переводят, комфортной, полной удовольствий жизни, о нём уже шла речь в связи с латинизмом «Вита») и «**Арлекино**» (имя героя итальянского народного театра). Наиболее явно итальянский код культуры прочитывается в названии ресторана итальянской кухни «**Розарио**», правда, он в связке с «**Васаби**», представляющем японскую кухню, но это уже издержки глобализации.

Интересно, что новгородские номинаторы придумывают искусственные «итальянские слова», как кафе «**DonnaPasta**», «**Gourmetto**» и «**Scovalli**». Первое название оказывается в серии обозначений «этикетное имя + знак того, что предлагает заведение, в том числе метонимическое», второе – образование от корня слова *гурман* итальянским суффиксом, как в слове *perpetto*; третье проанализировано ранее.

Помимо имён собственных, в городской среде на вывесках можно увидеть слово *трагтория* в названии «**трагтория Тепло**», это заведение на своей странице ВКонтакте сообщает, что «дарит Вам возможность окунуться в атмосферу итальянской жизни в самом сердце Великого Новгорода» (<https://vk.com/teplonovgorod>).

Неоднократно можно увидеть слово «**Ломбард**», известное в русском языке с начала XIX века и восходящее к устаревшему французскому наименованию ростовщиков, среди которых «в старой Франции было много итальянцев (особенно с севера Италии), которых в просторечии французы называли lombards – «ломбардцами» от Lombardie – «Ломбардия», провинция на севере Италии» [Черных 1993: 490]. Впрочем, в других словарях указывается, что в этой провинции в XIII веке появились первые учреждения, выдававшие ссуды под залог вещей [Крысин 2007: 445]. Но так или иначе, это заведение и имя связаны с Италией, включаясь в итальянский код новгородского ономастикона.

Можно утверждать, что его поддерживают и итальянизмы в лексиконе новгородцев. Первым стоит назвать слово *фреска* (итал. *fresco* – «свежий, сырой»), которое новгородцы знают в выражениях «фрески Феофана Грека», «на этой фреске изображён...», но чаще – «восстановление фресок». И конечно, как все русские, новгородцы знают классические итальянизмы из сферы театра (*опера, фортепиано, бас, тенор, бутфория, либретто*), журналистики (*газета, папарацци*), архитектуры (*арка, лоджия, цоколь*) и новейшие из сферы гастрономии: *пицца, капучино, латте, ризотто, паннакота*, – которые можно найти в меню кафе, в интернете, но ещё не в словарях.

Таким образом, приведённые факты говорят о том, что итальянский код новгородского ономастикона прочитывается новгородцами в той степени, в которой они готовы вникать в инокультурную лексику.

Восточный код

Располагая почти полусотней имён-ориентализмов и помня, что почти все они могут быть встречены в городе неоднократно, следует сделать предварительный вывод о том, что они составляют ощутимую часть городских наименований. Как же прочитывается Восток в тексте Великого Новгорода?

Прежде всего следует отметить: важно увидеть и совокупный образ Востока, и элементы культуры отдельных стран. Восток как культурное пространство прочитывается на вывеске чайханы «**Азия**».

Если говорить о прецедентных именах, то их можно увидеть на вывесках бистро и кафе «**Тысяча и одна ночь**», отсылающих к знаменитому арабскому литературному памятнику – сборнику рассказов Шахерезады – жены шаха. Кстати, это выражение породило формулу, мыслимую и безотносительно к Востоку, о чём говорит её присутствие на вывесках магазина сумок «**1000 и одна сумка**», салона одежды «**1001 dress**», магазина автозапчастей «**1001 запчасть**», турфирмы

«**1000 и 1 тур**». Но исходный вариант безусловно связан с Востоком, что подкрепляется надписями на окне, стилизованными под арабскую вязь. Имя одного из героев рассказов Шахерезады можно увидеть на вывеске кафе «**Синдбад**», оно воспринимается в русской культуре как имя легендарного восточного купца-путешественника, известного нам благодаря не столько литературе, сколько кинематографу, в том числе мультфильмам. Выражение «**Шелковый путь**» хотя и называет кафе китайской кухни, воспринимается как нечто общевосточное: вывозя шёлк из Китая, караваны пересекали страны Центральной Азии, Персию. Название общего для многих восточных народов праздника весны «**Навруз**» на вывеске бистро говорит о Востоке, несмотря на европейский термин заведения.

Восточные (и южные с позиций жителя Северо-Запада России) мотивы вносят в городскую среду имена кафе, состоящие из названий растений и пряностей, экзотических для нас, хотя уже и знакомых. Это названия заведений еды «**Хурма**», «**Изюм**», «**Шафран**», «**Кинза**», парикмахерской «**Айва**», салонов красоты «**Апельсин**» и «**Орхидея**». Слова, обозначающие экзотических птиц, тоже создают атмосферу Востока, как в случае с названиями салона красоты «**Какаду**» и кафе быстрого питания «**Павлин**».

В связи с последним заведением надо сказать, что восточная кухня прочно вошла в гастрономическую культуру современного города, и Великий Новгород здесь не исключение. В городской среде зафиксированы термины *чайхана, кафе шавермы* (новгородский узус включает и специфические слова молодежного сленга – *шáва, шавуха*). Но самый заметный слой лексики восточной кухни входит в язык города через названия заведений еды и «инструментов» её приготовления: «**Шаверма**», «**House Kebab**» (оба многократно) и «**Тандыр Хауз**», «**Мангал**».

Удивительно, что названия восточной кухни легко вовлекаются в языковую игру, соединяясь с лексическими и грамматическими элементами английского языка, как в сочетаниях с *house* в оригинальном и кириллическом написании и в гибридных образованиях, основанных на стилистическом приёме паронимической аттракции «**Shaurman**» (как *showman*), «**ShauRoom**» (как *showroom*). Естественно и взаимодействие с русским языком, прежде всего в массовом обращении к кириллице и некоторым моделям словообразования, характерным для ономастикона – «**Шаурменная**» (как *пельменная*), «**Шаверма № 1**», а также собственно новгородское обозначение с помощью автомобильного кода – «**Шаверма 53**».

Подвержены восточные имена и новой тенденции российского городского ономастикона – использовать в качестве названия заведения предложения, это шаверма **«Готовим в тандыре»** и киоск **«Хочу шаверму»**, о которых шла речь в стилистическом разделе.

Обобщая, можно сказать, что восточная кухня представлена в городской среде гастрономической лексикой, наименованиями кухонных атрибутов, как *тандыр*, *мангал*, а также термином заведений еды и топонимом как в названиях **чайхана «Сказка»** и **чайхана «Азия»**.

Стоит отметить, что противопоставление общевосточных и национальных элементов культуры ориентализмами новгородского ономастикона весьма условно: в реальных названиях они могут соединяться, как в случае с **«Суши Wok»**, где название типично японского блюда сочетается с наименованием сосуда для приготовления пищи, который у нас известен как «китайский котелок».

Тем не менее и «национальные мотивы» вполне ощутимы в новгородском ономастиконе. Так, весьма солидно в нём представлена Япония. В первую очередь это блюдо её кухни – суши, что можно увидеть на вывесках **«Суши маркет»**, **«Суши хауз»**, **«Сушишоп»**, **«Суши Фуд»**, **«Нов Суши»** (*нов-* – аббревиатура от прилагательного *новгородский*, встречается в ряде новгородских предприятий и заведений), **«Центр Суши»** и уже упомянутый **«Суши Wok»**. Наряду с этим в городе есть минимаркет **«Суши Рис»**, суши-бар **«Рис и Палки. Спайси»**, суши-студия **«Хаси»** (так по-японски звучит название палочек для еды). Ресторан **«Васаби»** (правда в соединении с итальянским «Розарио») знакомит новгородцев со словом, обозначающим приправу, которую русские называют «японский хрен». Так популярность суши расширяет наши знания японской гастрономической лексики – соусы (*спайси*), приправы (*васаби*), инструменты еды (*хаси*), а знакомят нас с ней городские вывески. Слово *суши* входит, как можно заметить, и в наименования заведений еды, и в их термины, однако в новгородском ономастиконе не обыгрывается его омонимия с русскими словами, в отличие от городов, где есть заведения «Точка суши» или «Суши весла».

Гастрономической лексикой наши познания в японском не ограничиваются. С этикетными словами знакомят новгородцев кафе **«Аригато»** и магазин видеоигр **«Банзай»**: первое означает «спасибо»; а буквальное значение второго – «десять тысяч лет»; это традиционное приветствие императора «Живите десять тысяч лет!», оно служит и боевым кличем, именно это значение, видимо, актуализируется в рассматриваемом ониме. Непонятно, какие смыслы японского слова **«Са-**

мурай» актуализируются в названии рекламного агентства, возможно, смелость в поисках рекламных ходов. Салоны красоты предпочитают понятия японской эстетики, и наряду с классической **«Сакурой»**, напоминающей о предмете любования японцев, на вывесках фигурируют имена персонажей анимэ – **«Изуми»** и **«Юджи»**, это новейшие японизмы, известные молодым горожанам – поклонникам культуры анимэ и эталонов красоты, которые несёт эта культура. На вывеску магазина чая вынесено малоизвестное у нас слово **«Каннагара»**, означающее «следовать по пути богов», оно используется в боевых искусствах и, видимо, в искусстве чаепития.

Что касается боевых искусств, то в Великом Новгороде их культивируют, и вывески соответствующих спортивных организаций известны заинтересованным лицам: школа айкидо **«Ёсинкан»**; клуб **«Кэндо»**, **«Федерация Киокусинкай»**. Первый из этих терминов, ставших новгородскими онимами, переводят как «дом развития духа» – это один из стилей айкидо; второй означает фехтование на бамбуковых мечах, буквально «путь меча»; третий называет одну из разновидностей карате, буквально «общество высшей истины». Было бы преувеличением сказать, что все новгородцы понимают значение этих слов, но приверженцы боевых искусств владеют не только ключевыми терминами, но и необходимой японской лексикой.

Владельцы автомобильного транспорта знают магазин запчастей **«Самурай»**, и здесь он, видимо, метонимически обозначает «японское» (этот пример показывает, что одним словом можно обозначать в ономастиконе совершенно разные заведения, впрочем, это относится к словам любого происхождения). Заведения торговли техникой предпочитают использовать в качестве названия бренды – названия фирм-производителей, как автосалон **«Mitsubishi»** или **«Yamaha»**, где торгуют мотоциклами, катерами, снегоходами.

Как видно из приведённых фактов, овладевшая горожанами любовь к суши повлекла за собой знакомство с целым рядом японских слов, которые украсили вывески соответствующих заведений, а внимание к боевым искусствам – знакомство с соответствующей терминологией. Кроме того, можно сказать, что современный городской ономастикон открыт и для японских понятий этики, эстетики, философии, боевых искусств и техники.

Главным образом автомобильными названиями представлен в новгородском ономастиконе Китай: это автосалон **«LIFAN»**, название которого повторяет марку китайского автомобиля, и магазины запча-

стей к китайским автомобилям «**КитайАвтоКомплект**», «**КитАвто**» и «**Chinaspace.ru**». К ним примыкает и уже указанное кафе китайской кухни с общевосточным названием «**Шелковый путь**».

Выделяется на общем восточном фоне и Индия. У нас есть «**Индийская лавка**», магазин и вегетарианское кафе с одним названием «**Джаганнат**», означающим божество одного из регионов Индии, буквально «Владыка мира».

Нельзя не сказать, что в новгородском ономастиконе представлены и самые близкие восточные культуры – кавказские. Из них наиболее заметна Грузия – за счёт названий кафе «**Хинкальная № 1**» и «**Грузинский дворик**». Одно время работало кафе «**Осетинские пироги**». Кавказскую кухню представляет и кафе «**Папа Лаваш**» (другое написание – «**Папа ЛаВаш**»), «**Шашлычок**», «**Шашлычная**». Их освоённость подчёркивает соединение с русскими лексемами и суффиксами, особенно диминутивными (*дворик, папа* и *-ная, -ок*).

Единичными названиями представлены Гонконг – в имени кофейни «**Гонконгские вафли**», Корея – в названии магазина запчастей «**Кореана**» и автосалона «**UZ-Daewoo**», где она выступает в соединении с Узбекистаном. На представление страны «работают» и конкретные топонимы – названия городов, как бистро-шаверма «**Дубай**» и «**Петра**», кафе «**Абу-Даби**». Первый из них более известен горожанам, поскольку уже вошли в обычай поездки для отдыха в Арабские Эмираты, где Дубай – крупнейший город. Второй топоним знакомит с древним городом в современной Иордании. Но тот и другой эмблематично представляют Восток, а значит и восточную кухню. Так в условиях городского ономастикона географические названия метонимически обозначают явления гастрономической культуры «своей» страны. К ним естественно примыкают этнонимы, из которых в новгородском ономастиконе используется в качестве названия бистро «**Бербер**» (так именуются жители Севера Африки).

Итак, ориентальная лексика входит в названия городских заведений – еды, торговли, красоты, спорта и техники. Все они включаются в язык города по требованиям культуры – популярность восточной кухни, японской культуры – от боевых искусств до анимэ, китайских автомобилей. Имена расширяют языковой и культурный опыт жителей русского города. Нельзя не отметить, что притягательность Востока, стремление познакомиться с его культурой характерно для русских начиная с XVIII века, но это было чертой аристократизма, «высокой» литературы, сейчас же – это феномен массовой, можно сказать, улич-

ной культуры, что и отражает ономастикон, точнее, его «восточные мотивы».

Итак, представленные факты убеждают в том, что новгородский ономастикон – поликодовый феномен. Представленные здесь коды не исчерпывают это его свойство, но оказываются наиболее заметными, легко прочитываемыми в городской среде. Поликодовость городского ономастикона представляется важной чертой его портрета, без которой представить современный российский город, и Великий Новгород в том числе, невозможно.

4.3 Каллиграфия городского ономастикона

В настоящем разделе речь пойдёт о визуальной стороне городского ономастикона, которую можно толковать как особый вид письменности. Конечно, использование термина *письменность* по отношению к тому, что горожанин видит на стенах зданий, постерах, растяжках и других городских пространствах, неизбежно оказываясь читателем городского текста, довольно условно. Ведь только часть буквенных изображений в городе может быть названа письменной в прямом смысле этого слова – как *написанная рукой*: это рукописные объявления типа «Пропала кошка...», «Продам картофель...»; это написанные мелом меню на штендерах рядом с кафе, это ценники на рынке, это, наконец, граффити, которые сейчас можно увидеть в каждом городе.

Основная же масса буквенных изображений создана с помощью разнообразных технических средств – от печати до сложных производств. Но с точки зрения горожанина – это письменные знаки хотя бы потому, что каждый из них существует в одном экземпляре (по крайней мере, в обозримом городском пространстве), что характерно именно для рукописных текстов (это их свойство можно назвать «нетиражностью»). В отличие, например, от листовок, вручаемых на улице, или газет, которые берут из почтового ящика, – горожанин ощущает их тиражность, понимает, что такие же есть у многих его сограждан; вывеску же множество горожан видят одну.

Для описания городской письменности избирается хорошо известный термин *каллиграфия* (по-гречески букв. «красивое письмо»), с по-

мощью которого обозначают одно из искусств письменной речи в отношении как рукописей (палеографии), так и эпиграфики, сфрагистики, нумизматики [Рождественский 1996, 169–170], здесь он понимается в переносном смысле.

В визуальной стороне городских текстов каллиграфическое следует отличать от дизайнерского – колористики надписей, их размерности, характера реальных начертаний. Каллиграфическим есть основания считать языковые аспекты письма, дифференцируя при этом графемные и параграфемные явления. К первым относятся буквы алфавитов и «стили исполнения» знаков – устав, полуустав и скоропись, характерные для архаичных письменностей [Рождественский 1996, 169–171]; ко вторым – визуальные знаки, сопровождающие графемы, но не входящие в их начертание; в качестве параграфемных знаков могут выступать как конвенциональные над- и подстрочные элементы (точки над ё в русской графике), так и окказиональные элементы пространственных изменений, пиктограмм [Дзякович 1998; Григорьева 2003].

Опираясь на работы о письме вообще, городскую каллиграфию можно рассматривать в семиотическом аспекте, видя в ней различные коды, в том числе *ретрокод* и *ксенокод*, то есть обозначения архаичного и инокультурного средствами письма.

Ретрокод выражается надписями на «старой кириллице», которая была единственным графическим средством до петровских реформ русского письма, а сегодня оказывается знаком архаичности или архаизации. Ею изображается название города на въездных знаках.

Так же обозначаются названия храмов и даже некоторых городских заведений. В каждом из этих случаев выбор старой кириллицы семиотизируется, вносит свой смысл в начертание: кириллица в названии города подчёркивает тот факт, что наш город – самый древний в России; выбор её для обозначения названия храма соответствует функционированию старой кириллицы в церковной сфере; название кафе «**На Славне**», выполненное той же старой кириллицей, семиотизирует имя как архаичное, так как название входит в древний новгородский топоним *холм Славно* в «старом городе», как его называют новгородцы; там же расположена парикмахерская, славянское слово «**Лада**» в названии которой потребовало старой кириллицы. А название кафе «**Любопытная Варвара**» в новой части города, изображённое старой кириллицей, отсылает к фольклору.

Разумеется, примеров можно привести больше, но и эти позволяют сделать вывод о том, что выбор этого вида письма семиотичен и подчиняется правилу, которое можно обозначить как правило «каллиграфического согласования»: вид письменных знаков соответствует характеру референта или языкового средства. Можно говорить о трёх разных эффектах этого выбора: церковности, архаичности и фольк-эффекте.

Интересно, что старая кириллица представлена в нашем городе и в своём числовом значении, что делает Великий Новгород уникальным: в его городской среде обнаруживается допетровское обозначение чисел. Надпись находим на щите Рюрика в верхнем ярусе памятника Тысячелетию России. Ее можно перевести на современный язык как «в год 6370» от Сотворения мира, или 862 год от Рождества Христова.

встречается, например, в трапезониме – паб «**Пивоваровъ**».

Ксенокод в написании новгородских вывесок проявляется прежде всего в использовании латиницы, о которой уже не раз заходила речь. В дополнение можно отметить, что латиница используется как в своей печатной (автомойка «**URBAN**»), так и рукописной версии (отель «**Sofia**», кафе «**HAPPY**»).

Интересно, что встречаются как полные написания на латинице, так и вкрапления отдельных букв латиницы в кириллическое слово, как в названиях студии красоты «**ПИЛКИ**» и гастробара «**Наффига козе баян!?**».

Новгородские имядатели не только привлекают иноязычные слова, но и изображают латиницей русскую лексику, но и изобретают искусственные слова, можно сказать, псевдолатинизмы, например, название студии красоты **LaMuRr**.

Помимо латиницы, в городе можно найти надписи и на других системах письма, но это – каллиграфические стилизации, то есть кириллическая надпись изображается под арабскую вязь, греческое

Поддерживается ретрокод и частичным использованием дореформенной орфографии, в первую очередь эту функцию выполняет буква **Ъ** (ер), которая

Это понятно русскому читателю, но создаётся эффект инографичности, мотивированный характером городского заведения: арабская вязь кафе «**Азия**» и бистро «**Тысяча и одна ночь**» намекает на его восточное меню.

Греческое написание «**Акрополь**» раскрывается в находящейся рядом надписи «**Гирс – шаверма по-гречески**», а стилизация под готический шрифт украшает вывеску магазина обуви.

Можно отметить и минимальное присутствие иероглифики и стилизацию под неё кириллических надписей.

Параграфемное проявления ксенокода – знак & (амперсанд), сокращение союза *and*. И хотя русский союз *и* не нуждается в со-

кращении, & можно увидеть в городских онимах: «**Одежда & Обувь**», «**К&Б / Красное и Белое**», магазин разливного пива «**Кофе&пиво**», фитнес-студия «**Body & Mind**».

Как показывают приведённые факты, & соединяет не только иноязычные (что естественно), но и русские слова.

Кроме двух этих кодов, каллиграфия новгородской ономастики включает такое явление, как **пиктография**, это параграфемный приём, который состоит во включении в буквенное написание элементов изображения, картинки, что и отражено в термине (ср. англ. *picture*). Она сопровождает как кириллические, так и латинские надписи. При этом большая часть пиктографических элементов носит дублирующий характер (вешалка над словом *одежда*, ножницы и причёска над слова-

ми салон причёсок и т. п.), то есть является декоративным элементом. Декоративным воспринимается и изображение человечка в букве Х названия магазина одежды «Заходи!». И сомбреро, подчёркивающее мексиканское происхождение кактуса, тоже приходится признать декоративным элементом.

Но можно найти и значимые пиктограммы, тогда они приобретают собственное значение. Так, брови над надписью «салон красоты BREZZNEV»

объясняют, какие аспекты красоты имеются в виду; сначала это была «студия бровей», потом смысл 'брови' возложили на пиктограмму; конечно, и без пиктограммы мы знаем, что у Брежнева было шуточное прозвище «бровеносец», но визуальный намёк эксплицирует семантику густых бровей.

На вывеске магазина «Зелёный» рисунок змея прямо указывает на выражение «зелёный змей» и товар, который продают в магазине, а если кто-то не знаком с этим устаревшим, как сообщают словари, выражением, внизу изображены бутылки разных видов, не оставляющие сомнений в характере товара.

Особое место в каллиграфии новгородского ономастикона занимает цифрография – изображение названий городских заведений с помощью арабских цифр. Самым популярным цифровым знаком оказывается автомобильный индекс региона, который входит в массу разноо-

бразных эргонимов: «Optika53», аптека «53 плюс», свадебный салон «Свадьба 53», «Шаверма 53», гостевой дом «Home53», турагентство «53 тура», цветочные салоны «Цветы 53», «Флора 53».

Цифры можно видеть, например, в названии аптеки «36,6», что легко прочитывается как нормальная температура – признак здоровья, можно заметить пиктограмму градусника на цифре 6, что исключает другое прочтение этого названия.

Гибридные цифро-буквенные написания встречаются чаще: это название магазина одежды «5 манекенов»; название магазина «1000 и одна сумка», название ветеринарной клиники «9 жизней» и магазина товаров для салонов красоты «10 ноготков», ювелирного магазина «585 Золотой». Гибридно по-английски изображается и название чайной лавки «5 o'clock».

Итак, стилистические и семиотические характеристики завершают ономастический портрет Великого Новгорода, разные штрихи которого составляют как словесные, так и визуальные приёмы. Разумеется, и те, и другие представлены не исчерпывающим образом, но общая картина стилистики и семиотики ономастикона выявлена.

Литература

Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2014. 656 с.

Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. Т. 1 А–J. 2-е издание, перераб. и доп. Л.: Наука, 1981. 696 с.

Баженова Е. А. Стилистика декодирования; Стилистика кодирования // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. Редколлегия: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М.: Флинта, 2003. С. 414–416; 420.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования): монография. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2005. 468 с.

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поисках новых форм выражения // Вопросы ономастики. № 4. 2019. С. 168–179. URL: <http://onomastics.ru/content/2019-t-16-№4-8>.

Гак В. Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1977. С. 230–293.

Голомидова М. В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные тренды // Лингвистика креатива: Коллективная монография под общей ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 63–73.

Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004. 456 с.

Дзякович Е. В. Особенности использования средств параграфемии в современной печатной рекламе // Вопросы стилистики. 1998. № 27. С. 140–145.

Дьяченко Гр. Полный церковнославянский словарь (репринт). М.: Отчий дом, 2006. 1120 с. (репринтное воспроизведение издания 1900 г).

Емельянова О. Н. Метонимия // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 178–180.

Емельянова О. Н. Синекдоха // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 289–291.

Запольская О. В., Моисеев С. В. Улицы Великого Новгорода. Великий Новгород, 2010. 192 с.

Иванова Е. Н. Приемы креативной номинации (на примере названий книжных магазинов Екатеринбурга) // Уральский филологический вестник: Язык, система, личность. Лингвистика креатива. 2013. № 3.

Игрунова Н. Витрина мира // Известия. 15.08.2007.

Иссерс О. С. Между узнаваемостью и креативом: фрейминг как инструмент создания коммерческого имени // Лингвистика креатива-4: Коллективная монография под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 75–103.

Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 375 с.

Коган И. И., Козловская Н. В. Языковая игра в сфере современных городских наименований // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Мат-лы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2006 г. / Отв. ред. В. А. Козырев. СПб.: Изд-во РПГУ им А. И. Герцена, 2006. С. 155–158.

Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 576 с.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.

Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.

Сабельский А. Napolivs. Новгород: итоги // 53новости. 09.06.2014. URL: <https://53news.ru/novosti/14755-napoli-vs-novgorod-itogi.html>.

Сковородников А. П. Метонимия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 327–329.

Сковородников А. П. Парономазия // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 214–217.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Воздух – Выпись. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1988. 256 с.

Словарь античности / пер. с нем. М.: Элпис Лак; Прогресс, 1994. 704 с.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Хазагеров Г. Г. Метонимия в медиасреде // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. статей Международной науч. конф. (11–13 мая 2019 г.) / науч. ред. Е. Л. Вартанова; отв. ред. Н. И. Клушина, С. Ф. Барышева. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 777–785.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1993.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шмелева Т. В. Многоязычие (нов) городских улиц // Язык в контексте гуманитарных знаний: Сборник статей, посвященных 60-летию проф. В. В. Иванникова / под ред. Н. В. Семенович; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. С. 158–171.

Шмелева Т. В. Горожанин как читатель // Филологический дискурс: Вестник Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Вып. 10. Город как культурное пространство. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. С. 7–12.

Шмелева Т. В. Омонимические игры в городской среде // Лингвистика креатива-3: Коллективная монография под общей ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 315–332.

Шмелева Т. В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5 (265). С. 14–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30508426>.

Шмелева Т. В. Антропонимия как ресурс городского ономастикона // Ономастика Поволжья: материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под ред. С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко. В 2 т. Т. 2. Ульяновск: ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова», 2017а. С. 184–187.

Шмелева Т. В. Советизмы в современной городской среде // Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие. Коллективная монография / отв. ред. проф. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 98–105.

Шмелева Т. В. Имя Горького в городском ономастиконе // Максим Горький: взгляд из XXI века: Материалы научной конференции с международным участием, посвященной 150-летию со дня рождения А. М. Горького (20–25 мая. Великий Новгород, Старая Русса). НовГУ им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, 2018а. С. 215–225.

Шмелева Т. В. Аппетитивность городского имени: заведение еды // Прикладная лингвистика и лексикография. 2019. Т. 1. № 1. С. 117–126. URL: <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1/1>.

Шмелева Т. В. «Восточные мотивы» новгородского ономастикона // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. 11: межвузовский сб. науч. ст. / редкол.: Т. С. Есенова [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019а. С. 144–150.

Шмелева Т. В. Итальянский код новгородской культуры // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 6 (24). 2019б. URL: <http://www.novsu.ru/file/1574586>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41552651>.

Шмелева Т. В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019с. Т. 6. № 1. С. 51–66. URL: http://com-studies.org/images/magazine/2019/KI_1_2019.pdf.

Шмелева Т. В. Каллиграфия города: новгородские наблюдения // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда: материалы III Международной научной конференции 28–30 августа 2019 г., Великий Новгород / под ред. С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2020. С. 216–226. URL: <https://www.novsu.ru/VisualAnthropology/Proceedings/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42729053>.

Шмелева Т. В. Метонимия в городском ономастиконе // Уральский филологический вестник / Уральский государственный педагогический университет; главный ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург, № 2. 2020а. С. 219–227. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»). Вып. 29: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Екатеринбург, Россия, 23–25 апреля 2020).

Шмелева Т. В. Православный код новгородского ономастикона // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 3 (28). 2020б. URL: <http://www.novsu.ru/file/1621331>.

Щербакова Н. Н. Языковая игра в городском ономастическом пространстве // Лингвистика креатива-3: Коллективная монография под общей ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 333–340.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, ономастический портрет Великого Новгорода представлен, исследование завершено. Как можно сформулировать его основные результаты?

Прежде всего подтверждена плодотворность идеи ономастического портретирования города: она позволила собрать воедино городские имена и показать их в отношении к городу и конкретным объектам их именования. Ономастическое портретирование города позволило объединить ономасиологический и семасиологический подходы к городским именам: каждый из фрагментов городского ономастикона стал той частью действительности, от которой исследование было направлено к именам (ономасиологическое движение), а оказавшиеся в том массиве имена анализировались в первую очередь по отношению к своему объекту (семасиологическое движение), а затем в других лингвистических аспектах – характеристик в плане историческом и грамматическом, в плане своё / чужое для русского языка.

Массив городских онимов (около полутора тысяч имён) выявляет две важнейших характеристики новгородского ономастикона: во-первых, его плотность по отношению к городской среде, а во-вторых, историческую изменчивость, что потребовало ввести понятие «ономастическая биография», которая выявилась не только у улиц, но и у заводов, школ, магазинов и кафе. При этом следует подчеркнуть, что плотность городского ономастикона нарастала с середины прошлого столетия: сначала имена собственные получали только отдельные элементы городского пространства, а затем сформировалась эргонимия, объём которой увеличивается с 1990-х годов.

Ономастический портрет показывает Великий Новгород в трёх планах: в пофрагментном изображении, в плане стилистики и семиотики, включая визуальный аспект городских имён. «Пофрагментная» часть портрета показывает, что в составе ономастикона противопоставляются имена городского пространства и того, что в нём размещается, – зданий, предприятий, заведений. Стилистическая часть портрета показывает активное использование метонимии, эксплуатирование пространственной метафоры, персонификации, гиперболы и совершенно неожиданных говорящих фамилий. Семиотическая часть портрета представляет

городской ономастикон как некий текст, построенный как поликодовое явление; семиотична и визуальная сторона городских имён, как показано в разделе о каллиграфии городской среды. Поликодовость городского ономастикона выражается и в разнообразии письменного воплощения эргонимов. В итоге ономастический портрет представляет городской ономастикон во всей полноте и разнообразии.

Что такой портрет говорит о городе и современных ономастических практиках?

Прежде всего портрет демонстрирует изменение ономастических вкусов: если средневековые улицы получали реалистические названия по тому, куда улица ведёт или кто на ней живёт / жил, то в начале XX века имена улиц стали инструментом внедрения новых идеологических понятий и памяти о революционерах; во второй половине века имена улиц стали увековечивать героев войны. Если средневековая часть ономастикона отличает Великий Новгород от других российских городов, то в его современной части он представляется типичным городом, ономастикон которого отражает все обнаруженные в работах лингвистов тенденции.

Очевидно различие языковых вкусов по сравнению с советской порой; так, если выражение «салон красоты» производило на советских людей впечатление «мещанской претенциозности», как цитировалось в Главе 1, то сегодня это обычный термин, один из терминов заведений красоты, весьма скромный на фоне, например, «Резиденции красоты Версаль»; если названия «Продовольственный магазин» или «Продукты» казались естественными, то сегодня горожанин ожидает имя, отмеченное остроумием и, как говорит молодёжь, прикольнойостью. Эти качества названий сменили присущую советским именам патетичность, что иллюстрирует сравнение названий книжных магазинов «Прометей» и «Буквоед».

Значительным отличием современного Великого Новгорода оказывается его многоязычие, которое отмечено при описании разных фрагментов ономастикона, например, цветочных магазинов, и проанализировано в разделе «Инокультурные коды» семиотической части, который убеждает в том, что нет засилья американизмов – один из мифов в представлении о современном российском городе: на новгородских вывесках читаем итальянские, испанские и массу восточных названий. Сегодняшний город – полиглот, и это расширяет языковые и культурные горизонты горожанина, что представляется позитивным моментом и важной культурной функцией городского ономастикона.

Таким образом, основная характеристическая черта новгородского ономастикона – диалектика архаичного и актуального, как и предполагалось в замысле проекта. Диалектика проявляется в том, что архаичные имена не только сохраняются со времён средневековья, но и появляются сейчас, поддерживая исторический код ономастикона, как это было продемонстрировано именами «Русь», «Русь новгородская», «Варяг», «Сварог», «Сварожич». Новгородцы гордятся древностью своего города и знают вкус в старинных именах.

Если говорить о перспективах изучения новгородского ономастикона, то необходимо подчеркнуть, что созданный портрет ни в коем случае не представляется окончательным. Возможны и необходимы его детализация и дополнения. Так, не прорисованными оказались остановки городского транспорта, магазины для дома и сада; не рассмотрен ряд кодов новгородского ономастикона – растительного, звериного, семейного и этикетного. Кроме того, новгородский ономастикон постоянно обновляется, буквально каждые две недели появляется новая вывеска взамен какой-то или неожиданно новые районы обрастают новыми именами, как это заметно на примере нового района Ивушки. Городской ономастикон – постоянно изменяющийся феномен, он отражает смену владельцев, смену вкусов, меняющуюся жизнь города.

Важной перспективой изучения новгородского ономастикона видится его сопоставление с другими городами – ближними и дальними, российскими и зарубежными. По общему ощущению, онимия Великого Новгорода, как было сказано, воспринимается в рамках общих тенденций, но каждый фрагмент ономастикона, каждый стилистический приём, каждый момент каллиграфии требует соотнесения с аналогичным явлением в ономастике других городов. Такое сопоставление, как можно ожидать, выявит что-то в своеобразном ономастическом портрете Великого Новгорода.

Наконец, можно ожидать, что предложенный ономастический портрет может послужить основой для подготовки таких портретов других городов, что подтвердило бы и научную значимость, и практическую ценность проведённого исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛФАВИТНЫЙ ИНДЕКС НОВГОРОДСКИХ ОНИМОВ¹

В качестве приложения к ономастическому портрету предлагается алфавитный индекс почти полутора тысяч новгородских онимов. Это список именно онимов, а не городских объектов с именами собственными, поэтому рядом с именем может быть указано несколько объектов (даны курсивом). Расположение онимов таково: сначала цифровые, затем на латинице, и завершают перечень кириллические онимы, которых безусловное большинство. Помимо присутствующих ныне в городской среде, в списке значатся такие, которые стали историей, но важны для понимания истории новгородского ономастикона и тенденций его изменения. Указание объекта наименования даётся в самом общем виде, например, *магазин*, без конкретизации, хотя в работе магазина рассматриваются детально.

Алфавитный индекс новгородских онимов не только даёт возможность представить объём ономастикона, но и позволяет ставить и решать ряд вопросов, например, о количестве однородных наименований, например, с использованием слова *мир*. Кстати, индекс показывает, что иноязычные наименования, число которых беспокоит многих, составляют одну десятую часть онимов.

- #моявещь *магазин*
- 1 мая *улица*
- 10 ноготков *магазин*
- 1000 и одна сумка *магазин*
- 1000 и 1 тур *турфирма*
- 1001 dress *магазин*
- 1001 запчасть *магазин*
- 36.6 *аптека*
- 5 o'clock *магазин*
- 5 манекенов *магазин*
- 53 плюс *аптека*
- 53 тура *турагентство*
- 585 Золотой *магазин*
- 65home *гостиница*
- 8 марта *улица*
- 9 жиней *ветклиника*
- 9 января *площадь*
- Amore + Fiori *магазин*
- Barcelona *магазин*
- Beauty Барсалон *красоты*
- Beefstory *магазин*
- Beer Break *магазин*
- Beer Harbour *паб*
- BeerGrad *магазин*
- Beerлога *магазин*
- Belle *салон красоты*
- Bflowers *магазин*
- Bierstube *магазин*

¹ Подготовлен И.В. Василенко, доцентом кафедры журналистики НовГУ, кандидатом филологических наук

- Blonder Beer *магазин*
- BM Hostel V. Novgorod
- Body & Mind *фитнес-студия*
- Bolero *магазин*
- Bonape *кафе*
- Boston *магазин*
- Brabion *магазин*
- BreZZnevсалон *красоты*
- Brooklyn *кафе*
- Butterfly *салон красоты*
- Button Blue *магазин*
- Café Valentia
- Caffe perfetto
- Casablanca *кафе*
- CentralApart *апартаменты*
- Chinaspace.ru *магазин*
- Coffee Land *кафе*
- Cozy Apartament
- Dalida *магазин*
- Denim *магазин*
- Diamond *магазин*
- Dilizhans *отель*
- Dinonna *кафе*
- Diva Flora *магазин*
- DolceVita *парикмахерская*
- DonnaPasta *кафе*
- Edelweiss *магазин*
- Elisabetta *магазин*
- Fashionсалон *красоты*
- Flashстудия *красоты*
- Flowers_Bant *магазин*
- FoodHouse & MixBar «All Ready»
- Gerry Weber *магазин*
- Glance *магазин*
- Gloria Jeans *магазин*
- Gourmetto *кафе*
- Grace hotel
- Greensleeves *наб*
- HAPPY*кафе*
- Helix *поликлиника*
- Help Me *юридическая фирма*
- HermesTravel *турфирма*
- Home53 *хостел*
- House Kebab *кафе*
- Hurma *кафе*
- Ivushki *апартаменты*
- Jam Hostel *хостел*
- Jazz&Blues *кафе*
- Jeans House *магазин*
- Jewerly store *магазин*
- Jungle *кафе*
- KIDDY CLUB *магазин*
- KOLMOVO CITY, *офисный центр*
- Komilfonail *студия ногтевого сервиса*
- Kris Nails *ногтевой сервис*
- KuKusiki *магазин*
- La Casa *салон красоты*
- La chatte *кафе*
- La Danza *магазин*
- LaMuRr *студия красоты*
- Le Chocolat *кафе*
- LIFAN *автосалон*
- LikeHome *апартаменты*
- Look *оптика*
- Losъ *кафе*
- Lounge Bar «БегиMOD»
- Lucky Nail *студия красоты*
- Lucky Star *кафе*
- Lyubava *хостел*
- Madagaskar *хостел*
- Malina *магазин*
- Manhattan *салон красоты*
- Marry me *свадебный салон*
- Master Nail *магазин*
- Max Jeans *магазин*
- May *кафе*
- McDonalds *ресторан быстрого питания*
- Men *барбершоп*
- Miss Kapris *магазин*
- Mitsubishi *автосалон*
- Modis *магазин*
- Mr. Балкон *фирма*
- Mr. Кухнев *фирма*
- Mustang *магазин*
- My Kitchen *кафе*
- My room *гостиница*
- Mycroftpub
- NailsGusevaStudio *ногтевая студия*
- Napoli *ресторан*
- Natali *магазин*
- Nice *салон красоты*
- Northwestfur *магазин*
- O`STIN *магазин*
- OldBoy *барбершоп*
- OldHam *наб*
- On Belova *хостел*
- oodji *магазин*
- Opaz-Flower *магазин*
- Optika53 *оптика*
- Pandora *магазин*
- Petroff *магазин*
- Petshop *магазин*
- PlayToday *магазин*
- Pot-e-fleur *магазин*
- Premium *кафе*
- Republic *ресторан*
- Restaurant & Brewery «Brewmen»
- Royalrose & Бутони *магазин*
- Sela *магазин*
- ShauRoom *шаверма*
- ShinelBrend *магазин*
- Skazka *магазин*
- Skovalli *мастерская художественной ковки*
- Sleep&Go *хостел*
- Sofia *отель*
- StopShoeS *магазин*
- StyleStudio Левченко Татьяны
- Style *магазин*
- Sunlight *магазин*
- Sveta *парикмахерская*
- Terraza / Терраса *ресторан*
- Trend *магазин*
- Truvor *гостиница, магазин*
- Upgrade *парикмахерская*
- UrbanOutlet *магазин*
- URBAN *автомойка*
- UZ–Daewoo *автосалон*
- Vesta *магазин*
- Vicky *магазин*
- Voyage *магазин*
- Welcome Inn *гостиница*
- White & Smile *стоматология*
- Whitney Club *магазин*
- Wildberries *магазин*
- Yamaha *мотосалон*
- Zavodbar
- ZENDEN *магазин*
- Zolla *магазин*
- Зазеркалье / Зазеркалье *ресторан*
- Абсент *кафе*
- Абу-Даби *кафе*
- Август *магазин*
- Авиценна *поликлиника*
- Автомир *магазин*
- Авторай *кафе, магазин*
- Агротехнический техникум
- Адамас *магазин*
- Адмиралъ *кафе*
- Адреналин *кафе*
- Азалия *магазин*
- Азия *чайхана*
- Азот *предприятие*
- АзураДент *стоматология*
- Айболит *ветклиника*
- Айва *салон красоты*
- Айкрафт *оптика*
- Аист *гостевой дом*
- Академ ВН *хостел*
- Академия слуха *центр слухопротезирования*
- Аквармарин *магазин*
- Аквариумистика *магазин*
- Акватория *сауна*
- Акрон *предприятие*
- Акрополь *шаверма*
- Александра Невского *храм, мост, набережная*
- Александра Панкратова *сквер*
- Александрия *салон красоты*

- Аленький цветочек *магазин*
- Алкомаркет *магазин*
- Алкон *предприятие, магазин*
- АлкоНовТорг *магазин*
- АлкоХолл *магазин*
- Алла Дивановна *магазин*
- Алоэ Форте *поликлиника*
- Алые паруса *жилой комплекс*
- Альтернатива *поликлиника*
- Альтер-эго *юридическая фирма*
- Альянс *гостевой дом*
- Амариллис *магазин*
- А-мега *аптека*
- Амелия *магазин*
- Анастасия *магазин, парикмахерская*
- Андреевская *улица*
- Андрея Стратилата *церковь*
- Андромеда *свадебный салон*
- Анея *кондитерская*
- Антей *юридическая фирма, строительная компания, студенческий стройотряд и товарищество собственников жилья*
- Антониев монастырь
- Антониевская *слобода, улица, набережная*
- Антониевский *перевоз*
- Антоново *район*
- Антураж *салон красоты*
- Анята *парикмахерская*
- Аня *магазин*
- Апельсин *салон красоты*
- Апостола Филиппа и Николы *церковь*
- Априори *салон красоты*
- Аптека для бережливых
- Арабески *магазин*
- Арго *кафе*
- Аригато *кафе*
- Аркада Гостиного двора
- Аркажи *район*
- Арктика *магазин*
- Арлекино *салон красоты*
- Ароматный мир *магазин*
- Архиерейская *мыза*
- Ассортимент *магазин*
- Аудиале *центр слухопротезирования*
- Аурум *магазин*
- Афганский *рынок*
- Афродитасалон *красоты*
- Аэлита *салон красоты*
- Бавария *кафе*
- Балашовский *сквер*
- Банзай *магазин*
- Барпн *ресторан*
- Баскервиль Холл *салон красоты для животных*
- Баскин-Робинс *кафе*
- Батецкая *улица*
- Бахус *магазин*
- Бебеля *улица*
- Белая (Алексеевская) *башня*
- Белая Амелия *магазин*
- Белая сова *кафе*
- Белград *ресторан*
- Беллисимо *магазин*
- Белова *улица*
- Белорусская *обувь магазин*
- Белорусская *одежда магазин*
- Белоснежка *магазин*
- Белые ночи *кафе*
- Белый Бим *магазин*
- Белый город *комплекс коттеджей*
- Бербер *бистро*
- Берген *гостевой дом*
- Берегиня *салон красоты*
- Береза *гостевой дом*
- Береста Палас (Park Inn) *гостиница*
- Береста *хостел*
- Берлин *магазин*
- Берлога *апартаменты*
- Берлога-сити *гостевой дом*
- Библионика на Державина
- Библиотека имени В. Бианки
- Библиотека имени Д.М. Балашова
- Бигуди *парикмахерская*
- Бирлэнд *магазин*
- Благовещения на Рюриковом Городище *церковь*
- Богемия *завод*
- Богиня *салон красоты*
- Большая Власиевская *улица*
- Большая Дворцовая *улица*
- Большая Знаменская *улица*
- Большая кружка *магазин*
- Большая ложка *столовая*
- Большая Московская *улица*
- Большая Пробойная *улица*
- Большая рыба *магазин*
- Большая Санкт-Петербургская *улица*
- Большевиков *улица*
- Бориса и Глеба *церковь*
- Борисовская *мыза*
- Боркова *улица*
- Боровичская *улица*
- Борщи *столовая*
- Босфор *магазин*
- Бочонок *доброе пиво магазин*
- Бояна *улица*
- Бредова-Звериная *улица*
- Бриолин *парикмахерская*
- Бриошь *кондитерская*
- Брусника *салон красоты*
- Буги Вуги *кафе*
- Будь здоров! *аптека*
- Букля *парикмахерская*
- Бутлегер *магазин*
- Буяновская *улица*
- Важная дата *свадебный салон*
- Важня
- Вал Окольного города
- Валерия *гостевой дом*
- Ваниль *кафе*
- Варенье *кафе*
- Варецкая *улица*
- Васаби / Розарио *ресторан*
- Василёк *магазин*
- Ваш стоматолог *стоматология*
- Ваша аптека *низких цен*
- ВГости *кафе*
- Beauty Top *салон красоты*
- Веда *библиотека*
- Великий *мост*
- Великий Новгород
- Великий *хостел*
- Великолукский *мясокомбинат магазин*
- Великоновгородский *мясной двор предприятие*
- Вера *магазин*
- Вереск *стоматология*
- Вересова *улица*
- Вернисаж *гостиница*
- Верный *магазин*
- Версаль *свадебный салон*
- Веряжа *река*
- Веряжский *отель, парк*
- Весёлая *горка*
- Весёлая *ферма магазин*
- ВетАнгел *ветклиника*
- Ветмастер *ветклиника*
- ВетХаус *ветклиника*
- Вечевая *площадь*
- Вечный огонь *монумент*
- Виктори Плюс *магазин*
- Винный *дворик кафе*
- Виноград *магазин*
- Вираз *салон красоты*
- Вита *аптека, ветклиника*
- Витаминка *аптека, ветклиника*
- Витков *переулок*
- Витославицы *этнографический парк*
- Владычная (Грановитая) *палата*
- Водников *сквер*
- Воздвиженская *улица*
- Воздвиженский *переулок*
- Воинской славы *сквер, стела, музей*

- Вокзальная *площадь*
- Вокзальный *проспект*
- Волна *завод, стадион, поликлиника*
- Володарского *улица*
- Волосова *улица*
- Волхов *река, гостиница*
- Волхова *мебельная фабрика, турфирма, Дом быта*
- Волховец *река, посёлок, фирма, кондитерская*
- Волховский *микрорайон, фронт*
- Воображюля *парикмахерская*
- Воронья *улица*
- Воротная башня Гостиного двора
- Ворошилова *улица*
- Воскресенская *слобода*
- Воскресенский *бульвар, переулок*
- Воскресенский *монастырь на Мячине*
- Воскрешения св. Лазаря *Четверодневного церковь*
- Восточный *рынок*
- Вояж *кафе, магазин*
- Впиве *паб*
- Всё для тебя *магазин*
- Всё по карману *магазин*
- Всегда радуга тканей *магазин*
- Всенародная *аптека*
- Всехсвятский *сквер*
- Входа в Иерусалим *церковь*
- Вяжищи *деревня*
- Вяжицкий *монастырь, проезд*
- Гагаринский *рынок*
- Газон *улица*
- Галактика *оздоровительный центр*
- Галантус *магазин*
- Галатея *магазин, фитнес-клуб*
- Галина *магазин*
- Ганза *гостиница*
- Ганзейский двор *хостел, кафе*
- Ганзейский *знак*
- Ганзейский *фонтан*
- Гардероб от а до я *магазин*
- Гармония *гимназия*
- ГАРО *завод*
- Гаудеамус *паб*
- Гемма-плюс *юридическая фирма*
- Георгиевский собор Юрьева монастыря
- Георгия на Торгу *церковь*
- Герасименко-Маницына *улица*
- Германа *улица*
- Гефест *кузнечная мастерская*
- Гзень *река*
- Гидромелиоративный техникум
- Гимназия № 1 им. В.В. Сороки
- Гимназия № 4 имени Героя Советского Союза, Почётного гражданина Новгорода И.А. Каберова
- Гипюр *магазин*
- Глориоза *магазин*
- Глория джинс *магазин*
- Глория *фирма недвижимости*
- Глянец *салон красоты*
- Гнёздышко *детский сад*
- Говорящие цветы *магазин*
- Гонконгские вафли *кофейня*
- Горбатый (пешеходный) *мост*
- Город воинской славы
- Горького *улица*
- Госкино *кинотеатр*
- Господин Государь Великий Новгород
- Гостиный двор
- Готовим в тандыре *кафе*
- Готский *раскоп*
- Градусы всего мира *магазин*
- Градусы *магазин*
- Грация *магазин*
- Гребной канал
- Григорово *деревня*
- Григоровская *площадь*
- Григоровский *путепровод*
- Григоровское *шоссе*
- Грузинский дворик *кафе*
- Гужевая *улица*
- Гулливер *магазин*
- Дама с собачкой *магазин*
- Данилкины двери *фирма*
- Даньславля/Данславля *улица*
- Дантист *стоматология*
- Дари цветы *магазин*
- Дарина *магазин*
- Два перца *кафе*
- Двенадцати апостолов на Пропастях *церковь*
- Дворянское собрание (Музей изобразительных искусств)
- Дека *завод*
- Дели *салон красоты*
- Делла *магазин*
- Деловой мир *магазин*
- Дельфин *детский сад*
- Деметра *турфирма*
- Дента Сервис *стоматология*
- Деревяницкий *монастырь, мост*
- Деревяницы *район*
- Деревянка / Деревяница *река*
- Державина *улица*
- Державка *улица*
- Десятинка *улица*
- Десятинная *улица*
- Десятинный *монастырь*
- Десятинский *сквер*
- Дети *магазин*
- Детинец
- Детинец *ресторан*
- Детский музейный центр
- Детство *детский сад*
- Де-факто *юридическая фирма*
- Джаяннат *вегетарианское кафе, магазин*
- Джинсовый рай *магазин*
- Джинсы Плюс *магазин*
- Диалог *ресторан*
- Диамед *поликлиника*
- Димитрия Солунского *церковь*
- Динамо *стадион*
- Дионис *магазин*
- Для вас *парикмахерская*
- Для милых дам *магазин*
- Для мужчин *парикмахерская*
- Для тебя *свадебный салон, парикмахерская*
- Добрый доктор *поликлиника*
- Добрый Тим *магазин*
- Добрынина *улица*
- Добрыня *гостевой дом*
- ДодоПицца *пиццерия*
- Доктор+ *поликлиника*
- Дом Берга *ресторан*
- Дом быта *лофт-бар*
- Дом коромыслом *кафе*
- Дом Майера *мини-отель*
- Дом Советов
- Домашняя еда от Степаныча *магазин*
- Домовёнок *магазин*
- Дон Пион *магазин*
- Донец *река*
- Донецкая *улица*
- Донна Пицца *кафе*
- Достоевского *улица, драматический театр*
- Другонова *улица*
- Дружба *ветклиника*
- Дуалекс *юридическая фирма*
- Дубай *бистро*
- Дубошин *переулок*
- Духов *монастырь*
- Духовская *слобода, улица*
- Дымная кухня *магазин*
- Евгения *магазин*
- Европа *жилой комплекс*
- Европейская *обувь магазин*
- Егоза *магазин*
- Екатерининская (Катькина) *горка*
- Екатеринославль *гостиница*
- Елена *магазин*
- Ермолино *деревня, магазин*
- Ёсинкан *школа айкудо*

- Естный магазин
- Есть Вкусно магазин
- Ефимьевская улица, часозвоня
- Жарим мясо кафе
- Жасмин магазин
- Желябова улица
- Жемчужина стоматология
- Жен Мироносиц церковь
- Живое пенное магазин
- Живое разливное магазин
- Жигули магазин
- Жизель салон красоты
- Жираф магазин
- Журавлик детский сад
- Завальная улица
- Завальная-Кольцевая улица
- Заварка магазин
- Завод имени Ленинского комсомола
- Завокзальная улица
- Загородская улица
- Загородский конец
- Закрой кредит агентство по защите должников
- Западный район
- Застолье кафе
- Заходи! магазин
- Зверинская улица
- Звонница Софийского собора
- Здоровый город аптека
- Здоровье поликлиника, аптека
- Здравушка аптека
- Зелёная улица
- Зелёный магазин
- Зелинского улица
- Златовласка салон красоты
- Знаменка стоматология
- Знаменская фабрика
- Знаменский собор, переулок
- Золотая рыбка кафе, магазин
- Золотая шайба магазин
- Золото магазин
- Золотое руно магазин
- Золотой ковш ресторан
- Золотой лотос магазин
- Золотой Овен магазин
- Золушка детский сад, свадебный салон
- Зооветсервис ветклиника
- Зоолог магазин, ветклиника
- Зоомагазин
- Зоомагия магазин
- Зоомир магазин
- Зоо-ника магазин
- Зоотехническая улица
- Зоотовары магазин
- Зоренька детский сад
- Иван-да-Марья магазин
- Ивановская улица
- Ивановский текстиль магазин
- Ивановский трикотаж магазин
- Иваньская улица
- Иворова улица
- Ивушка кафе
- Ивушки район
- Иголочка магазин
- Игромир магазин
- Игуана магазин
- ИГУМ институт НовГУ
- Изуми салон красоты
- Изюм кафе
- Икона стиля салон красоты
- Иль-де-Франс / Ile-de-France ресторан
- Ильи церковь
- Ильина улица
- Ильинская улица
- Ильменский глинт
- Ильмень озеро, ресторан, фирменный поезд
- Имидж магазин, салон красоты
- Имидж+ салон красоты
- Империя детства магазин
- Империя косметики магазин
- Империя масел магазин
- Империя мебели магазин
- Империя сумок магазин
- Индейкино подворье магазин
- Индийская лавка
- ИНПО институт НовГУ
- Интурист гостиница
- Инфинити магазин
- Инь и Ян поликлиника
- Иоанна Богослова церковь
- Иоанна Милостивого храм
- Иоанна на Опоках храм
- Йорик парикмахерская для животных
- Ирис магазин
- Испира студия дизайна
- Исток гимназия
- История хостел
- Каберова сквер
- Каберова-Власьевская улица
- Кадриль свадебный салон
- Какаду салон красоты
- Кактус магазин
- Калина Фарм аптека
- Калинка детский сад, магазин
- Камелот кафе
- Камея стоматология
- Каннагара магазин
- Капелька детский сад
- Каприз магазин
- Карамель салон красоты
- Карамельки магазин
- Карета магазин
- Карла Маркса площадь, проспект
- Кармен салон красоты
- Карусель магазин
- Катенька детский сад
- Квадратный метр магазин
- Квант завод, гимназия
- Кванториум
- Квок магазин
- Кинза. Еда с акцентом кафе
- Киноцентр «Россия» (Киноцентр) кинотеатр
- Киокусинкай федерация
- Кит магазин
- КитАвто магазин
- КитайАвтоКомплект магазин
- Кладовая здоровья аптека
- Классик салон красоты
- Классика библиотека, салон красоты
- Клёвое место магазин
- Кленовый дворик жилой комплекс
- Климента церковь
- Книгомир магазин
- Книжный мир магазин
- Кнопка магазин
- Ковалёвский монастырь
- Ковбой магазин
- Кожевники гостевой дом, район
- Кокетка парикмахерская
- Колесо фирма шиномонтажа
- Колизей магазин
- Колмово район
- Колмовская городская библиотека
- Колмовская набережная, больница
- Колмовский монастырь, мост
- Колобок кафе
- Колокольчик детский сад
- Колосок детский сад
- Кольцевая площадь, улица
- Комильфо свадебный салон
- Компас кафе
- Компьютерный мир магазин
- Комсомольская улица
- Комфортная квартира апартаменты
- Кондитерская № 1
- Консалтум юридическая фирма
- Константин магазин
- Консул магазин
- Консультант юридическая фирма
- Континент Зоо магазин
- Континент магазин
- Кончанская улица
- Кооперативная улица
- Кораблик детский сад

- Кордегардия Московская
- Кордегардия Петербургская
- Кореана магазин
- Коржова улица
- Корилская улица
- Корица кондитерская
- Корма для животных магазин
- Коровникова улица
- Корона магазин
- Корсунова проспект
- Космодемьянская (Козьмодемьянская) улица
- Космонавтов улица
- Котонай ветклиника
- Котопёс магазин
- Котофеич ветклиника
- Кофе & пиво магазин
- Кофемолка кофейня
- Кочетова улица, сквер
- Кочетовский рынок
- Кочетуха улица, рынок
- Кошелёк магазин
- Красивая студия парикмахерская
- Красилова улица
- Красная изба центр развития туризма
- Красноармейская улица
- Красное и белое магазин
- Красное поле
- Красный лев наб
- Красотка парикмахерская
- Кредо кредитный потребительский кооператив
- Кремлёвка библиотека
- Кремлёвский парк, пляж
- Кремль
- Крестецкая улица
- Крестьянская площадь, улица
- Кречевицы район
- Криз автокемпинг
- Кристалл магазин
- Кругловой Зои улица
- Кружка пенного магазин
- Круиз Большая ель хостел
- КручуВерчу кафе
- Ксения магазин
- Куафёр парикмахерская
- Кузнечная мастерская Симанова Сергея
- Купава кондитерская
- Кэндо спортивная организация
- Лаванда магазин
- Лавка Кулика
- Лавка купца Ванина
- Лада кафе, парикмахерская
- Ладея стоматология
- Ладушка аптека
- Ладушки детский сад, магазин, кулинария
- Лазанья кафе
- Лазарев монастырь, переулок
- Лазаревская улица
- Лайк хостел
- Лайм магазин
- Лактис предприятие, магазин
- Ламбада гостиница
- Лассалья улица
- Легат юридическая фирма
- Леди Икс магазин
- Леди Мэри салон красоты
- Леди Н парикмахерская
- Лёни Голикова бульвар, улица, сквер
- Ленина проспект
- Ленинградская улица
- Ленком трактир
- Лента магазин
- Лермонтова улица
- Лещ магазин
- Либкнехта улица
- Лидер магазин
- Лимпопо магазин
- Лимузин кафе
- Линии любви магазин
- Линия улыбки стоматология
- Лисёнок магазин
- Лисья нора кафе
- Лит.Ра магазин
- Литвинова-Лукина улица
- Лихудов корпус
- Локон парикмахерская
- Ломбард
- Ломоносиха улица
- Ломоносова улица
- Лорис поликлиника
- Лубяница улица
- Луговой жилой комплекс, сквер
- Лужский путепровод
- Лужское шоссе
- Лукина улица
- Луначарского улица
- Лучана салон красоты
- Льва Толстого улица
- Любава магазин
- Любовь и голуби сквер
- Любовь свадебный салон
- Любопытная Варвара кафе
- Людин (Гончарский) конец
- Людогоща улица
- Люксфлор магазин
- Магазин винзавода Millstream
- Магазин джинсовой одежды
- Магазин женских брюк
- Магазинчик
- Магнит магазин
- Мадагаскар турфирма
- Мадам Шторкина магазин
- Мак салон красоты
- Максима телекоммуникационная компания
- Малая Власиевская улица
- Малая Лубянка улица
- Малая Московская улица
- Малая Розважка улица
- Малёк магазин
- Малибу турфирма
- Малина Outletмагазин
- Малиновка кафе
- Мал-Мала-Меньше магазин
- Маловишерская улица
- Малый Волховец река
- Малыш детский сад
- Мангал кафе
- Маницына улица
- Мануфактура «Beer&food»
- Мануфактура Дёмкиных магазин
- Марафет парикмахерская
- Маргарита салон красоты
- Марина магазин
- Мария магазин
- Мармелад ТРЦ
- Маруся цветики магазин
- Маячок детский сад
- Мега Мир одежды и обуви магазин
- Мегахенд магазин
- Мелодия здоровья аптека
- Менделеев рюмочная
- Менделеева улица
- Менделюха улица
- Мерецкова-Волосова улица
- Месье Рокфор сырный бутик
- Металл и Ков кузнечная мастерская
- Мечта детский сад
- Мечта рыбака магазин
- Милава магазин
- Миледи магазин
- Милен магазин
- Миллион роз магазин
- Мининский переулок
- Минутка сквер
- Мир антенн магазин
- Мир детства магазин
- Мир женщин магазин
- Мир инструмента магазин
- Мир кожи магазин
- Мир колготок магазин
- Мир красок магазин
- Мир окон магазин
- Мир открыток магазин
- Мир офисной мебели магазин
- Мир паркета магазин

- Мир растений *магазин*
- Мир расходных материалов *магазин*
- Мир света *магазин*
- Мир соблазна *магазин*
- Мир стекла и зеркал *магазин*
- Мир стекла *магазин*
- Мир стекла Чехии *магазин*
- Мир увлечений *магазин*
- Мир цветов *магазин*
- Мира *проспект*
- Мираж Синема *кинотеатр*
- Мистер Зуб *стоматология*
- Мистерия *магазин*
- Михайлова *улица*
- Михайловка *улица*
- Михайловская *улица*
- Модерн *кинотеатр, салон красоты*
- Модный букет *магазин*
- Модный дом *магазин*
- Модный рай *магазин*
- Молодёжная *улица*
- Монумент Победы
- Монумент героям Герасименко, Красилову и Черемнову
- Море солнца *турфирма*
- Море чая *магазин*
- Москва *гостиница*
- Московская *дорога*
- Московская *улица*
- Московская ярмарка *магазин*
- Мотылёк *детский сад*
- Мстинская *улица*
- Мужества *сквер*
- Мужской стиль *магазин*
- Музыкальное училище
- Муравей *магазин*
- Муркины безделушки *магазин*
- Мусы Джалили-Духовская *улица*
- Мягкое золото *магазин*
- Мяскомь *магазин*
- Мясо Есть *кафе*
- Мячино *озеро*
- На Власьевской *магазин*
- На крючке *магазин*
- На Набережной *парикмахерская*
- На Питер *дорога*
- На Сенной *кафе, сквер*
- На Славне *кафе*
- На Хутынь *дорога*
- Наффига козе баян?! *гастробар*
- Набережная реки Гзень *улица*
- Навруз *бистро*
- Надежда *аптека, детский сад, магазин*
- Народная *аптека*
- Настенька *магазин*
- Настоящий вологодский продукт *магазин*
- Натали *магазин*
- Нахимсона *улица*
- Находка *магазин*
- Наш мясной *магазин*
- Наша обувь *магазин*
- Невис *аптека*
- Некрасова *улица*
- Неревский *конец, раскоп, апартамент-отель*
- Нередицкий монастырь
- Нехинская *улица*
- Нехинское *шоссе*
- Никитинский *раскоп*
- Никитинская *улица*
- Никиты Мученика *церковь*
- Никиты Новгородского *храм*
- Николаевская *улица*
- Николо-Бельский *монастырь*
- Николо-Дворищенский *собор*
- Николь *магазин*
- Нов Суши
- Новая мельница
- Новая Романовка *улица*
- Новволяж, *турфирма*
- Новгород *кинотеатр, аптека*
- Новгород-на-Волхове
- Новгородская городская дума
- Новгородская *гостиница*
- Новгородская областная администрация
- Новгородская областная универсальная научная библиотека (Кремлёвка)
- Новгородская *область*
- Новгородский бекон *магазин*
- Новгородский водоканал
- Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (НовГУ)
- Новгородский кузнечный двор
- Новгородский музей-заповедник
- Новгородский областной колледж искусств имени С.В. Рахманинова
- Новгородский *район*
- Новгородский чайный двор *магазин*
- Новгородфармация *аптека*
- НовДента *стоматология*
- Новинка *улица*
- НовМед *поликлиника*
- Новое зрение *поликлиника*
- Новоскул *гимназия*
- Новсвин *предприятие, магазин*
- Новтрак *предприятие*
- Новтурсервис *турфирма*
- Новый взгляд *оптика*
- Новый образ *магазин, салон красоты*
- Новый стандарт 32 *стоматология*
- Носочки *магазин*
- Нужная вещь *магазин*
- Нутная *улица*
- Нью-Йорк *кафе*
- Обаяшка *магазин*
- Обувайка *магазин*
- Обувной дворик *магазин*
- Обувной перекрёсток *магазин*
- Обувь *магазин*
- Общедоступный кредит *финансовая организация*
- Огонек *детский сад*
- Огурец *кафе*
- Одежда & Обувь *магазин*
- Окнофф *фирма*
- Околица *магазин*
- Окольный город
- Октябрь *кинотеатр*
- Окушок *магазин*
- Оловянка *улица*
- Он и Она *парикмахерская*
- Опоки
- Оптика 2000
- Оптимист *оптика*
- Орловский *гостевой дом*
- Орто-мир *магазин*
- Орфей *турфирма*
- Орхидея *салон красоты*
- Осень *магазин*
- Осетинские пироги *кафе*
- Оскар *магазин*
- Особа *парикмахерская*
- Осоковец *ручей*
- Отель на Прусской
- Отправная точка отдыха *магазин*
- Павлин *кафе*
- Памятник Тысячелетию России
- Панацея Н *аптека*
- Пандора *магазин*
- Панковка *район*
- Панкратова *улица, сквер*
- Пантелеймона *церковь*
- Папа Карло *столярная мастерская*
- Папа Лаваш *кафе*
- Папай *магазин*
- Папоротник *кафе*
- Парад одежды *магазин*
- Параскевы Пятницы *церковь*
- Парикмагик *парикмахерская*
- Парк 1100-летия Новгорода
- Парк 30-летия Октября
- Парк 45-летия «Акрона»
- Парк Юности
- Парковая *улица*

- Парное мясо *магазин*
- Партнер кредит *финансовая организация*
- Парусная *фабрика*
- Пегас-туристик *турфирма*
- Пеликан *магазин*
- ПерСона / Персона *ресторан*
- Персона *парикмахерская*
- Перынский скит
- Перынь *полуостров*
- Пестовская *улица*
- Петра *бистро*
- Петра и Павла *церковь*
- Петрович *магазин*
- ПИЛКИ *студия красоты*
- ПиваСница *магазин*
- Пивная гавань *паб*
- Пивной дворик *магазин*
- Пивной *магазин*
- Пиво *магазин*
- Пивоваровь *паб*
- Пинта *магазин*
- Пионерская *улица*
- Пиранья *магазин*
- Пискупля *улица*
- ПиццаФабрика *кафе*
- Пиццерия
- Планета детства *детский сад*
- Планета здоровья *аптека*
- Планета игрушек *магазин*
- Планета одежды и обуви *магазин*
- Планета *предприятие, поликлиника, больница*
- Планета приколов *магазин*
- Плотенский *конец*
- Плотники *район*
- Победы *площадь*
- Победы-Софийская *площадь*
- Подкова *кафе*
- Пойдём! *бюро финансовых решений*
- Покровская башня *Кремля*
- Покровский Зверин *монастырь*
- Покровский *собор*
- Полимедика *поликлиника*
- Политех *институт НовГУ*
- Политехнический *колледж*
- Польская мода *магазин*
- Польская одежда *магазин*
- Полянка *детский сад*
- Помощь *ветклиника*
- Поозерье *местность*
- Попова *улица*
- Праздничная мозаика *магазин*
- Предтеченская *улица*
- Природа *ветклиника*
- Присутственные места
- Прованс *салон красоты*
- Прокопия *церковь*
- Пролетарская *улица*
- Прометей *магазин*
- Профи *парикмахерская*
- Профстом *стоматология*
- Прусская *улица*
- Псковская *улица*
- Псковский *квадрат жилой комплекс*
- Псковский *рынок*
- Псковский *треугольник жилой комплекс*
- Псковское *шоссе*
- Пуховый рай *магазин*
- Пушкинская *улица*
- Пятёрочка *магазин*
- Пятница *магазин*
- Пятый сезон *магазин*
- Пять звёзд *стоматология*
- Рабочая *улица*
- Радикал *компания юридических услуг*
- Радикс *стоматология*
- Радуга *детский сад, отель, жилой комплекс*
- Разливное пиво *магазин*
- Размер *магазин*
- Рандеву *Имидж салон красоты*
- Раневская *салон красоты*
- Растём вместе *магазин*
- Рахманинов *Отель*
- Рахманинова *улица*
- Рахмашка *улица*
- Реверанс *салон красоты*
- Редятина (Редядина) *улица*
- Резиденция красоты *Versaille*
- Рекламный двор *рекламное агентство*
- Релиз *салон красоты*
- Ренессанс кредит *финансовая организация*
- Респект для тебя *магазин*
- Речная 8 *гостиница*
- Риверхауз *жилой комплекс*
- Ривьера *салон красоты*
- Ригла *аптека*
- Рилай *аптека*
- Рио-Де-Жанейро *салон красоты*
- Рис и Палки. *Спайси кафе*
- Робинзон *кафе*
- Рогатица *улица*
- Родничок *детский сад*
- Роза ветров *отель, салон красоты*
- Роза *парикмахерская*
- РозаРио *магазин*
- Розважа *улица*
- Розважский *монастырь*
- Розы Люксембург *улица*
- Росинка *детский сад*
- Россия (Россия Амакс *Отель*) *гостиница*
- Росткина *улица*
- Руки-Ножницы *парикмахерская*
- Русский букет *магазин*
- Русский лён *магазин*
- Русский мир *турфирма*
- Русский стиль *магазин*
- Русское золото *магазин*
- Русь Новгородская *туристический офис*
- Русь *торговый дом*
- Ручеёк *детский сад*
- Рыба Fish *магазин*
- Рыбак *магазин*
- Рыбачок *магазин*
- Рыбный двор *предприятие*
- Рыболов *магазин*
- Рыбомания *магазин*
- Рэстап *хостел*
- Рюриково *городище*
- Рябинка *детский сад*
- Садко *гостиница, ресторан*
- Садко и Волхова *фонтан*
- Сакура *салон красоты*
- Саламандра *магазин*
- Салон свадебной и вечерней моды «Wedding Gallery»
- Салон Свадебных Нарядов
- Салончик *красоты*
- Самурай *рекламное агентство, магазин запчастей*
- Сандаль *магазин*
- Сапожок *магазин*
- Саши Устинова *улица*
- Свадебная *мастерская*
- Свадебный мир *свадебный салон*
- Свадьба 53 *свадебный салон*
- Сварог *фирма, студия художественнойковки*
- Сварожич *производственная компания*
- Свердлова *улица*
- Светлый *сквер*
- Светлячок *детский сад*
- Светомир *магазин*
- Свинкиной *завод*
- Свободы *улица*
- Свои люди *парикмахерская*
- Связаться с нами *турфирма*
- Связи *улица*
- Святого Духа *Духова монастыря храм*
- Северный *район, рынок*
- Сезон *магазин*

- Секреты долголетия *поликлиника*
- Сельхоз институт *НовГУ*
- Семейная клиника на Рахманинова
- Семейные традиции *магазин*
- Семицветик *магазин*
- Сенатор *мебельная фирма*
- Сенная *площадь*
- Сергея Радонежского *церковь*
- Серебро *магазин*
- Серебряное настроение *магазин*
- Сиверсов *канал*
- Симеона Богоприимца *церковь*
- Синдбад *кафе*
- Синематограф Кордые *кинотеатр*
- Синхрофон *кинотеатр*
- Ситилаб *клинико-диагностическая лаборатория*
- Сказка *детский сад, кафе*
- Скатерть-Самобранка *кафе*
- Сквончи *магазин*
- Скрепка *магазин*
- Славенский *конец, раскоп*
- Славия *телерадиокомпания*
- Славкова *улица*
- Славно *холм*
- Славянская ярмарка *рынок*
- Слетать.ру *турфирма*
- Словенское море
- Смайл *стоматология*
- Смайлики *магазин*
- Сметанинская мыза *остановка, магазин*
- Смешные цены *магазин*
- Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря
- Собор Спаса Преображения Хутынского монастыря
- Советская *улица*
- Советской Армии *улица*
- Сокол *магазин*
- Соколиный двор
- Солецкая *улица*
- Солнышко *детский сад*
- Солод *магазин*
- Соната *салон красоты*
- Софийская *сторона, площадь, гостиница*
- Софийский *собор*
- София *апарт-отель, турфирма, товарищество собственников жилья, школа олимпийского резерва, студия танца*
- Спаса на Нередице (Нередица) *церковь*
- Спаса Преображения на Ковалёве *церковь*
- Спаса Преображения на Ильине *церковь*
- Спасение *ветклиника*
- Спасская *слободка*
- Спасский собор Юрьева монастыря
- Сплав *завод, торговый центр*
- СпортАктив *магазин*
- Сретения Владимирской иконы Божией Матери *собор*
- Сретения Господня *храм*
- Стайлинг *парикмахерская*
- Стальков *кузнечная мастерская*
- Старина *магазин антиквариата*
- Стекловь *завод*
- Стиль *салон красоты*
- Столбери *магазин*
- Столовая на Великой
- Стоматолог и Я *стоматология*
- Страна дверей *фирма*
- Стратилатовская *улица*
- Стрекоза *магазин*
- Стрижка *парикмахерская*
- Стришкин дом *парикмахерская*
- Строителей *площадь*
- Строительный колледж
- Студия красоты М
- Студия Свадебных событий
- Сударушка *кафе*
- Судачок *магазин*
- Сундучок *магазин*
- Супкаксуп *стритфуд*
- Суши Wok
- Суши Маркет
- Суши Рис
- Суши Фуд
- Суши хауз
- Суши-бар
- Сушишоп
- Счастливая пекарня
- Счастливый взгляд *оптика*
- Счастье *кафе*
- Съестная лавка
- Сыр и не только *магазин*
- Сырков *монастырь*
- Сырково *район*
- Сырковский *путепровод*
- Сырковское *шоссе*
- Табачный дворик *магазин*
- Тандыр Хауз *кафе*
- Тарасовец *ручей*
- Твой стиль *парикмахерская*
- Твой Шоколад *парикмахерская*
- Твоя сумка *магазин*
- Театр времени *экспозиция*
- Театр для детей и молодежи «Малый»
- Театр драмы имени Ф.М. Достоевского
- Телегина-Редятина *улица*
- Телеграф *кафе*
- Тепло *траттория*
- Теремок *детский сад*
- Территория красоты *парикмахерская*
- Территория права *юридическая фирма*
- Технологический колледж
- Тимура Фрунзе-Оловянка *улица*
- Тихвинская *улица*
- Том и Джерри *магазин*
- Тополёк *детский сад*
- Торг
- Торговая *сторона, площадь*
- Торгово-технологический техникум
- Торт в рот *кондитерская*
- Трансвит *завод*
- Три бочки *магазин*
- Три желания *кафе*
- Три клёна *гостиница*
- Три кота *гостевой дом*
- Три носка *магазин*
- Три толстяка *кафе*
- Трибукета *магазин*
- Тривел *магазин*
- Трикотаж великолукский *магазин*
- Трикотажные истории *магазин*
- Тринити *жилой комплекс*
- Троицкая *церковь*
- Троицкая-Пробойная *улица*
- Троицкий *раскоп, собор*
- Троицкий собор в Клопском монастыре
- Трубичино *деревня, тепличный комбинат*
- Труда *площадь, улица*
- Трудовые резервы *стадион*
- Трюфель *кондитерская*
- Ты и я *свадебный салон*
- Тысяча и одна ночь *бистро, кафе*
- У ЗАГСа *кафе*
- У Миши *магазин*
- У Назара Мясо Есть *магазин*
- У Палыча *кондитерская*
- У церкви Двенадцати апостолов *сквер*
- Уверения Фомы в Воскресение Господне *храм*
- Угольная *улица*
- Удобная обувь *магазин*
- Улыбка *детский сад*
- Ульяна *стоматология*
- Урицкого *улица*
- Услуга *парикмахерская*
- Успения в Волотове *церковь*

- Успения на Торгу *церковь*
- Утро на ферме *магазин*
- Учётно-коммерческий техникум
- Уютная квартира на набережной *апартаменты*
- Фаворит *магазин*
- Фамильное золото *магазин*
- Фармакор *аптека*
- Фауна *ветклиника*
- Федора Стратилата на Щиркове *церковь*
- Федора Стратилата на Ручью *церковь*
- Федоровский *раскоп*
- Федоровский ручей *улица*
- Фемида *юридическая фирма*
- Феррум *фирма*
- Фея *свадебный салон*
- Фиджи *салон красоты*
- Фиеста *магазин*
- Филармония
- Философия красоты *парикмахерская*
- Фишман шоп *магазин*
- Фламинго *салон красоты*
- Флора *магазин*
- Флора 53 *магазин*
- Флоранс *магазин*
- Флоренция *магазин*
- Флорист.ру *магазин*
- Формула здоровья *аптека*
- Формула красоты *парикмахерская*
- Формула улыбки *стоматология*
- Халява Мёд *бутик-отель*
- Хаси-студия *суши-бар*
- Хаски *магазин*
- Химиков *улица*
- Химико-индустриальный техникум (НовХИТ)
- Хинкальная № 1
- Хмель *магазин*
- Хорошенькие платья из Прибалтики *магазин*
- Хоум кредит *финансовая организация*
- Хочу торт *кафе-кондитерская*
- Хочу шаверму *кафе*
- Хривкова *улица*
- Хризантема *магазин*
- Хутынская *улица*
- Хутынский монастырь
- Хутынь *деревня*
- Хэпиленд *кафе*
- Цаца *салон красоты*
- ЦветНовТорг *магазин*
- ЦвеТочка *магазин*
- Цветочница *магазин*
- Цветочный город *магазин*
- Цветочный дворик *магазин*
- Цветочный мир *магазин*
- Цветы 24 часа *магазин*
- Цветы за полцены *магазин*
- Цветы Зелёного хозяйства *магазин*
- Цветы *магазин*
- Цветы у Анны *магазин*
- Цветы 53 *магазин*
- Цветы.Рго *магазин*
- Цветы.ру *магазин*
- Центр свадебной моды и дизайна
- Центр Суши
- Центральный рынок, *стадион*
- Цирюльник *парикмахерская*
- Цирюльня Щеголь
- Чайная ложка *кафе*
- Чародейка *бар*
- Часозвоня (Евфимиевская башня)
- Чебурашка *детский сад*
- Чедерская *улица*
- Черевички *магазин*
- Черемнова-Конюхова *улица*
- Черепичная *улица*
- Чёрный континент *кофейня*
- Чернышевского *улица*
- Черняховского *улица*
- Четыре лапы *магазин*
- Чешский лев (Český Lev) *магазин*
- Читай-город *библиотека*
- Чудинцева *улица*
- Чудовская *улица*
- Шаутман *кафе*
- Шабровка *район*
- Шаверма
- Шаверма «Великий Новгород»
- Шаверма 53
- Шаверма № 1
- Шаверма SENIOR
- Шаверма на углях
- Шарлотка *кулинария*
- Шаурменная *кафе*
- Шафран *кафе*
- Шашлычная
- Шашлычок *кафе*
- Шёлковый путь *кафе*
- Шик *салон красоты*
- Шиколад *салон красоты*
- Шимская *улица*
- Шинколюбово *магазин*
- ШКАФ *магазин*
- Шкипер *кафе*
- Школа гусельника Антония
- Школа имени Г. Р. Державина (№ 36)
- Школа имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (№ 20)
- Школа имени Сергея Павловича Шпунякова (№ 15)
- Шмидта *улица*
- Шнурки *магазин*
- Шок *магазин*
- Шпилька *магазин*
- Штопор *магазин*
- Щиркова *улица*
- Щитная *улица*
- Щукарь *магазин*
- Щурова *улица*
- Щусева *улица*
- Щуська *улица*
- Эврика *гимназия, магазины, гостевой дом*
- Эгида *юридическая фирма*
- Эдем *турфирма*
- Эконом *магазин*
- Экран *кинотеатр*
- Элегия *салон красоты*
- Электрон *стадион*
- Электротеатр «Синематограф» *кинотеатр*
- Элита *магазин*
- Эмилия *магазин*
- Эстер *стоматология, магазин*
- Эстетик Spa *салон красоты*
- Этикетка *магазин*
- Юбилей *магазин*
- Ювелирный *магазин*
- Ювелирторг *магазин*
- Юджи *салон красоты*
- Южный *жилой комплекс*
- Юлия *парикмахерская*
- Юрьев монастырь
- Юрьево *деревня*
- Юрьевская *слобода, улица*
- Юрьевский *пляж*
- Юрьевское Подворье *ресторан*
- Юрьевское *иоссе*
- Ягодка *детский сад*
- Якова Павлова *улица*
- Яковлева *улица*
- Яковлевская *улица*
- Янева *улица*
- Яркое местечко в центре города *апартаменты*
- Ярослав *хостел*
- Ярославово *дворище*

Шмелева Татьяна Викторовна
Великий Новгород: ономастический портрет

Технический редактор, составить приложения И.В. Василенко
Корректор Н.С. Хиврич
Вёрстка и дизайн О.М. Матлаш

ISBN 978-5-6044057-5-8

Печать офсетная. Печ. л. 18. Тираж 150 экз.
Подписано в печать .12.2020 г.

Отпечатано в ООО «ТПК «Печатный Двор» г. Великий Новгород,
ул. Нехинская, д.61, производственный корпус 3.
тел. 8(816-2) 502-233